

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:

А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.В. Брэскі
А.М. Вабішчэвіч
А.А. Высоцкі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2010

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 9 ад 15.01.2010 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, культуралагічных, эканамічных і юрыдычных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.V. Breski
A.M. Vabishchevich
A.A. Vysotski
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
Y.Y. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2010

According to the order of Supreme certification commission № 9
from January 15, 2010, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in historical, cultural, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Тафаев Г.И., Юдина И.И. Ордынская трансформация древнечувашской цивилизации (1243 – 1552 гг.).....	5
Галимова Н.П., Лавременко Л.В. Брестская епархия: основные аспекты религиозной жизни (1945 – 1960 гг.).....	12
Вуглік І.Р. Застольны этыкет старабеларускай шляхты XVII–XVIII ст. : тыпалогія, гістарычныя змены.....	22
Савіч А.А. Дзіцячыя дамы на тэрыторыі Івацэвіцкага раёна ў другой палове 1940-х – 1950-я гады.....	27
Алексейчикова Н.Н. Вдовство в белорусских городах в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата).....	33
Тимофеев Р.В. Культурный досуг работников транспортных предприятий БССР в 1943–1991 гг.	42
Морозько Е.В. Благотворительная деятельность Минской православной епархии (вторая половина XIX в.).....	49
Гарматны В.П. Браніслаў Тарашкевіч і аграрнае пытанне ў Сейме II Рэчы Паспалітай (1922–1927 гг.).....	56
Павшок А.В. Благотворительные католические общества на территории Беларуси и их деятельность в начале XX века.....	63

ЭКАНОМІКА

Черновалов А.В. К вопросу об эффективности рыночных институтов в рамках белорусской институциональной среды.....	72
Граник И.М. Кластерный подход как фактор регионального развития и повышения конкурентоспособности в условиях инновационно-ориентированной экономики.....	83
Борсук Н.В. Амортизационная политика и ее влияние на результаты деятельности коммерческой организации.....	93
Седель О.Я. Повышение эффективности обновления основных фондов предприятия путем совершенствования амортизационной политики.....	103
Грузинская Е.В. Система гибкого регулирования условиями кредитования.....	110
Варакулина М.В. Показатели оценки эффективности системы управления персоналом на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь.....	121

ПРАВА

Храмов С.М. Криминологический анализ зарегистрированной и латентной преступности в Республике Беларусь.....	130
Зайчук Г.И. Некоторые аспекты права лесопользования.....	140
Цюга С.А. Нации и национальные общности как субъекты конституционно-правовых отношений.....	150
Червякова Т.А. Место лицензирования в механизме правового регулирования.....	157
Звесткі аб аўтарах.....	164

INDEX

HISTORY

Tafaev G.I., Yudina I.I. Ordyn Transformation of Old Chuvash Civilization(1243–1552 гг.).....	5
Galimova N.P., Lavreenko L.V. Brest Eparchy: Main Aspects of Religious Life (1945–1960).....	12
Vuhlik I. Drinking Etiquette old Belarusian gentry XVII-XVIII century: typology, historical changes	22
Savich A.A. The children's homes in Ivatsevichy district in the late 1940s–1950s.	27
Alekseychikova N.N. The widowhood in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries (to information's of assembly books of Mogilev's council)	33
Timofeev R.V. Cultural leisure of the workers of the transport enterprises of Byelorussia in 1943–1991.....	42
Morozko K.V. Charities of the Minsk Orthodox Diocese in the 2 nd half of the 19 th century	49
Harmatny V.P. Bronislav Tarashkievich and agrarian question in the Seim of II Rzeczy Pospolitej (1922–1927)....	56
Pavshok A.V. Catholic charity societies on the territory of Belarus at the beginning of the 20th century.....	63

ECONOMICS

Chernoalov A.V. To a question of efficiency of market institutions within the framework of Byelorussian institutional environment	72
Granik I.M. Cluster approach as a factor in regional development and competitiveness in innovation-oriented economy	83
Borsuk N.V. Depreciation politics and its influence on the results of activity of profitmaking organizations	93
Sedel. O.Y. The Increase in the Efficiency of Fixed Assets Replacement of the Enterprise by the Improvement of Amortization Policy.....	103
Gruzinskaya Y. V. System of flexible regulation by conditions of crediting.....	110
Varaculina M.V. Parameters of an Estimation of Effectiveness of a System of Personnel Management at the Enterprises of the Housing and Communal Services in the Republic of Belarus	121

LAW

Chramov S. M. Criminological analysis of registered and latent criminality in the Republic of Belarus	130
Zaichuk G.I. On Some Aspects of Forest Using.....	140
Tsjuga S.A. Nations and National Communities as Subjects of Constitutional Juridical Relations.....	150
Chervyakova T.A. Place of licEnsing in the Mechanism of Legal Regulation	157
Information about the authors	164

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(470.344)

Г.И. Тафаев, И.И. Юдина

ОРДЫНСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРЕВНЕЧУВАШСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (1243–1552 гг.)

В статье исследуется процесс радикальной смены древнечуваашской цивилизации в условиях Ордынской трансформационной эпохи (1243–1552 гг.). Опираясь на монографические исследования, исторический эпос об Улыпe и другие источники, авторы пришли к выводу о том, что на обломках Волжско-Камской Болгарии образовалась языческая чувашская (локальная) цивилизация рядом с мусульманской татаро-кыпчакской цивилизацией. Также сделан вывод о том, что ордынская трансформация вызвала целый ряд военно-политических, социально-экономических, этнокультурных, этноязыковых, этноконфессиональных и других изменений в жизни народов Среднего Поволжья.

Введение

В конце XX – начале XXI вв. возрос интерес всех народов мира к своим этнокультурным и этноконфессиональным истокам. Укрепились понятия религиозной и культурной самоидентификации. На постсоветском пространстве появились новые государства и, исследователи занимаются поисками своих национальных корней. Процессы национально-культурного возрождения затронули и один из народов Среднего Поволжья – чувашей. Одним из драматических периодов в их истории было монголо-татарское владычество, в ходе которого было уничтожено 30% населения Волжской Болгарии. Шестидесятилетняя война конца XIV – начала XV вв. истребила до 80% населения Болгарского улуса Золотой Орды. Процессы выживания и вытеснения «худых болгар» продолжались и в последующие годы.

Золотая (т.е. богатая) Орда звучит красиво и заманчиво, но Орда – звучит очень страшно. Орда для чувашей («худых болгар») – олицетворение насилия и бесправия. Это отражено в эпосе об Улыпe о монголо-татарских погромах и геноциде [1, с. 43–46]. В другой легенде о разгроме г. Пюлер (вариант г. Болгар) говорится о Болгарском холосте. Однако болгаро-чувашская легенда возрождает веру в светлое будущее, завершается на оптимистической ноте – верой в «золотой век». Болгаро-чувашский эпос об Улыпe и легенда о разгроме г. Пюлер указывают на кровь и слезы, которые лились рекой после разгрома Волжско-Камской Болгарии монголо-татарами-кыпчаками.

Ордынская эпоха древнеболгарской цивилизации для чувашей начинается с осени 1236 г., когда татары вторглись на территорию Волжско-Камской Болгарии (Булгарии). Татарский исследователь А.Х. Халиков отмечает, что укреплялись крупные города, расположенные в Закамье, особенно столица страны – Великий город, или Булгар на Черемшане [2]. Видимо, в это время на восточных и юго-восточных рубежах страны возводились засечные линии и огромные земляные валы, остатки которых сохранились ныне в районе рек Яика (Урала), Белой, Кондурчи, Большого Черемшана, Ика и других местах.

Продолжались усилия и по сохранению русско-булгарского мира. В 1229 г. был продлен еще на 6 лет мирный договор между Булгарией и Владимиро-Суздальской Русью. Подписание этого договора происходило на нейтральном Кореневом острове, расположенном на Волге недалеко от устья Суры. По условиям мира было разрешено «купцам ездить по обе стороны с товаром невозбранно и пошлину платить по уставу каждого города безобидно, рыболовам ездить по обе стороны межи и иметь любовь и мир».

Весной 1229 г. монгольское войско численностью 30 тысяч воинов в сопровождении большого числа вспомогательных отрядов двинулось на запад и к осени уже было в степях Яика и Итиля. Однако опять на пути монгольских войск встали болгары. Хотя монголам и удалось разгромить половцев и саксинов в Приуральско-Прикаспийских степях, нанести поражение болгарским форпостам на Яике и Урале, но продвинуться на север они не смогли.

В это время в тылу монгольских завоеваний – в Средней Азии и Афганистане – еще находился очаг сопротивления, возглавляемый последним из хорезмшахов Джалал ад-Дином. Ведь именно тогда, в 1228–1229 гг., против него была отправлена кааном Угедеем вторая монгольская 30-тысячная армия, возглавляемая нойоном Джурмагун. В начале 30-х годов XIII века монголы уже прибрали к своим рукам не только все азиатские степи, но и прилегающие к ним государства: в 1227 г. было ликвидировано Тангутское государство к северу от Китая [2, с. 27–28].

Учитывая необходимость объективного изложения одной из трагических страниц истории чувашей, целью данного исследования является осмысление процесса смены древнеболгарской (древнечувашской) цивилизации в условиях Ордынской эпохи (1243–1552 гг.).

Историография истории Золотой Орды

Исследователи достаточно подробно изучали генезис, расцвет и распад Золотой Орды. Мы предлагаем обратить внимание на историографию проблемы, изложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым, который отмечает, что в первой большой работе по истории Золотой орды, принадлежащей перу И. Хаммера-Пургшталля, почти совсем не была затронута тема общественного устройства в Улусе Джучи [3].

Попытку конкретного анализа общественного строя собственно Золотой Орды предпринял И.Н. Березин. Его переводы и комментарии ярлыков, увенчавшиеся большим исследованием внутреннего строя Золотой Орды, были для своего времени прогрессом. Но И.Н. Березин дал анализ не социального строя, а государственного аппарата Золотой Орды, который он рассматривал исходя из понятий и представлений сословно-чиновничьего строя России середины XIX в. И.Н. Березин попытался дать своеобразную золотоордынскую «табель о рангах».

В соответствии с распространенными тогда взглядами И.Н. Березин видел в Золотой Орде сосуществование, своеобразный симбиоз двух стихий: оседлой, культурной, цивилизованной и дикой, кочевой, неорганизованной, разрушительной. В свойственных для его научной среды идеалистических тонах ученый поставил вопрос об изучении этого сосуществования кочевой стихии Золотой Орды и оседлого городского населения – главного носителя централизаторских тенденций.

Исследования И.Н. Березиным внутреннего строя Золотой Орды свелись главным образом к выяснению по ярлыкам роли и функции различных чиновнических должностей, изучению государственного аппарата. Кочевая стихия представлялась И.Н. Березину неорганизованной, аморфной. В его работах господствовала мысль о том, что государственный централизм и его аппарат был для кочевого населения и степи чем-то чуждым, поверхностным. Исследователь считал, что государственная организация была привнесена в аморфную кочевую стихию Чингисханом.

Работы И.Н. Березина были с интересом встречены русской общественностью и интеллигенцией тюркских народов России. На них откликнулся Ч.Ч. Валиханов, писавший о том, что Джучидский улус не имел другого государственного аппарата, кроме свиты хана, был лишен правильного административного устройства.

Как своеобразную проекцию родоплеменной, патриархальной власти, имевшей место внутри кочевых групп, на всю империю, где она становится ханской властью,

рассматривал монгольское государство Ф.Ф. Лашков – исследователь аграрных отношений в Крыму после монгольского завоевания. По его мнению, образование империи не нарушило патриархально-родового быта, который проявился в общности скота. Но при этом он отмечал наличие при ханах постоянных дружин со строгой дисциплиной, утверждал, что в этом обществе было рабство, деньги, служилое сословие. Во взглядах Ф.Ф. Лашкова чувствуется сильное влияние концепции И.Н. Березина, доведенной до признания противоречивости кочевого быта государственному строю.

Продолжатель работ Ф.Ф. Лашкова Г.Ф. Блюменфельд ищет в золотоордынской кочевой эпохе зародыши поземельных отношений в Крыму. Согласно его утверждениям, само распределение пастбищ между кочующими родами и семьями было не проявлением и реализацией монопольной собственности хана и кочевых феодалов, а средством регулирования ханами общинного, племенного, родового землепользования.

Дореволюционная татарская историческая наука очень мало внимания уделяла анализу социального строя кочевого общества, его структуры в Золотой Орде. Это в первую очередь касается Марджани, который изучал главным образом политическую историю Золотой Орды, генеалогию ханов и их борьбу.

В советское время резко повысился интерес историков к общественному строю и экономике Золотой Орды. Первые попытки исследования в этом направлении отличались необоснованным социологизмом. В работах А.Ю. Якубовского намечился марксистский подход к теме. Он дал представление о кочевом обществе в Золотой Орде как феодальном, использовал для его характеристики ярлыки золотоордынских ханов. Существенное значение имеет книга А.Н. Насонова «Монголы и Русь», в которой проведено описание двух военно-политических центров в степях Золотой Орды в конце XIII в., исследование соотношения власти Джучидов и каракорумской администрации в XIII в., множество отдельных верных наблюдений над внутренним строем Золотой Орды.

Советские историки разработали тезис о противоборстве двух тенденций среди монгольской аристократии в XIII в., выразившемся в борьбе, с одной стороны, кочевой знати, а с другой – знати, стремившейся к связям с оседлыми областями. В 1947 г. Г.М. Валиахметовым была защищена диссертация по теме «Общественно-политический строй Золотой Орды». Ряд важных мыслей о социальном строе был изложен в работе М.Г. Сафаргалиева о распаде Золотой Орды. Кочевой феодализм в Золотой Орде привел к развалу единого государства, который ускорился в результате борьбы русского народа и походов Тимура в конце XIV в.

Иной подход демонстрирует современный немецкий историк Б. Шпулер, занимающийся изучением Золотой Орды, который исходит из отвлеченной схемы борьбы двух различных начал в Восточной Европе: «мусульманской культуры и духа» с «христианской русской культурой», в которой мусульманство одержало победу и не дало возможности сблизиться Руси и кочевникам. Ученый считает, что монгольское завоевание изменило русских людей, «модифицировало русскую натуру». Однако описанию общественных отношений Б. Шпулер уделит мало внимания. Такие социальные явления, как ленные владения (суюргал) и т.п., рассматриваются только формально, с правовой точки зрения и безотносительно к тому, в какой период они развились в истории Золотой Орды. Эти вопросы затронуты в статье израильского востоковеда А.И. Поляка о золотоордынском феодализме. В работе «Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе» он посвящает этой проблеме целый раздел. Рассматривая параллельно феодальную систему мамлюкского Египта и Золотой Орды, исследователь видит в них много общего: военно-феодальный класс концентрируется в городах-лагерях, где обслуживается рядовым населением, сведенным на положение рабов или полурабов; представители военно-феодального класса сами участвуют в организации ремесла и торговли в городах, а аграрное население, прикреплен-

ное к земле, эксплуатируют. Оценивая работы А.Н. Поляка, мы должны отметить их как пример возросшего в последнее время интереса к социальной истории Золотой Орды в буржуазной, немарксистской историографии, а также указать на скудость фактической базы в исследованиях этого автора, приводящую к тому, что его построения в значительной степени остаются умозрительными схемами. А.И. Поляк во многом исходит из гипотезы об однотипности развития Золотой Орды и мамлюкского Египта, что неправильно и методологически, и фактически.

Определенный интерес к социальному строю Золотой Орды мы находим и в работах турецких историков, посвященных главным образом ярлыкам золотоордынских ханов. Однако это в большей степени публикации и терминологические комментарии, а не исследования общественного строя Золотой Орды [3, с. 18–23].

Из региональных исследователей России проблемами Золотой Орды активно занимались Г.А. Федоров-Давыдов, М.Г. Сафаргалиев, Р.Г. Фахрутдинов, С.Х. Алишев, Р.Х. Бариев, Г.М. Давлетшин, В.Д. Димитриев, М.З. Закиев, И.Л. Измайлов, Д.М. Исхаков, Э.С. Кульпин, А.Г. Мухамадиев, И.Н. Смирнов, А.П. Смирнов, И.Г. Тагиров, А.А. Хабибуллин, А.Х. Халиков, В.Ф. Каховский и др.

Затрагивая процесс завоевания, Г.А. Федоров-Давыдов писал о том, что иначе обстояло дело в основных, степных, кочевнических районах, заселенных по преимуществу половцами. Здесь местная аристократия была уничтожена, продана в рабство или уведена в Центральную Азию. Однако оседлые земли не меньше пострадали от монгольского завоевания. Именно они были разграблены монголами, стремившимися превратить все завоеванные земли в большие «необитаемые пространства» – территорию для своих кочевий. Монголы-кочевники были далеки от оседлого феодального земледельческого и городского укладов и видели в населении деревень и городов лишь объект грабежа и плательщиков дани. В Восточной Европе монголы нашли бескрайние степи и кочевое население. К ним они могли применять те социальные формы феодальной эксплуатации, которые принесли с собой и которые созрели в монгольском кочевом обществе к концу XII в. [3, с. 27–28].

Трансформация Золотой Орды и становление чувашской (локальной) цивилизации

Управление оседлыми оазисами общеимперской администрацией в бушующей кочевой степи при всех злоупотреблениях, насилиях и беззакониях ее многочисленных представителей все же позволило в середине XIII в. провести ряд общих мероприятий по переписи населения, организации связи, некоторые меры по упорядочению денежного обращения. Проводниками всех этих общегосударственных мероприятий были даруги и баскаки. Вначале оседлые земли Средней Азии и Ирана (до Хулагу) находились в ведении правителей, подчиненных «непосредственно великому каану Каракоруму [3, с. 28–29]. Для управления покоренными народами была создана система «баскачества».

Города и земледельческие районы получили некоторую обособленность в море кочевой стихии, где распоряжались монгольские нойоны и ханы. В Чувашии (Горной Болгарии) в городище Большая Таяба был создан «центр баскака». Основными задачами таябинского баскака были следующие: сбор налогов с чувашей («худых болгар»); перепись населения Чувашского края; набор войск из чувашской знати (аристократии), населения; устройство почтовых сообщений; ремонт городища и дорог; защита Таябинского городища от вторжения и восстаний; сбор и поставка рабынь (девушек) для воинов и баскака, «сидевших» в Таябинском городище; контроль за похоронно-религиозной службой; миссионерская деятельность среди чувашского населения.

Оседлые земли исключались из ведения и власти удельного кочевого феодала, и доходы с них рассматривались как доходы всего рода Чингисхана, как родовое имуще-

ство, которое следует поделить в соответствии с теми или иными правами членов рода. В целом в первый период истории Золотой Орды в XIII в. эксплуатация оседлых земель, включая прямые грабительские экспедиции монголов, проводилась западной кочевой аристократией не непосредственно, а через имперских откупщиков и чиновников. Такое положение было в Золотой Орде примерно до конца 1260-х годов, когда при Менгу-Тимуре наметился рост политической самостоятельности Джучидов. В этом отношении показателен единственный актовъый источник XIII в., дошедший до нас от Золотой Орды: ярлык Менгу-Тимура 1267 г., выданный русскому духовенству [3, с. 31–34].

Ярлык определял повинности покоренного земледельческого населения, от которых освобождались представители православного духовенства. С оседлого населения взималась «дань». Характер переписи для обложения данью был подомный, посемейный. Был также установлен сбор в пользу монголов, именовавшийся «тамга» и «десятина». «Десятина», возможно, и была «данью», упоминавшейся в ярлыке 1267 г. и летописях. Взыскивалось «ордынское серебро», упоминавшееся в летописях. Кроме того, население было обложено различными повинностями по обеспечению монгольских властей подводами, кормом, лошадьми. К этому роду повинностей относился «ям». Население было обложено также «поплужной» податью, т.е. поземельным налогом, взимавшимся с плуга, рала. В ярлыке 1267 г. упоминается повинность выставлять воинов.

Ярлык дает перечисление фискальной монгольской администрации XIII в.: это прежде всего людской (наверное, улусный) баскак и «данщики», «писцы», «послы», «поплужники», «таможники». Остается неясным, были они в общеимперском подчинении или под властью джучидского хана. Ярлык выдан от имени джучидского хана и потому предполагал, что баскаки и «поплужники», «данщики» и «таможники» будут слушать указы Джучидов. Но в начале ярлыка есть ссылка на постановление Чингисхана, а также указание: «Тако молвя и последний цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов». Впоследствии, в XIV в., ссылка на Чингисхана станет простой формальностью, но в 1260-х годах она, вероятно, была полна смысла и без нее постановление Менгу-Тимура было бы для баскаков и другого чиновничества недействительным.

Какие отношения сложились между монголами и покоренными ими кочевыми народами? Археологические материалы погребений кочевников XIII–XIV вв. позволяют проследить ряд значительных перемещений половецких и других кочевых племен, населявших южнорусские степи. Увеличение численности кочевого населения Поволжья и Молдавии, переселение черных клобуков, исчезновение кочевого населения в низовьях Дона и т.п. хронологически относятся к монгольскому завоеванию. Для объяснения этих перемещений необходимо обратиться к социальной истории кочевой степи XIII в. и общественной организации самих монголов накануне походов. Специфика социальных отношений у древних монголов и у ряда других кочевых племен заключалась в родоплеменном характере вассалитета, при котором вассалом выступала община кочевников целиком, но отношения ее к роду-покорителю не традиционно патриархальные, основанные на отношениях первобытнообщинного понимания старшинства и старейшинства, а новые, сложившиеся на отношениях, бывших результатом их покорения. Эта особенность кочевнического вассалитета в некоторых степных районах сохранилась до XIX в. [3, с. 35–36].

Для обозначения различных слоев и групп монгольской кочевой аристократии существовали следующие термины, использованные в данной статье.

Каан. Глава Чингизидов. Первым этот титул принял Угедей, правивший в Каракоруме. При Кубилае резиденция каана была перенесена в Пекин. Избирался на курултае – совете чингизидских царевичей и всех членов Чингизидов, а также важнейших представителей кочевой аристократии и чиновников.

Хан. Глава какой-либо основной чингизидской ветви, потомков Угедея, Хулагу, Джучи, Джагатая. В восточных (персидских) источниках в XIII – начале XIV в. часто заменялся термином падишах и султан. В русских источниках, начиная с Менгу-Тимура, – «царь», «цесарь».

Нойон, инак, бахадур, бек, эмир. В XIII – начале XIV в. представители аристократии, обычно не связанные кровным родством с Чингизидами. Это были либо главы родов, находившиеся в вассальной зависимости вместе со своим родом, т.е. потомки старой дочингизовской аристократии, не порвавшей еще связей со своим родом или племенем (до Чингисхана нойоны – это почти исключительно наследственные вожди племен), либо назначенные ханом военачальники, получившие за военную службу удел – улус, в который часто входили разные и чуждые самому военачальнику племена, либо служилый слой аристократии при дворе хана или каана. Беки были и в золотоордынской Волжской Болгарии («бек», «инал», «ага», «ювари» – титулы болгаро-татарской знати, встречающиеся в текстах надгробий золотоордынского периода).

В монгольском государстве Чингисхана формы зависимости несли на себе отпечаток военных обстоятельств. Взаимоотношения кочевников, попавших в вассальную зависимость от рода-победителя, нашли свое выражение в создании системы улусов, которая противоречила сохранявшимся патриархальным и племенным делениям. Большой удар пережиткам родоплеменных отношений нанесло возникновение новых взаимоотношений кочевых феодалов-сеньоров и их вассалов, основанных на принципах военного подчинения попавших в зависимость родов и племен, разделенных на десятки, сотни, тысячи и тьмы. О том, что тысяча, или тумен, – это не просто количество воинов, а именно такое держание, которое может выставить тысячу или десять тысяч воинов, свидетельствует то что, несмотря на естественный прирост населения и поглощение какой-либо тысячей, или туменом, других групп, в течение долгого времени эти подразделения оставались все той же воинской единицей. В XII в. тысяча кибиток стала приравняться к куреню. «В ту эпоху тысячу кибиток, располагавшихся таким образом (куреном), считали за один курень» [3, с. 45–48].

Заключение

Анализ геноцида болгар и народов Среднего Поволжья в условиях Ордынской эпохи даёт основания разделить эти кровавые события на 3 хронологических периода: 1) с 1236 г. по 1361 г.; 2) с 70-х гг. XIV в. по 1419 г.; 3) с 20-х гг. XV в. по 1552 г. Говоря о степи XV в. и сравнивая ее с кочевым населением Дешт-и-Кыпчак XIV в., мы должны констатировать решительное возвращение к кочевому хозяйству и упадок тех элементов оседлости, комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, которые зарождались здесь еще в домонгольское время. Общественный строй Золотой Орды хотя и дал благоприятную «почву для городов в начале XIV в., в конце XIV в., особенно в XV в., оказался крайне неблагоприятной средой не только для торгово-ремесленных элементов, но и для земледельческого оседлого уклада. Феодалная борьба и внешние вторжения привели к упадку хозяйства в степи, отмеченному современниками» [3, с. 168–170].

Кроме того, изучение данной темы позволяет сделать следующие выводы:

1) начало процесса ордынской трансформации следует отнести к 1236 г. – к монголо-татарскому нашествию. С образованием в 1243 г. Золотой Орды процесс трансформации углубился;

2) для народов Среднего Поволжья данный процесс характеризовался военно-политическими, социально-экономическими, территориальными, антропологическими, этноязыковыми, этнокультурными, этнопсихологическими, этноконфессиональными трансформациями;

3) из недр Волжско-Камской Болгарии (цивилизации) возникла чувашская цивилизация;

4) в условиях Ордынской эпохи консолидировались чувашский («худоболгарский»), башкирский, мордовский, марийский, удмуртский, татарский народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сюин, Ф. Улып: чувашский народный эпос / сост. Ф. Сюин; пер. А. Дмитриев. – Чебоксары : Увашское книжки. изд-во, 2009. – 462 с.

2. Халиков, А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария / А.Х. Халиков. – Казань, 1994.

3. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1973.

Tafaev G.I., Yudina I.I. Ordyn Transformation of Old Chuvash Civilization (1243-1552)

The process of radical change of Old Chuvash in the conditions of Ordyn transformation epoch (1243-1552) is considered in the article. On the basis of monographical research, historical epos of Ulpa and other resources the authors have come to the conclusion that on the ruins of Volga-Kamsk Bulgaria pagan Chuvash (local) civilization alongside with Muslim Tataro-Kupchaksko civilization was formed. The author comes to the conclusion that Ordyn transformation resulted in a series of military-political, social-economic, ethno-cultural, ethno-language, ethnoconfessional and other changes in the life of the peoples of Middle Volga region.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.03.2010

УДК: 94 (476)

Н.П. Галимова, Л.В. Лавренко

БРЕСТСКАЯ ЕПАРХИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ (1945–1960-е гг.)

В статье на основе различных историографических источников и, в первую очередь, архивных материалов, дается глубокий анализ основных аспектов религиозной жизни Брестской епархии в 1945–1953 годах. Определяются особенности деятельности Брестской епархии среди населения не только через церкви и молитвенные дома, но и в населенных пунктах. Освещаются вопросы религиозности населения и то, как она проявлялась. Особое место в статье уделяется деятельности священнослужителей, их взаимодействию с советской властью. На основе фактического материала раскрывается отношение советской власти к религиозным деятелям и Православной церкви в целом.

Введение

Окончание Великой Отечественной войны принесло надежды на новую, более справедливую и лучшую жизнь. Жители Беларуси ожидали отмены жестоких предвоенных и военных законов, крестьяне рассчитывали на послабление налогового пресса, интеллигенция надеялась на смягчение политического режима. В страну вернулось более 15 млн. советских граждан – воинов Красной Армии, репатриантов, которые видели условия жизни в других странах. И это также накладывало свой отпечаток на послевоенную общественную атмосферу.

В послевоенный период руководство страны в ряде своих постановлений проявляло лояльное отношение к деятельности Православной церкви. Епархиальные управления и приходы получили возможность покупать и строить дома, приобретать транспортные средства, производить необходимую церковную утварь. В скором времени Православная церковь получила ограниченное право юридического лица (август 1945 г.). Теперь органы церковного управления имели возможность заключать сделки, иметь финансовые счета, открывать предприятия и нанимать работников. Но, несмотря на некоторое «потепление», отношение государства к Церкви продолжало характеризоваться строгостью.

После смерти И.Сталина (5 марта 1953 г.) завершилась целая эпоха в жизни страны и в истории взаимоотношений Церкви и государства. Новый этап в жизни общества был связан с Н.С. Хрущевым. В феврале 1956 г. на XX съезде Н. Хрущев определил курс на демократизацию общества, но в тоже время в конце 50-х – начале 60-х гг. началась массовая антирелигиозная кампания, в ходе которой в Беларуси было закрыто более 600 храмов. Общественно-политическая жизнь в Беларуси во многом определилась лозунгами, сформулированными на партийных съездах. А как жили в этот период верующие люди, какие особенности были в развитии Брестской епархии, что собой представляли основные аспекты религиозной жизни населения данного региона?

Религиозная жизнь Брестской епархии

Деятельность Церкви значительно оживилась после окончания Великой Отечественной войны. Люди, перенесшие тяготы оккупации, потерявшие своих близких, потянулись в храмы в поисках утешения. Большая часть населения Западной Беларуси была религиозной. Исключение составляли те, кто старался продвинуться по службе. Большинство верующих проживало в сельской местности. Даже в домах коммунистов и комсомольцев сохранялись иконы, а их родные не утратили живой связи с Церковью.

«Большинство населения Брестской области – люди верующие и преданные Русской православной церкви; Великая Отечественная война заметно укрепила и углу-

била веру православных людей», – докладывал один из священнослужителей о состоянии церковной жизни [1, л. 13].

Благочинный Жабинковского округа в годовом отчете епархиальному управлению писал, все священники говорят о большей посещаемости храмов прихожанами, об увеличении числа треб и более благовейном и чинном состоянии в храме, браки венчаются в церкви, крестят младенцев все, причем часто приходится крестить и уже больших детей, погребения без священников редки [1, л. 14].

Оживление внутрицерковной жизни отмечали благочинный Пружанского района протоиерей В. Пиленкевич, благочинный Антопольского района священник А. Левицкий (в его благочинии после войны не было случаев «отхождения» от Церкви). Протоиерей А. Мороз (Березовское благочиние) уточнял, что в его приходах значительно возросло уважение к духовенству [1, л. 18].

Сложной была религиозная ситуация в крупных городах, глубоко «расцерковленной» оказалась новая советская интеллигенция, а также часть рабочих, в основном это были молодые люди. Отрицательным явлением в городах и местечках в рамках религиозной жизни стало устройство базаров в воскресные дни, во время совершения богослужения.

В послевоенные годы в Западную Беларусь прибыло большое количество специалистов различных отраслей хозяйства из Восточной Беларуси и России. Едва прибыв, они спешили крестить своих детей. По словам священнослужителей, к ним нередко обращались с просьбой совершить крещение дети коммунистов, а комсомольцы часто бывали кумовьями. В это время на территории епархии на каждом перекрестке дорог и на въезде в деревню стояли деревянные кресты.

Непростой была ситуация с духовной литературой. Верующие пользовались изданиями, вышедшими в межвоенной Польше. Это были различные молитвословы, сборники акафистов. Журнал Московской Патриархии распространялся в Брестской области в количестве 150 экземпляров, в Пинской – 90. Его читателями были духовенство и члены их семей. До простых верующих журнал практически не доходил. По данным епархиального управления, в Брестской области на 1 января 1947 г. православных верующих насчитывалось 226500 человек, что составляло 73% к числу совершеннолетнего населения [2, л. 28].

До 1948–1950 гг. деятельность православного духовенства в Брестской области осуществлялась среди населения не только через церкви и молитвенные дома, но и по населённым пунктам, на полях и реках. Несмотря на налоговое бремя религиозность среди населения росла. Для сравнения: если на 1-е января 1946 г. крещений было зарегистрировано – 4900, венчаний – 500, похорон – 5100, то на 1 января 1947 г. крещений – 6429 (рост на 31,2%), венчаний – 2105 (рост на 120%) [1, л. 18]. В начале 1946 г. работники отдела пропаганды ЦК КПБ(б) ознакомились с деятельностью православной церкви в Брестской области, и 26 января 1946 г. руководитель лекторской группы ЦК КПБ(б) И. Кожар в докладной записке на имя первого секретаря П. Пономаренко отметил активизацию религиозной жизни в Брестской области.

Религиозность населения проявлялась также в невыходах на работу во время больших церковных праздников. В Пасхальные дни все церкви буквально были переполнены людьми. Были попытки среди духовенства пробраться и на общественные трибуны (выступление священника Дюкова в городе Высокое в 1946 г. на митинге в день Октябрьской революции; активное участие священника Ленко в г.п. Ивацевичи на родительских собраниях в школах в 1946–1948 гг.) [3, л. 1]. Хождение с крестами и иконами по полям и крестные ходы на водосвятие к источникам, освящение скота, масовые обходы домов – всё это имело большое распространение в области до сплошной коллективизации.

В начале рассматриваемого периода ведущую роль во всех областях церковной деятельности играло на местах духовенство. В большинстве церковных общин, особенно в сельской местности, церковные советы и ревизионные комиссии служили придатком к священнику, который фактически осуществлял не только духовную сторону деятельности церкви, но и бесконтрольно распоряжался материальными средствами церкви, при этом формально отчитывался только перед епархиальным управлением. По Брестской области на 336 зарегистрированных и действующих церквей и молитвенных домов в 1947 г. имелось 236 церковных двадцаток, церковных советов и ревизионных комиссий [1, л. 34]. Количественный состав церковных исполнительных органов состоял из 3-х членов церковного совета и 3-х членов ревизионной комиссии на каждую приходскую общину. Кроме этого при большинстве сельских приписных церквей имелись свои местные церковные старосты, а также так называемые попечители, которые вели хозяйство приписной церкви.

Начавшаяся было активизация некоторых двадцаток и ревизионных комиссий (Брест, Пинск и др.) по усилению контроля за расходованием общецерковных средств и некоторому ограничению в этом деле духовенства получила сдерживающий отпор со стороны епархиального руководства и противодействие самого духовенства через удаление из состава церковных советов и ревизионных комиссий неугодных им лиц. Наглядным примером этого может служить конфликт, произошедший в Николаевской церкви г. Бреста между бывшим настоятелем церкви священником Давидовичем и группой членов двадцатки, выступавшей против священника Давидовича и казначея церкви Бондаря на почве бесконтрольного расходования церковных денежных средств и вмешательства жены священника Давидовича в хозяйственную деятельность церкви. Конфликт начался в 1952 г., а закончился только в мае 1954 г. В ходе этого конфликта церковная двадцатка в составе 29 человек раскололась на две группы: поддерживающих священника и против него. На протяжении этого конфликта многие из двадцатки как неугодные были отстранены. Но все-таки конфликт закончился перемещением священника Давидовича из Бреста [4, л. 29].

Социально-экономические изменения, произошедшие за годы первой послевоенной пятилетки в области, безусловно, оказывали объективное влияние на положение и деятельность православной церкви. Сплошная коллективизация и организационно-хозяйственное укрепление колхозов основательно подрывали социально-экономическую базу церковных организаций на селе, значительно сужали поле деятельности духовенства и создали предпосылки для изменения отношения к Церкви и духовенству со стороны основной массы сельского населения в направлении роста равнодушия, пассивности и отхода от церковных дел.

Если в 1945–1947 гг. имели место проявления значительной активности как со стороны духовенства, так и отдельных групп верующих, направленной на расширение сети церковно-молитвенных зданий, создание новых и восстановление старых приходских общин, то позже основное устремление в деятельности Церкви было направлено на сохранение и удержание существующих приходских общин, церквей и расширение материальной базы. Так, например, Выстычский приход Брестского района считался в епархии одним из крупнейших, «богатейших» приходов. Однако церковный совет этого прихода и священник А. Рудкевич в течение двух лет не смогли собрать среди своих прихожан сумму, необходимую для ремонта церкви [5, л. 21].

В начале 1950-х гг. ситуация в религиозной сфере начала меняться в лучшую сторону. Но нельзя отрицать эффективности антирелигиозной пропаганды, под влиянием которой происходило формирование массового атеистического сознания. Если до 1950 г. каждый (даже маленький) приход стремился к тому, чтобы иметь в церкви «своего священника», то после 1950 г. с каждым годом увеличивалось количество прихо-

дов, где продолжительное время не было священников, и верующие не проявляли особого усердия, чтобы изменить данную ситуацию.

Если на 1 января 1950 г. без священников было только 2 прихода, то уже на 1 ноября 1950 г. их насчитывалось 7. Из отчета уполномоченного видно, что жители некоторых населенных пунктов не спешили подавать ему прошения направить священника в местную церковь (с. Мокрое Пружанского района, с. Гоковчицы Антопольского района и др.). Если женщины говорили, что «пусть хоть раз в месяц соседний священник отслужит обедню в нашей церкви», то мужчины-колхозники рассуждали: «Если я захочу помолиться Богу, то схожу в другую церковь, а попа содержать нам сейчас невыгодно» [5, л. 25].

На процесс коллективизации духовенство также реагировало по-разному. Нередки случаи, когда отдельные священники внешне старались проявить свою лояльность к политике коллективизации и даже выражали свое недовольство, что их не принимают в колхозы. Так, например, священник с. Верховичи Высоковского района Н. Наумов (1904 г.р., в сане священника с 1927 г.) в марте 1949 г. высказывал свое желание вступить в колхоз, жену определить счетоводом колхоза, а самому заняться садоводством или столярством, «а если нужно, говорил Наумов, то могу быть и косцом». Данный священник имел в собственности до 1949 г. 5 га хорошей бывшей церковной земли, которая затем была передана местному колхозу [5, л. 27].

Ряд священников (А. Садовский из д. Покры Брестского района; А. Михнюк из д. Радваничи Жабинковского района; И. Навродский из г. Ружаны) прямо заявили, что «коллективизация села – это развал для церкви и гибель для духовенства» [5, л. 12]. В качестве примера двуличного отношения к коллективизации можно привести священника Ф. Демидюка с. Черск Домачевского района. Он, как заявляли местные сельсоветские работники, очень активно выступал за коллективизацию. Однако из 120 дворов этого села вступило в колхоз осенью 1949 г. только 25 хозяйств, а когда потребовалось помещение для конюшни, для которой сельсовет наметил бывший церковный сарай, принадлежащий священнику, то Демидюк более месяца не освобождал его и тем самым задерживал передачу лошадей в колхоз [5, л. 19].

По сообщению соответствующих органов, имели место отдельные случаи и более прямого выступления против коллективизации. Так, священник с. Паниквы Высоковского района Т. Юрчук в начале 1949 г. служил в церкви молебны «от коллективизации» [5, л. 22]. В Антопольском районе в с. Роловчицы священник И. Стасюк проводил антиколхозную пропаганду среди своих активных прихожан и противодействовал организации колхоза [5, л. 24].

В начале 1950-х гг. вся церковная деятельность духовенства и церковных исполнительных органов в основном была сосредоточена в стенах церкви. В директивных документах советской власти говорилось о том, чтобы не нарушать принципа свободы религиозного культа, «не допускать деятельности церковных организаций, выходящей за установленные рамки», иными словами, стояла задача ограничить богословскую деятельность духовенства и церковнослужителей за стенами церкви, «ввести ограду церковную» [6, л. 7]. Это имело актуальное значение в условиях западных областей Беларуси, где сохранилась устойчивая церковная организация с широкой сетью церковных общин и сильным кадровым составом духовенства. Однако несмотря на все постановления священнослужители могли совершать требы и обряды на дому (но только по приглашению верующих) и отпевать умерших на кладбище. Церковные шествия, молебны и другие службы в общественных местах не допускались. Уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви В.А. Авласенко было дано право снимать с регистрации священнослужителей, нарушивших эти ограничения [6, л. 12]. Однако данное предписание игнорировалось многими священнослужителями. Священник

Чернянской церкви Дивинского района Г. Хведосюк венчал и крестил детей без справки ЗАГСА [6, л. 3]. Священник Н.А. Горбачук Омельянецкой церкви Высоковского района вопреки п. 6 определения Священного Синода от 25 августа 1948 г. № 18 и наперекор указанию патриарха ежегодно совершал крестные ходы для «крещеного водосвящения», освящал «пасхи» в 6 населённых пунктах под открытым небом [3, л. 72].

В связи с развернувшейся массовой коллективизацией единоличных хозяйств значительно снизилась активность духовенства области. Службы в сельской местности священнослужители проводили только по воскресным дням и большим праздникам, а в городах не более 2-х раз в неделю. Заметно уменьшилось в 1951 г., по сравнению с 1947–1948 гг. количество совершаемых треб. В качестве примера можно привести, Кобринский район, имевший наибольшее количество действующих церквей (19) и полную обеспеченность священно- и церковнослужителями в приходах. В рассматриваемый период наблюдались заметные различия в проведении религиозных обрядов по сравнению с 1947 г. Причиной такого положения являлась, во-первых, проводимая государством политика, направленная на ограничение деятельности духовенства за «стенами» церкви: запрещение крестных ходов из одного села в другое, запрещение совершения молебнов на полях, крещение детей на дому и т.д. Во-вторых, в области проводилась массовая коллективизация, которая существенно подрывала экономическую и социальную базу духовенства.

С каждым годом увеличивалось количество православных храмов, где продолжительное время отсутствовали священнослужители. Наибольшее количество пустующих приходов приходилось на 1951–1953 гг. Если на 1 января 1951 г. приходских общин без священников насчитывалось только 5, то на 1 января 1953 г. таковых насчитывалось уже 10. Некоторые священнослужители в сложившейся ситуации вынуждены были одновременно обслуживать несколько церквей и по 2–3 приходские общины: священник Сычевской церкви Брестского района Н. Залого с 1951 г. обслуживал 3 церкви и 3 приходские общины; Любиченский священник Ивацевичского района Ф. Кашеня обслуживал с 1950 г. 3 церкви и 2 общины; священник Ряснинской церкви Высоковского района В. Теняковский – 2 прихода и 3 церкви и т.д. [3, л. 3].

В начале 1950-х годов наблюдалось также снижение активности в церковной деятельности псаломщиков. Если на 1 января 1951 г. было занято в церковной деятельности 94 псаломщика, то уже на 1 января 1953 г. – 75 псаломщиков [3, л. 5].

Имелись случаи скрытого притеснения верующих. Дочь настоятеля Кругловичской церкви Ганцевичского района Н. Дзичковская в 1951–1952 гг. работала счетоводом Кругловичского сельпо. В июне 1952 г. она была уволена за «систематическое уклонение от работы». Между тем, согласно характеристике, данной ее непосредственным начальством, Н. Дзичковская являлась дисциплинированным и добросовестным работником [2, с. 57]. В с. Оздамичи Столинского района местные власти намеревались построить рядом с храмом танцплощадку. В с. Чудин Ганцевичского района рядом с кладбищенским храмом власти построили клуб. Ночью пьяная молодежь заходила на кладбище и оскверняла могилы [2, с. 58].

Показательно, что в 1950-е гг. со стороны отдельных представителей власти проявлялось демонстративное неуважение к религии и священнослужителям. Подобные факты упоминаются в отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви по Брестской области за 1951 г. В д. Опальское Ивановского района председатель колхоза Головешкин взломал замок приходского дома, который предназначался для переоборудования под школу, и ударил священника возмущенного его грубыми действиями. В 1952 г. под предлогом болезни животных ящуром Головешкин потребовал временно прекратить богослужения в приходском храме [2, с. 58]. В 1952 г. в Телеханах, по словам священника Балабушевича, подростки периодически разбивали в хра-

ме стекла, ломали церковную ограду. Милиция по данному факту никаких мер не предпринимала. В с. Огаревичи Ганцевичского района в ночь с 16 на 17 мая 1950 г. группа милиционеров совершила погром, местной церкви. Милиционеры разбили в храме стекла, разрушили памятник погибшим воинам, разбили изображение Спасителя, находившееся на кресте в часовне [2, с. 59]. В отчете уполномоченного существует осуждение такого поведения: в задачи советской власти не входило оскорбление чувств верующих и создание конфликтных ситуаций на религиозной почве.

На республиканском совещании, проходившем в Минске 14–16 декабря 1954 г., указывалось, что одна из важнейших задач – это задача «удержания Русской православной церкви на лояльных позициях» к Советской власти: правильное отношение к церковным организациям со стороны советских работников на местах, недопущение каких-либо элементов ущемления гражданских прав духовенства и других служителей культа, предвзятого и пренебрежительного к ним отношения. Однако на практике в ряде мест ещё существовало со стороны отдельных руководящих работников предвзятое, недоверчивое и пренебрежительное отношение к служителям Церкви. «Раз ты поп, то ты последний человек на селе и с твоими правами меньше всего можно считаться». Если священник или псаломщик переезжал на новое место жительства, то некоторые работники сельсоветов и районных комитетов стремились во что бы то ни стало не предоставлять квартиру вновь назначенному служителю культа в бывшем причтовом доме. В некоторых местных власти даже продавали такие дома с целью затруднить деятельность церковных организаций и служителей Церкви (Каменецкий район) [4, л. 24].

Несмотря на усилия местных властей по предотвращению распространения религиозности наблюдалось значительное оживление и рост посещаемости церквей в так называемые «большие» праздники: Рождество, Пасха, Троица и др., – а также в дни престольных праздников. Даже в такой праздник, как «весенний Юрий», в Ивановском районе колхозники не выходили на весенние полевые работы. Участились случаи выездов в сельские приходские общины благочинных и их участие в богослужениях в дни престольных праздников и местночтимых святых и икон: 16-го июня 1955 г. в д. Лыще в Логишинского района в день празднования местной чтимой иконы «Явленной Божией Матери» богослужение возглавлял благочинный Пинского благочиния В. Копычко и местный священник Доброславской церкви П. Тихоцкий [7, л. 19]. Приезд в г. Брест 21–23 мая 1955 г. митрополита Питирима и его архиерейские служения в церквях г. Бреста в сослужении 8 священников, награждённых церковными наградами, также значительно активизировало церковную жизнь в области. На Пасху все три храма г. Бреста были переполнены верующими.

К 1958 г. сравнительно ровные государственно-церковные отношения первого послевоенного десятилетия стали постепенно обостряться. На XXI съезде КПСС в январе–феврале 1959 г. активно звучала тема о необходимости разработки программы быстрого перехода советского общества к коммунизму. Н.С. Хрущев в своем докладе заявил, что одна из главных задач предстоящей семилетки – преодоление пережитков капитализма в сознании масс. Некоторые зарубежные историки (Д. Поспеловский и некоторые другие) считали, что могло существовать секретное постановление XXI съезда по уничтожению религиозных организаций в стране. В партийных верхах все больше зрели убеждения о возможности построения в СССР в скором будущем коммунистического общества, при котором не должно существовать никакой идейной оппозиции. Поэтому ответ на ее фактический рост мог быть только один – подавление, которое проявлялось, во-первых, в сокращении количества приходов и церквей, во-вторых, в подрыве материально-финансовой базы (увеличение налогов, перевод духовенства на твердый оклад, отстранение духовенства от финансово-хозяйственных дел), в-третьих, в ликвидации духовных учебных заведений. Так, что бы ослабить наплыв в духовные

учебные заведения в 1959/1960 учебном году Совет по делам Русской православной церкви предпринял ряд мер по ограничению набора. Отменялась практика приема во время учебного года. Не допускались к учебе лица с высшим и средним техническим образованием, не прошедшие обязательную военную службу. Но главным являлось усиление «объяснительной» работы местных органов власти среди лиц, изъявивших желание поступать в духовные учебные заведения. В результате в 1959/1960 учебном году в сравнении с предыдущим годом семинария была укомплектована только на 30%. В борьбу за «отрыв молодежи от семинарии» включались областные уполномоченные советы по делам Русской православной церкви, партийные и комсомольские работники, работники КГБ и военкоматов. Оказывалось давление на приходских служителей, дававшим поступающим рекомендации. Данная работа приносила ожидаемые результаты: если в 1957 г. в учебные заведения было подано 160 заявлений, то в 1958 г. – только 53, в 1959 г. – 25, в 1960 г. – 13, а в 1961 г. набор на первый курс был сорван. В отчете учебного комитета при Священном Синоде, написанном в июне 1963 г. о положении в Минской семинарии, говорилось: «Единично произошедшая задержка в приеме воспитанников в Минскую духовную семинарию оставила ее без последних... Учебный комитет почтительно ходатайствует перед Вашим Святейшеством о возбуждении ходатайства перед Советом по делам Русской православной церкви, чтобы оставить Минскую духовную семинарию на прежнем положении и содействовать в прописке поступающим в семинарию» [8, с. 275].

Эта просьба не вписывалась в планы Совета по делам Русской православной церкви. В июне 1963 г. его председатель В. Куроедов на всесоюзном семинарском заседании уполномоченных подчеркивал необходимость закрытия Минской семинарии путем недопущения желающих к учебе. В этом же году после выпуска последних пяти воспитанников семинария перестала функционировать и являлась формально закрытой. За годы существования семинарии ее закончили 165 человек.

Осуществлялось давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т.д.) посещать храмы. Однако несмотря на это в отдельных местах имели место случаи, когда дети школьного возраста регулярно посещали церковь. Так, например, от учителей Омельянецкой школы неоднократно поступали письма в исполком Высоковского районного Совета депутатов с просьбой о закрытии церкви в деревне Омельянец по следующим причинам:

1) церковь в деревне Омельянец в силу ветхости основных куполов угрожает жизни прихожанам;

2) со стороны местного священника имеют место факты нарушения существующих законов, запрещающих привлекать детей к участию в отправлении религиозных обрядов.

Однако данные факты не нашли подтверждения в ходе проверки уполномоченного по делам Русской Православной Церкви [9, л. 9].

Почти полностью были устранены факты грубого нарушения советского законодательства: служба священнослужителей под открытым небом, привлечение детей к обслуживанию алтаря, коллективное богослужение, массовые сборы продуктов для священнослужителей, крестные хождение вокруг церкви. Был решен вопрос относительно святых мест: в д. Луково Малоритского района в 1961 г. был убран камень, с которым была связана легенда о том, что на нем находится отпечаток следа Богородицы, и к нему ежегодно стекалось большое количество верующих; в д. Бушмичи Каменецкого район была разрушена каплица и срезана груша, у которой, по преданию, люди видели Богородицу, оставившую свои следы [10, л. 6].

В 1961 г. под давлением власти Архиерейский Собор рассмотрел вопрос «Об изменениях в положении об управлении Русской православной церковью», который касался 4-го раздела «О приходах». Было принято решение о разграничении обязательств

клира и исполнительных органов. Настоятели храмов отстранялись от участия в хозяйственно-финансовой деятельности общин.

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [11, с. 378], подписанное Н.С. Хрущевым. Теперь к обеспечению «контроля» в обязательном порядке привлекались местные органы власти. При райисполкомах, поселковых и сельских советах начали создаваться комиссии содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах. Зачастую их деятельность сводилась к слежке, доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь. Комиссии периодически проверяли книги учета обрядов, заявления родителей о крещении детей, приходно-расходные документы, изучали контингент верующих. Они так же оказывали помощь по внедрению «безрелигиозных» обрядов среди населения. Важным пунктом принятого постановления было разрешение закрывать молитвенные здания, снимать с регистрации священнослужителей по решениям не Советов Министров союзных республик, а областных исполкомов при условии согласования с Советами по делам Русской православной церкви и религиозных культов. Это ускорило и облегчило процедуру ликвидации храмов и снятие с регистрации духовенства. Так, например, комиссия содействия при Пинском райисполкоме, изучая религиозную обстановку в районе, столкнулась с незаконной деятельностью отдельных священников – исполнением религиозных обрядов в домах верующих. По материалам комиссии, священнослужитель Паршевичской церкви Лебедь был снят с регистрации на 3 месяца [12, л. 8]. Комиссия содействия при Брестском райисполкоме сняла с регистрации сроком на один месяц священнослужителей Брестского Святосеменовского собора Философова и Реента за совершение обряда крещения без согласия родителей [12, л. 9].

Однако несмотря на проводимую политику государства религиозность по Брестской области по состоянию на 1965 г. оставалась на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствует то, что количество обрядов крещения и похорон, хоть и не значительно. Это было связано с устойчивой религиозностью людей среднего и пожилого возраста, а также слабой научно-атеистической пропагандой, проводимой в Брестской области.

Некоторые из коммунистов не только проявляли лояльное отношение к религиозным обрядам, но и сами принимали в них участие: член КПСС, начальник планово-финансового отдела Дрогичинского производственного колхозного управления (командир батальона в годы войны) М.А. Курочкин вместе со своими братьями, также коммунистами, в апреле 1963 г. совершил обряд похорон умершей матери со священником. Партком Дрогичинского производственного управления ограничился тем, что вывел Курочкина М.А. из состава членов партии, привлек его к партийной ответственности. Население г. Дрогичина говорило о том, что «коммунисты тоже верят в Бога» [12, л. 16]. Член КПСС, заместитель секретаря бригадной парторганизации колхоза имени Кутузова Пинского района М.И. Горбач 25 января 1963 г. крестил дочь в Паршевичской церкви Пинского района. Секретарь первичной комсомольской организации Домачевского промкомбината Д.М. Скакун также крестил дочь по православному обряду [12, л. 18].

Достаточно пассивна была молодежь. Из вступающих в брак всего лишь 5,9% проводили обряд венчания. Причину такого отношения молодежи к Православной Церкви связывают с проводимой по отношению к молодежи научно-атеистической пропагандой: угрозы, письма на работу и др. Характерным отражением настроений духовенства и показателем религиозной жизни в Брестской области можно считать высказывание священника Кобринской церкви Евгения Парфенюка. На поставленный вопрос уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Брестской области

А. Иванов, «как духовенство расценивает в настоящее время своё положение, каково, по его мнению, сейчас положение православной церкви, замечает ли отход верующих от религии?» Парфенюк заявил: «Духовенство чувствует себя стеснённым в общественной жизни, оно ощущает определённую неприязнь со стороны общественной жизни. Это нам приходится переживать с чувством горечи. Православная церковь чувствует себя прочно и уверенно. Безусловно, что идёт процесс отхода части верующих от религии, но этот процесс чрезвычайно медленный. Те верующие, которые остаются в церкви, прочно стоят на религиозных позициях. Изменить мировоззрение чрезвычайно трудно, они составляют нашу опору. Я могу с уверенностью заявить, что если бы не общественное положение, то многие лица из интеллигенции (учителя, врачи, культпросветработники) посещали бы церковь.

В части исполнения религиозных обрядов населением можно сказать следующее. До того, как духовенство было отстранено от руководящей роли в приходах, до введения твёрдых окладов и введения пофамильного учета обрядов, такой обряд как крещение, составляет 99 % от всех родившихся. За период моего пребывания священником в деревне Городец я знаю только двух детей, которые не были крещены. И сейчас ко мне являются некоторые лица с просьбой совершить обряд крещения без записи в книгу обрядов, но я этого не делаю. Многие вступают в брак и не венчаются, но как только у них появляется ребёнок, его крестят. Правда, молодежи нам в церкви не хватает, но после 30–40-летнего возраста эти люди заметно начинают посещать церковь, атеистическое настроение у них выветрилось, начинают думать о загробной жизни, это и приводит их в церковь. Атеистическая пропаганда не затрагивает религиозные чувства верующих. Некоторое время тому назад и в печати, и в лекциях замечается грубый тон. Сейчас этот тон изменён. Православная церковь в настоящее время переживает недостаток духовенства. Многие выпускники духовных учебных заведений стремятся уйти на административные, преподавательские должности и в аспирантуру. В число священнослужителей их попадает незначительная часть. В настоящее время духовенство в материальном отношении чувствует себя гораздо хуже, чем до перевода на твёрдый оклад, остро ощущает 19 статью о подоходном налоге» [13, л. 4].

Заключение

Период с 1945 г. по 1953 г. – один из сложных и неоднозначных в истории Православной церкви Беларуси. Эти годы стали особым этапом в церковной жизни. На примере Брестской епархии видно, как церковно-государственные отношения напрямую зависели от изменений в государственной политике. И как только давление государства ослабло, сразу начинался процесс церковного возрождения. Это не могло не волновать атеистически настроенных руководителей советского государства и стало одной из важнейших причин развернутых Н.С. Хрущевым новых гонений на Церковь. Религия рассматривалась Н.С. Хрущевым как главный враг научного мировоззрения, а верующие – как носители чуждых взглядов и нравов. Такое отношение к Церкви обусловливалось новой политической ситуацией в государстве. Курс на победу коммунизма, провозглашенный Н.С. Хрущевым, предполагал ликвидацию религии, а Московская патриархия, как и вся Русская православная церковь, рассматривалась в известном смысле как пережиток, который должен быть устранен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1947 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 5.

2. Касцюк, В. В тисках атеизма: Православная Церковь на Брестчине в советский период / В. Касцюк // Запіскі. – 2000. – вып. 2. – 60 с.
3. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1953 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 14.
4. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1954 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 16.
5. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1950 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 9.
6. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1951 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 11.
7. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1955 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 18.
8. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; пад навук. рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
9. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1962 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 32.
10. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1961 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 30.
11. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.В. Шкаровский. – М : Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.
12. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1963 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 34.
13. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1965 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 39.

Galimova N.P., Lavrenko L.V. Brest Eparchy: Main Aspects of Religious Life (1945-1960)

The article is dedicated to the main aspects of religious life of Brest Eparchy in 1945-1960. On the basis of archive data are determined the distinct features of Brest Eparchy's activity towards the people not only through churches and meeting houses but directly in the communities as well. The conclusion is made that this particular period of Brest Eparchy's history was quite difficult and the attitude of the state government towards the church was generally negative.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.07.2010

УДК 94 (476)

І.Р. Вуглік

ЗАСТОЛЬНЫ ЭТЫКЕТ СТАРАБЕЛАРУСКАЙ ШЛЯХТЫ XVII–XVIII СТ.: ТЫПАЛОГІЯ, ГІСТАРЫЧНЫЯ ЗМЭНЫ

У артыкуле разглядаецца адзін з істотных элементаў бытавой культуры шляхты часоў Рэчы Паспалітай – этыкет, у прыватнасці яго значны кампанент – этыкет застольны. Вызначаецца месца гэтага віду этыкета ў шляхецкай культуры, яго функцыі, а таксама змены, якія адбыліся ў паводзінах за сталом з першых дзесяцігоддзяў XVIII ст. і былі звязаны з агульнымі, эпахальнымі пераменамі ў гісторыі еўрапейскай культуры ў накірунку яе рэгламентацыі і эстэтызацыі. Шляхецкі застольны этыкет утрымліваў як характэрныя аўтэнтчныя полікультурныя (поліэтнічныя), так і еўрапейскія элементы; асноўны вектар яго арыентацыі з XVIII ст. быў заходнееўрапейскі. Гэта праявілася ў нормах паводзін, сталовых прыборах, характары спажывання ежы. Як культурная з’ява ён прадстаўляў поліэтнічную культурную шляхетскую супольнасць Рэчы Паспалітай і з’яўляўся адной з яе рэфэрэнтных праяў. Шляхецкі застольны этыкет упісваўся ў гісторыка-стылістычную тыпалогію барока і класіцызма.

Уводзіны

У грамадстве Рэчы Паспалітай XVII–XVIII ст., куды ў складзе Вялікага княства Літоўскага ўваходзілі беларускія землі, дамінуючае месца займала шляхта. Культура гэтага палітычна і эканамічна пануючага класа была мадэльнай для іншых слаёў грамадства – гараджан, жыхароў мястэчак, заможных сялян. Таму вывучэнне шляхецкай культуры (культуры ліцвінскай, ці, па-сучаснаму, старабеларускай шляхты) з’яўляецца актуальным як для даследавання гісторыі культуры Беларусі дадзенага перыяду, так і наступнай гістарычнай эпохі знаходжання беларускіх земляў у складзе Расіі, дзе шляхта (дваранства) з’яўлялася каталізатарам істотных палітычных, культурных з’яў. Сярод разнастайных адметных рысаў культуры шляхты часоў старажытнай Рэчы Паспалітай адно з цэнтральных месцаў займала застолле, паводзіны за сталом. Гэта было звязана з акцэнтаванай рэпрэзентацыйнасцю шляхетскай культуры, што зрабілася асабліва заўважным з XVIII ст. Культура Беларусі, якая знаходзілася ў дадзены перыяд у рэчышчы еўрапейскай цывілізацыі, актыўна рэзаніравала еўрапейскія навацыі, засвойвала, перарабляла іх зыходзячы з уласных традыцый. Гэта было ўласціва ў першую чаргу для шляхты, поліэтнічная бытавая культура якой у XVIII ст. выйшла на дастаткова высокі ўзровень. Застолле XVIII ст. апісвалася тагачаснымі аўтарамі, у першую чаргу Е. Кітовічам [1, с. 419–421, 460]; яго асноўныя рысы абагульнены А. Мальдзісам [2, с. 340–347], аўтарам артыкула [3, с. 28–38]. Разам з тым актуальным з’яўляецца вывучэнне застольнай бытавой культуры, яе гістарычных змен на працягу ўсяго перыяду Рэчы Паспалітай, а таксама ў параўнальна-еўрапейскім кантэксце, што і з’яўляецца мэтай гэтага артыкула.

Застольны шляхецкі этыкет у еўрапейскім кантэксце

Сярод асноўных відаў бытавых паводзін шляхты: палявання, танцаў – застоллю належала значная роля, якая ўзмацнялася з цягам часу. Шляхецкая бяседа мела шэраг адметных агульных рысаў, якія адпавядалі еўрапейскай стылістыцы. Шляхецкае застолле ніколі не было простым спажываннем ежы, а мела выгляд семантычнага рытуалу, дзе асноўнымі тэмамі былі братэрства, узаемная пашана, гасціннасць; акрамя гэтага на застоллях пад час сеймаў і сеймікаў вырашаліся дзелавыя, палітычныя справы [3, с. 28 – 29]. У Рэчы Паспалітай застольны рытуал уключаў дзве часткі: у першай гаспадар піў за здароў’е кожнага з гасцей сам на сам, у другой – гаспадар і найбольш знакамітыя госці пілі ў гонар адзін аднаго з вялікага кубка (келіха), астатніх гаспадар

шанаваў сацыяльнымі групамі (у гэты час усе ўставалі) [3, с. 32–33]. Як станоўчую рысу старажытнага этыкета трэба адзначыць сумесную прысутнасць за адным сталом мужчын і жанчын, ужыванне імі напоя з кубка. Гэта істотна адрознівала шляхецкае застолле ад рытуала традыцыйнай культуры суседзяў: у Расіі XVII ст. у заможных сем'ях жанчыны елі асобна ў сваіх пакоях з пакаёўкамі [4, с. 137–138]. У якасці ў пэўнай ступені негатывнай рысы, якая была зваротным бокам шляхецкай гасціннасці, можна адзначыць звычай XVIII ст. празмернага частавання гасцей спіртнымі напоямі, намаганні гаспадара зрабіць усё, каб госці не здолелі ехаць да хаты.

З XVI ст. у Еўропе распаўсюдзіўся стыль паводзін, які быў звязаны са з'яўленнем у еўрапейскіх дзяржавах новага вышэйшага арыстакратычнага слоя, паняццем «*civilite`*» (якое выцесніла сярэднявечае «*courtoisie*»), што прадугледжвае пачцівыя манеры, дасканаласць ведання этыкета, тактоўнасць, а таксама назіральнасць, уважлівасць да сваіх і чужых паводзін, самакантроль [5, с. 132, 141]. Гэта была пераломны час, пасля якога сярэднявечае пачало лічыцца брудным, нехайным, нават недастойным узгадвання, рэзка вырасла колькасць табу ў паводзінах, што кадыфікавалася ў шматлікіх трактатах аб прыстойных манерах.

Сярод новых патрабаванняў XVI ст. былі правіл здымаць за сталом шляпу, рэзаць, а не ламаць хлеб, частку прапанаванага лепшага кавалка мяса, ў сваю чаргу, прапанаваць таму, хто яго перадаў ці суседу, косці і рэшткі ежы кідаць на падлогу; забарона казаць пры ўсіх, што дадзеная стравя шкодная для асабістага здароў'я, гаспадару не лічылася непрыстойным папрасіць выбачэння за сціплы стол, але забаранялася казаць аб кошце страў (Э. Ратэрдамскі) [5, с. 148, 156, 157].

Асаблівая ўвага надавалася спажыванню найбольш распаўсюджаных страў перш-наперш соўсаў, якія былі істотным кампанентам тагачаснай ежы, у першую чаргу мясной. Лічылася, што дакрананне рукамі да соўсаў выглядае непрыемна, у соус трэба было макаць хлеб, але не ў якім разе не пальцы. Для старажытнай беларускай кухні, як традыцыйнай (народнай), так і шляхецкай, ужыванне соўсаў у еўрапейскім разуменні (не як простая падліва) не было характэрна; соўсы з'явіліся на сталах шляхты дастаткова позна – прыблізна з другой паловы XVIII ст.

Значная ўвага надавалася спажыванню традыцыйнага для застолляў заможнай часткі грамадства мяса. У XVI–XVII і зрэдку ў XVIII ст. тушу разбіралі на агульным сталае; гэта мог рабіць гаспадар ці паважаны госць, і яе правільнае разбіранне з'яўлялася істотнай часткай бытавой культуры ўвогуле, які паляванне, танцы, фехтаванне. Аднак паступова гэта мастацтва знікла нават з поварскага асяроддзя, абразу пачаў выклікаць і вялікі мясны абед з яго агромністымі кавалкамі мяса, што было звязана з рухам да агульнага пачуццёвага стандарту, калі чалавек усяляк пазбягаў асацыяцый мясновага блюда з забітай жывёлай [5, с. 188].

У старажытнай Рэчы Паспалітай новы стыль бытавых паводзін распаўсюджваўся з XVII ст., прычым адбывалася гэта з пэўнымі цяжкасцямі. Так, узровень «абслугоўвання» за сталом быў абумоўлены статусам госця і месцам яго знаходжання за сталом: лепшыя прыборы з серабра, новыя талеркі для кожнай стравы падаваліся найбольш паважаным гасцям, якія сядзелі ў сярэдзіне. Што да тых, хто размяшчаўся на канцах, дык яны карысталіся адной талеркай, якая паступова напаўнялася агрызкамі і косткамі – талеркі з імі аддавалі слуге ці (калі яго не ўдавалася дазвацца) выкідвалі ў кут, а самыя недасведчаныя выкідвалі дробныя адходы ежы пад стол [1, с. 225]. Не садзейнічаў гігіене і старажытны звычай піць па чарзе з аднаго кубка. Лыжку пазычалі ў суседа ці рабілі з нажа і хлебнай скарынкі, на чысціню посуду звярталі мала ўвагі; дбаць пра этыкет, як лічыць А. Мальдзіс, пачалі з часоў эпохі Асветніцтва [2, с. 341–342], але нельга не заўважыць, што нармаванне застольных паводзін выразна бачна з XVII ст.

Рухавіком культуры застолля было дыстанцыраванне паміж чалавекам і ежай, павышэнне дыяпазона пачуццёвай агіднасці. Гэта выклікала з'яўленне ў прадметнай сферы шэрагу медыятараў паміж чалавекам і ежай: відэльца, зубачыстак, а таксама ўстаноўку на выключнае карыстанне сталовымі прыборамі. З'явілася значная колькасць табу на ежу рукамі, адзначаная ў «Новым трактаце» А. Де Куртэна 1672 г. і запазычаная іншымі аўтарамі XVIII ст.: забаранялася, як найбольш агіднае, аблізваць пальцы, залазаць пальцамі ў соўс, браць імі соль, есці рукамі мяса (трактат 1774 г. дэ Ла Саля) [5, с.165–166].

З традыцыйных для сучаснага стала прыбораў пазней за ўсё ў Еўропе і на нашых землях з'явіўся відэлец. У сваёй традыцыйнай функцыі (для непасрэднай ежы) відэлец прыйшоў у Еўропу, хутчэй за ўсё, з Візантыі IV ст., пачаў шырока распаўсюджвацца ў Еўропе з другой паловы XVI ст.. Пры выкарыстанні відэльца лічылася непрыстойным класці яго вострымі канцамі на талерку. Шляхта пачала ім карыстацца з XVII ст., аднак па краях сталюў відэльцаў не клалі, госці маглі прыносіць нож, лыжку, зрэдку відэлец з сабой. Асабліва трэба адзначыць раннюю выяву відэльца на іконе «Тройца» Маркіянавіча (1761 г., с. Чыжэвічы Салігорскага раёна Мінскай вобласці): прыбор старажытны, прамы, з дзвума рабочымі канцамі, але ручка зроблена ўжо асобна ад працоўнай часткі. Акрамя прыбораў індывідуальнага карыстання, ў Рэчы Паспалітай існавалі асобныя вялікія лыжкі, а таксама відэльцы і нажы для раздачы ежы.

Працяглы час характар размяшчэння сталовых прыбораў не быў дакладна вызначаны і адрозніваўся ад сучаснага: яшчэ ў трактаце дэ Ла Саля 1774 г. лыжку, нож і відэлец патрабавалася класці справа, бо так гэта прынята было рабіць у тагачаснай Еўропе. У вышэйшых сляях еўрапейскага грамадства ў канцы XVIII ст. па правы бок талеркі клалі супавую лыжку, нажы для рыбы і мяса, па левы – відэльцы для закускі, рыбы, мяса, перад талеркай – відэлец, лыжку ці нож для сладкага; для фруктаў і дэсерту прыносілі новыя прыборы [5, с. 173]. Такі ж самы расклад сталовых прыбораў склаўся ў XVIII ст. у Рэчы Паспалітай.

На шматлікіх беларускіх іконах з сюжэтам Тройцы мы бачым лыжкі і нажы (ці толькі нажы) але па прычыне не заўсёды дасканалага, з пункту гледжання сіметрыі, пераводу абразоў з узораў-кужбушак, сказаць дакладна аб размяшчэнні прыбораў складана. Разам з тым былі і пэўная сістэма размяшчэння: на шэрагу абразоў, як на іконе апошняй чвэрці XVII ст. з с. Дастоева Іванаўскага р-на Брэсцкай вобласці, лыжка ляжыць справа ад талеркі, нож – злева; на іконе Маркіянавіча нож і відэлец ляжаць паралельна.

Вялікае месца ў застольным этыкеце з XVII ст. заняла сурвэтка і яе выкарыстанне. Сурвэткай у XVII ст. абціралі лыжку перад тым, як макнуць яе ў агульную страву (гэта лічылася адметнай рысай «далікатных» людзей), нож перад тым, як рэзаць хлеб, відэлец, а так сама выціралі. Разам з тым, калі пальцы былі моцна запэцканыя тлушчам, іх можна было спачатку выцерці аб кавалак хлеба, які пакідаўся на талерцы, а потым – аб сурвэтку (хаця гэта ў некаторых трактатах лічылася непрыстойным). Аб сурвэтку не раілася выціраць пальцы, ёй нельга было выціраць твар, пот, церці зубы, тым больш у яе нельга было смаркацца – дзеля гэтага рэкамендавалася хустка. У другой палове XVIII ст. сурвэтка першапачаткова клалася на талерку, потым замацоўвалася пад каўнерам (засоўваць яе за каўнер лічылася недапушчальным), яна павінна была закрываць цела да кален; у апошняй чвэрці XVIII ст. сурвэтку патрабавалася класці на калені. У канцы XVI – пачатку XVII ст. у Рэчы Паспалітай таксама ўсталяваўся звычай класці пры талерцы вялікую белую сурвэтку: яна павінна была бараніць грудзі, яе канцы завязваліся на карку; у заможных дамах падавалі яшчэ малыя сурвэтки, якія прыкрывалі хлеб на талерцы [6, с. 228], калі сурвэтак усім не хапала, іх замянялі насавымі

хустачкамі. Са з'яўленнем шкляных келіхаў і кілішкаў іх пачалі выціраць сурвэткай, на сталы клалі драўляныя, спецыяльна зробленыя зубачысткі [1, с. 225–226].

На сталах з'явіўся індыўдуальны зменны посуд, перад кожным ставіліся кілішкі для віна і вады. Змянілася, зрабілася барочным і эстэтычнае аздабленне стала: з распаўсюджваннем прысмакаў, цукерак з'явіліся вялікія цукерніцы, якія займалі сярэдзіну стала – яны складаліся з шкляных пласцін і нагадвалі галерэю, замыкаліся сервізамі (ці адным у цэнтры стала) зялёнага колеру с краямі, заклеенымі спецыяльнай белай паперай. На іх стаялі зробленыя з гіпсу фігуркі людзей, асілкаў, коннікаў, шасціконных карэт. Кампазіцыйна цукерніца імітавала агарод, дрэва з гірляндамі, вуліцу з камяніцамі, палацамі, замкамі, трыумфальнымі аркамі, калонамі, у сярэдзіне звычайна мясцілася альтанка з гербом гаспадара ці госця, у гонар якога давалася бяседа [1, с. 233–234]. З'явілася вялікая колькасць новага спецыяльнага посуду і сталовых прыбораў: вялікія, да паўметра ў вышыню срэбныя чатырохузроўневыя вежы – сервізы для спецыяльных, аліў, гарчыцы, а таксама салатніцы, цукерніцы, відэльцы і нажы для рыбы, лыжачкі для варэння, цукру.

Прыкладна з другой чвэрці XVIII ст. зніклі вялікія місы, ежа на шляхецкі стол стала выносіцца і класціся не разам (некалькі мясных страў у адну місу), а асобна, пэўны кавалак у асобны посуд; на адзін вынас магло прыходзіцца да шасцідзiesiąці і болей невялікіх па памерах страў: гэта давала магчымасць кожнаму з гасцей пакаштаваць кожнай хоць па трэшчу. Ежа стала болей для спробы, чым для задавальнення добрага апетыту, што звязвалася з уплывам французскай моды [1, с. 229]. Сярод навацый XVIII ст., звязаных з паляпшэннем смакавых пачуццяў ад прыняцця ежы, з'явіўся звычай спажываць яе цёплай, дзеля чаго у срэбныя талеркі налівалі спірт і яго падпальвалі, фарфоравыя талеркі загадзя трымалі ў цёплай вадзе, бо паўторны разагрэў стравы, як лічылася, псаваў апетыт [1, с. 232]. Дадатковы эстэтычны эфект надавала музычнае суправаджэнне ежы.

Заклучэнне

Такім чынам, у XVIII ст. хатняе застолле зрабілася для шляхціца мадэльным паказчыкам яго іміджу, што спрыяла дынамічнаму развіццю ўсіх кампанентаў бяседы, актыўнаму запазычванню еўрапейскіх навацый. Стылістычна шляхецкае застолле адпавядала асноўным прынцыпам еўрапейскай бяседы з яе адкрытым для мужчын і жанчын, разнастайных дзелавых размоў. Разам з тым шляхецкая бяседа мела сваю спецыфічную структуру, якая складалася з двух асноўных частак. Культура застольных паводзін старабеларускай шляхты зазнала ў першых дзесяцігоддзях XVIII ст. значныя змены, асноўныя інтэнцыі якіх звязаныя з культываваннем чысціні, індыўдуалізацыі сталовых прыбораў і посуду, агіднасці да публічнага выражэння цялесных праяўленняў. Сярод найбольш значных кампанентаў, якія зазналі змены, можна адзначыць выкарыстанне вілэдыца, сурвэткі, пашырэнне відавога і парцыённага дыяпазона страў, а таксама сталовых прыбораў, павышаную ўвагу да густэмнай складаючай ежы, этычнага аздаблення стала. Тыпалагічна застольныя паводзіны прыкладна да сярэдзіны XVIII ст. звязаны са стылістыкай жыццесцвярдзальнага барока, пазней – з рэгламентацыйным, размеркаваным, стрыманым светаўспрыманням класіцызму. Асноўныя этнічныя ўплывы на шляхецкае застолле зрабілі французская, італьянская нормы этыкету.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. 1. Kitowicz, J. Opis obyczaj`ow za panowania Augusta III / J. Kitowicz. – Warszawa : Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 436 s.

2. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII ст. / А. Мальдзіс. – Мн. : Лімарыус, 2001. – 384 с.
3. Вуглік, І.Р. Матэрыяльная культура і быт старабеларускай шляхты XVII–XVIII ст. / І.Р. Вуглік. – Мн. : ЗАТ «Современные знания», 2005. – 84 с.
4. Байбурын, А.К. У истоков этикета. Этнографические очерки / А.К. Байбурын, А.Л. Топорков. – Л. : «Наука». 1990. – 165 с.
5. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психологические исследования. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада : 2 т. / Н. Элиас. – М. – СПб : Университетская книга, 2001. – Т. 1. – 331 с.
6. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana : w 4 t. / Z. Gloger– Warszawa : Wiedza Powszechna. – 1978. – Т. 4. – 523 s.

Vuhlik I. Drinking Etiquette old Belarusian gentry XVII–XVIII century: typology, historical changes

The article examines an essential element of consumer gentry culture – prandial etiquette, its main components, historical changes. It is concluded that prandial etiquette was a symbolic part of everyday culture gentleman, was a system that had a pan-European as well as specific features. Significant changes of etiquette, which have brought him to a modern, occurred in the eighteenth century and were associated with the Western European influence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.03.2010

УДК: 94 (476)

А.А. Савіч

ДЗІЦЯЧЫЯ ДАМЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ІВАЦЭВІЦКАГА РАЁНА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-Х – 1950-Я ГАДЫ

Адной з вострых праблем сучаснага грамадства з'яўляецца праблема сіроцтва, у першую чаргу сацыяльнага. Апошнім часам Рэспубліка Беларусь ажыццяўляе адпаведныя мерапрыемствы структурна-арганізацыйнага характару. У сістэме выхавання дзяцей-сірот і дзяцей, якія засталіся без апекі бацькоў, значнае месца займаюць дзіцячыя дамы. Прадметам дадзенага артыкула з'яўляюцца сацыяльна-эканамічныя, вучэбна-метадычныя і арганізацыйна-кадравыя аспекты дзейнасці дзіцячых дамоў на тэрыторыі сучаснага Івацэвіцкага раёна, якія асвятляюцца на падставе архіўных матэрыялаў, што ўпершыню ўводзяцца ў навуковы ўжытак. Аналізуюцца і іншыя аспекты дзейнасці дзіцячых дамоў на тэрыторыі Івацэвіцкага раёна ў другой палове 1940-х – 1950-я гады.

Уводзіны

У 1940-я – 1950-я гады тэрыторыя сучаснага Івацэвіцкага раёна была падзелена Косаўскі (з 20.09.1947 Івацэвіцкі), Быценскі, Целяханскі раёны. Найважнейшай задачай, якая стаяла перад сістэмай адукацыі савецкай дзяржавы ў пасляваенны перыяд, была неабходнасць уладкавання дзяцей, якія засталіся без апекі бацькоў. Па ўсёй краіне пачалася кампанія па арганізацыі дзіцячых дамоў, што давалі прытулак дзецям. Адпаведныя мерапрыемствы ажыццяўляліся і на тэрыторыі Івацэвіччыны, дзе ў пасляваенны час функцыянавалі дзіцячыя дамы ў Быцені, Косава і Целяханах.

Дзіцячыя дамы на тэрыторыі Івацэвіччыны як асноўная форма арганізацыі выхавання дзяцей, якія засталіся без апекі бацькоў

Ажыццяўляючы мерапрыемствы па ўладкаванні дзяцей, якія засталіся без апекі бацькоў, наладжваючы матэрыяльна-тэхнічныя і арганізацыйна-метадычныя ўмовы дзейнасці дзіцячых дамоў, абласное кіраўніцтва выстаўляла адпаведныя патрабаванні да дзейнасці іх адміністрацыі. Паводле справаздачы Брэсцкага абласнога аддзела народнай адукацыі, асноўнымі задачамі ў 1947–1948 навуковым годзе былі карэннае паляпшэнне навучання дзяцей, зніжэнне да мінімуму працэнт дзюгаднікаў, далейшае паляпшэнне выхаваўчай працы ў дзіцячых дамах (выхаванне маральных якасцей, культуры паводзін, культурна-гігіенічных звычак), умацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы, упарадкаванне ўліку маёмасці і барацьба з крадзяжамі, «разбазариванием» дзяржаўных каштоўнасцей, паляпшэнне бытавых умоў, ліквідацыя скучанасці, павышэнне агульнай культуры ў дзіцячых дамах [2, арк. 1]. Акрамя гэтага, вялікая ўвага надавалася палітычнаму, патрыятычнаму, інтэрнацыянальнаму выхаванню дзяцей.

Уладкаванне дзіцячых дамоў суправаджалася цяжкасцямі матэрыяльна-тэхнічнага характару. Шмат нараканняў і заўваг выяўлялася у ходзе неаднаразовых праверак і рэвізій, якія праводзіліся вышэйстаячымі органамі. Так, напрыклад, у загадзе Брэсцкага аблана ад 1 снежня 1948 г. былі агучаны вынікі чарговай рэвізіі, якая адбылася ў Косаўскім дзіцячым доме. Сцвярджалася, што дзіцячы дом да зімы не падрыхтаваны, рамонт памяшканняў не скончаны, поўнага запасу паліва на зіму 1948–1949 гг. Ва ўстанове вялікая скучанасць, каля 60 выхаванцаў спалі па двух на адным ложку, пры тым што выдзеленыя на рамонт і пашырэнне памяшканняў сродкі ў суме 80 тысяч рублёў не былі асвоены. Пасцельная бялізна брудная, выхаванцы абмундзіраваны кепска. У час праверкі было выяўлена, што супрацоўнікі дзіцячага дома карысталіся казённымі пасцельнымі прыналежнасцямі, інвентаром і мэбляй, атрымлівалі бясплатнае харчаванне за кошт дзяцей-сірот, якое было недастатковым па

сваёй каларыйнасці. Як вынік такога становішча, ў 1948 г. з дзіцячага дома было 32 ўцёкі. На той момант ужо былы дырэктар дзіцячага дома В.П. Заастроўскі, як адзначалася ў загадзе, сумесна з бухгалтарам сталі на шлях скрывання бюджэтных сродкаў. Яшчэ вясной, 29 красавіка 1948 г., рэвізія выявіла безгаспадарчыя адносіны да захавання гародніны, у выніку чаго згінула 24 878 кг бульбы і 300 кг агуркоў, за што дырэктар Заастроўскі атрымаў строгую вымову, хоць быў прызначаны на пасаду толькі 15 сакавіка 1948 г. [11, арк. 6–7].

Колькасць дзяцей у дзіцячых дамах не была стабільнай, частымі былі ўцёкі, пераводы ў іншыя дзіцячыя ўстановы, пераезды да родзічаў. Так, на працягу 1948 г. з Косаўскага дзіцячага дома ўцяклі ажно 38 чалавек, у той самы час з Антопальскага – 8, Камянецкага – 8, з Бярозаўскага – 6, з Шарашоўскага і Маларыцкага па 4 выхаванцы [10, арк. 24]. У Косаўскім раёне за першае паўгоддзе 1947 г. было ўлічана 47 дзяцей, якія засталіся без бацькоў. З іх 29 – дзеці-сіроты, бацькі якіх загінулі ў час вайны, 46 уладкаваны ў дзіцячы дом, 1 аддадзены пад апеку. Усяго па раёне 67 дзяцей знаходзіліся на патранаце, 2 пад апекай, 180 дзяцей у Косаўскім дзіцячым доме. На 1 студзеня 1948 г. на ўліку было 76 дзяцей, якія засталіся без бацькоў, з іх 63 – дзеці, бацькі якіх загінулі, 11 уладкаваны ў дзіцячы дом, 65 узяты на патранаж роднымі ці блізкімі. У дзіцячым доме знаходзілася 220 дзяцей [1, арк. 23, 24].

У канцы 1947–1948 навучальнага года ў Косаўскім агульным школьным дзіцячым доме было 212 выхаванцаў, з іх 32 – выдатнікі вучобы, 194 здалі іспыты за навучальны год, 13 атрымалі заданне на лета і 5 пакінуты на другі год. У наступным навучальным годзе ва ўстанове было 149 навучэнцаў, з якіх 131 паспяхова вучыўся, 8 вучняў былі выдатнікамі, 18 не паспявалі па пэўных прадметах. У 1949–1950 навучальным годзе адпаведныя лічбы былі: 127, 106, 1, на другі год пакінута было 11, работу на восень атрымалі – 10 [2, арк. 6; 4, арк. 3; 10, арк. 20].

Табліца 1 – Вынікі 1954–55 навучальнага года дзіцячых дамоў Івацэвіччыны

Дзіцячы дом	Колькасць вучняў	на выдатна скончылі	скончылі на 4–5	скончылі на 4–3	Усяго паспявалі	Не паспявалі	Не атэставана
Быценскі № 1	82	1	14	62	77	4	1
Быценскі № 2	80	19	22	35	76	4	1
Косаўскі	130	13	41	74	128	1	1
Целяханскі	72	–	5	58	63	9	–

Табліца 2 – Паспяховасць выхаванцаў дзіцячых дамоў за Івацэвіччыны 1954–55 навучальны год (з улікам асенніх экзаменаў)

Дзіцячы дом	Колькасць вучняў	Пераведзены ў наст. клас	Атрымалі заданне на восень	Пераведзены ў наст. клас восенню	Усяго пераведзена	Пакінуты надругі год	Паспяховасць, %
Быценскі № 1	80	76	3	2	78	2	97,5
Быценскі № 2	81	76	2	–	76	5	94
Косаўскі	127	126	1	1	127	–	100
Целяханскі	76	89	6	5	74	2	97,3

Як відна з прыведзенай інфармацыі, лепшыя поспехі дэманстравалі Косаўскі дзіцячы дом [8, арк. 46].

Паступова паляпшаючы матэрыяльную базу і бытавыя ўмовы, Косаўскі дзіцячы дом у 1947–48 навучальным годзе набыў поўны камплект мэблі [2, арк. 2]. Дзіцячыя дамы забяспечваліся свойскай жывёлай, птушкамі, мелі зямлю. Напрыклад, у 1951 г. Косаўскі дзіцячы дом меў надзел плошчай 17 га, для вучэбных мэтаў выкарыстоўвалася 0,75 га, пад палявыя і агародныя культуры – 12,25 га, пад сенакос – 4 га, сад меў 150 плодовых дрэў і кустоў, у гаспадарцы мелася 9 кароў, 4 кані, 18 свіней, 6 авечак, была пасека з 11 пчаліных сямей [5, арк. 163].

Аднак у даведцы аб стане дзіцячых дамоў Брэсцкай вобласці на 1 сакавіка 1949 г. адзначалася, што ў Косаўскім дзіцячым доме, як і ў Бярозаўскім, Пружанскім, Шарашоўскім, «няма памяшкання для ўмывання, і выхаванцам прыходзіцца ўмывацца ў калідорах і іншых непрыстасаваных памяшканнях і з кружак, бо няма ўмывальнікаў» [10, арк. 19]. На 23 мая 1951 г. у Косаўскім дзіцячым доме была зроблена прыбудова да асноўнага будынка, што дало магчымасць забяспечыць 170 дзяцей дастатковай плошчай для вучобы і спальных памяшканняў. У гэты час забяспечанасць абмундзіраваннем і бялізнай (пасцельнай і нацельнай) была дастатковай [5, арк. 24, 26]. Дзіцячыя дамы вымушаны былі арганізоўваць вырошчванне садавіны і гародніны дзеля забеспячэння харчаваннем, пры гэтым вырашаліся выхаваўчыя задачы – дзецi далучаліся да працы. Як адзначалася ў справаздачах Брэсцкага аблана, на працягу некалькіх гадоў поўнасю забяспечвалі сябе гароднінай, у тым ліку бульбай, Косаўскі і Быценскі дзіцячыя дамы. На грошы, атрыманыя з уласных гаспадарак, дзіцячыя дамы ажыццяўлялі рамонт, набывалі вучэбны і фізкультурны інвентар, настольныя гульні, праводзіліся экскурсіі і іншыя культурныя мерапрыемствы [8, арк. 6].

Ва ўмовах арыентацыі сістэмы адукацыі на політэхнічнае навучанне адміністрацыя прыкладала шмат намаганняў па забеспячэнні сваіх устаноў тэхнічнымі сродкамі. Напрыклад, у майстэрні Косаўскага дзіцячага дома сіламі выхаванцаў пад кіраўніцтвам інструктара быў змайстраваны электрастанок з цыркулярнай пілой і наждачным каменем, электратакарны станок па дрэве, верстакі, меліся інструменты па апрацоўцы метала. У сярэдзіне 1950-х гадоў майстэрні Косаўскага і Быценскага дзіцячых дамоў прызнаваліся найлепш абсталяванымі сярод аналагічных устаноў вобласці [9, арк. 7, 8, 10, 11].

Былі, аднак, цяжкасці і з камплектаваннем педагагічнага калектыву дзіцячых дамоў, напрыклад, вясной 1949 г. у Косаўскім дзіцячым доме не было завуча. Няпростыя задачы, якія стаялі перад калектывам Косаўскага дзіцячага дома ў 1949 г., вырашалі дырэктар установы А.Р. Мыслівец, які меў незакончаную вышэйшую адукацыю (быў прызначаны на пасаду 10 красавіка 1949 г.) [12, арк. 31], завуч М.А. Кіслянкова, выхавацелі Л.Д. Кілчэнкава, Л.В. Клушына, А.Ц. Кашкевіч, М.П. Манёнік, В.М. Гапеева, Л.П. Амельяновіч, якія мелі сярэдняю адукацыю, інструктары М.П. Шпадэла, С.С. Казлоў, Д.С. Акавіты, якія мелі пачатковую адукацыю, старшы піянерважаты С.М. Глушанкоў меў сямігадовую адукацыю. У дзетдоме працавалі ўрач В.К. Дашкевіч і медсястра А.К. Цыганкова [3, арк. 18, 24, 56].

Сетка дзіцячых дамоў па вобласці не была пастаяннай, паступова некаторыя ўстановы скасоўваліся, персанал пераводзілі ў іншыя ўстановы. Так, напрыклад, у 1955 г. быў закрыты Быценскі дзіцячы дом № 2, дырэктара Грабенкіна перавялі ў Мікашэвіцкі дзіцячы дом. У гэтым жа годзе дырэктара Целяханскага дзіцячага дома Чыкуна знялі з пасады, на яго месца быў прызначаны былы дырэктар аналагічнай установы з Драгічына Ільніцкі. Завуча з ліквідаванага Давыд-Гарадоцкага дзіцячага дома Гадовікаву перавялі ў Целяханы, завуча Быценскага № 2 Сапегіну перавялі ў Высокаўскі дзіцячы дом, а выхавацеля Рэўтаву прызначылі завучам у Шарашоўскі дзіцячы дом. На фоне частых змен дырэктараў Косаўскага дзіцячага дома сваёй прафесійнасцю вылучаўся завуч установы Мароз. У гэты час некаторыя выхавацелі

дасягнулі пэўных поспехаў у сваёй дзейнасці. Напрыклад, малады педагог-выхавацель Быценскага дзіцячага дома № 1 К.С. Журавель сумеснай, узгодненай з настаўнікамі Сялецкай школы В.А. Сінкевічам працай на працягу некалькіх гадоў дасягнула 100 % паспяховасці сваіх вучняў. Пры гэтым ажыццяўлялася сістэматычнае наведванне дзіцячага дома і школы, індывідуальная праца са слабымі вучнямі, практыкавалася глыбокае вывучэнне індывідуальных асаблівасцей дзяцей, сумеснае правядзенне сходаў. Паспяхова працавала і выхавацель Косаўскага дзіцячага дома Гурко, якая на працягу чатырох гадоў дасягала поўнай паспяховасці выхаванцаў, якія пры гэтым мелі трывалыя веды: з 36 вучняў 4 класа 3 скончылі вучэбны год «на выдатна», 17 «на добра і выдатна» (60%) [8, арк. 7, 8, 10, 11]. Вызначаліся сваёй стараннасцю выхавацелі Каранеўская і Усовіч (Косаўскі), а таксама Шышкіна (Быценскі). Дырэктар Быценскага дзіцячага дома характарызаваўся як кіраўнік, які ўнікае ў вучэбна-выхаваўчы працэс [9, арк. 16–18].

У пачатку 1950-х гадоў у дзіцячых дамах значна палепшылася метадычная праца педагогічных саветаў і метадычных нарад. Палепшыўся кантроль з боку дырэктараў і завучаў дзіцячых дамоў. Пры гэтым належнае месца заняло правядзенне сумесных педсаветаў дзіцячых дамоў і школ, у якіх вучыліся выхаванцы дзетдамоў. Разам з гэтым у дзейнасці кіраўніцтва Косаўскага дзіцячага дома былі выяўлены сур'ёзныя недахопы, якія тлумачыліся кепскай арганізацыяй кіраўніцтва з боку дырэктара дзетдома. За прымяненне антыпедагогічных мер уздзеяння на дзяцей, за сістэматычнае п'янства, «очковтэраторства» дырэктар установы Мыслівец быў зняты з пасады [5, арк. 13, 15, 17]. Неаднойчы падваргаліся крытыцы іншыя асобы, якія працавалі на пасадах у дзіцячых дамах. Напрыклад, наступны дырэктар Косаўскага дзіцячага дома Ермакоў падваргаўся крытыцы за недастатковае засваенне зместу работы ўстановы, адсутнасць належнай цікавасці да пытанняў вучэбна-выхаваўчага характару, «амаральныя ўчынкi ў асабістых паводзінах». Трэба адзначыць, што крытыка мела вынік: у справаздачах пазнейшага часу Ермакоў характарызаваўся станоўча, разам з завучам Мароз ажыццяўляў выхаваўчую працу з цяжкімі падлеткамі, наведваў школу, правяраў вучобу і паводзіў, праводзілі гутаркі з вучнямі і настаўнікамі [6, арк. 11; 7, арк. 31]. Паступова ўмацоўваліся педагогічныя калектывы дзіцячых дамоў. Так, у пачатку 1950-х гадоў многія выхавацелі дэманстравалі добрыя вынікі працы і станоўча характарызаваліся кіраўніцтвам. У 1951–52 навучальным годзе выхавацелі Косаўскага дзіцячага дома Гурко, Кільчэнкава і Юшкевіч дасягнулі поўнай паспяховасці ў вучобе вучняў сваіх груп. Сярод выхавацеляў выдзяляліся Клушына і Юшкевіч, якія працавалі ў дзетдоме з 1946 г., добра ведалі сваю справу, забяспечвалі высокую паспяховасць выхаванцаў, шмат працавалі над павышэннем сваёй педагогічнай кваліфікацыі, вучыліся ў Брэсцкім настаўніцкім інстытуце [6, арк. 13, 15, 16].

У гэты час дзіцячыя дамы былі ахоплены небяспечнай хваробай трахомай, якая пачала набываць памеры эпідэміі. Напрыклад, у Косаўскім дзіцячым доме «ў выніку кепскага медыцынскага нагляду і адсутнасці стараных і глыбокіх медаглядаў мелася 32 выпадкі трахомы, верагодна, з-за гэтага і рэзка знізілася паспяховасць: са 163 вучняў не паспявала 26. У 1951 г. па Брэсцкай вобласці было выяўлена 66 хворых на трахому, пры гэтым 47 хворых было ў Косаўскім дзіцячым доме. Масавая ўспышка трахомы ў гэтым годзе тлумачылася няправільнай дыягностыкай з боку абласнога ўрача-акуліста Абросімава, які неаднаразова праводзіў у Косаўскім дзіцячым доме агляд дзяцей, але адмаўляў наяўнасць трахомы. Брэсцкай абласна вымушаны быў арганізаваць трахаматозны ізалятар пры Косаўскім дзіцячым доме. Аднак лячэнне ажыццяўлялася такім чынам, што колькасць хворых не памяншалася, а павялічылася да 77. Неэфектыўнасць лячэння трахомы тлумачылася тым, што Брэсцкі аблздраў не замацаваў пастаяннага ўрача для ізалятара, а ўсталяваў сістэму адкамандзіравання

ўрачоў у Косаўскі дзіцячы дом на 1 месяц па чарзе, тым самым «обезличил». Характэрным было тое, што розныя ўрачы па-рознаму вызначалі ступень захворвання. Па распараджэнні Міністэрства асветы БССР 24 выхаванцы Косаўскага дзіцячага дома з найгоршым станам вачэй былі накіраваны ў трахаматозны дзіцячы дом Баранавіцкай вобласці. Аднак камісія, створаная Баранавіцкім аблздраўаддзелам, вызнала ўсіх здаровымі, і дзеці былі адпраўлены назад. Вызваная для канчатковай кансультацыі камісія Міністэрства аховы здароўя, якую ўзначальваў прафесар Бірыч, прызнала дзетак хворымі на трахому.

Пасля такога здарэння ў дзіцячых дамах былі зроблены прафілактычныя прышчэпкі, у тым ліку ад воспы, дыфтэрыі і інш. Была ўпарадкавана медыцынская дакументацыя, больш рэгулярнымі сталі медыцынскія агляды дзяцей. Былі створаны ізалятары, пабудаваны лазні [5, арк. 88, 93, 148–149].

Савецкая дзяржава выказвала клопат аб выхаванцах дзіцячых дамоў, імкнулася стварыць умовы для іх агульнаадукацыйнай і прафесійнай падрыхтоўкі. Напрыклад, загадам міністра вышэйшай адукацыі СССР ад 15 сакавіка 1949 г. «Аб матэрыяльным забеспячэнні выхаванцаў дзіцячых дамоў, якія навучаюцца ў вышэйшых і сярэдне-спецыяльных установах (тэхнікумах)» дырэктарам сярэдніх спецыяльных устаноў (тэхнікумаў) прадпісвалася залічваць выхаванцаў дзіцячых дамоў, якія выдатна скончылі сямігадовыя школы, і ўтрымліваць на поўным дзяржаўным забеспячэнні да заканчэння ўстановы. Пры гэтым усталёўваўся наступны парадак: выхаванец пражывае ў дзіцячым доме і знаходзіцца на яго поўным забеспячэнні ў тым выпадку, калі тэхнікум, у якім ён вучыцца, знаходзіцца ў адным з дзіцячым домам горадзе. Калі ж у горадзе не было адпаведнай установы, то выхаванца дзіцячага дома маглі залічыць у тэхнікум у іншым горадзе, пры наяўнасці ў ім інтэрната для навучэнцаў. Установы, якія прымалі выхаванцаў дзіцячых дамоў, абавязаны былі пасяліць іх у інтэрнаце і ўтрымліваць на поўным дзяржаўным забеспячэнні па нормах дзіцячых дамоў [10, арк. 30].

Аднак большасць выхаванцаў дзіцячых дамоў пасля дасягнення сталага ўзросту накіроўвалася ў рамонтныя і фабрычна-заводскія вучылішчы, пасля чаго працавала на прадпрыемствах СССР. Напрыклад, выпускнікі Косаўскага дзіцячага дома ў 1954-1955 гг. паступілі ў калінінградскія, рыжскія, брэсцкія, молатаўскія рамесныя вучылішчы і паспяхова авалодвалі прафесійным майстэрствам [8, арк. 19].

Заклучэнне

Такім чынам, у пасляваенныя гады органы сваецкай улады вырашэнне праблемы догляду і выхавання дзяцей, што засталіся без апекі бацькоў, бачылі ў арганізацыі дзіцячых дамоў. Былі рэдкія выпадкі, калі дзеці перадаваліся пад апеку родным ці блізкім. Такое становішча можна патлумачыць тым, што ўлады не былі ўпэўнены ў добранадзейнасці мясцовага насельніцтва, асноўную масу якога першапачаткова, да ажыццяўлення калектывізацыі, складалі сяляне-аднаасобнікі, якія не праяўлялі вялікай цікавасці да будаўніцтва сацыялістычнага калгасна-саўгаснага жыцця. Таму дзяржава давярала выхаванне дзяцей гэтай катэгорыі дзяржаўным установам – дзіцячым дамам, якія павінны былі праводзіць арганізацыйна-выхаваўчую працу у камуністычным духу. Уладкаванне дзіцячых дамоў суправаджалася цяжкасцямі матэрыяльна-тэхнічнага і арганізацыйна-кадравага характару. Адсутнасць прыстасаваных памяшканняў, кепскія санітарна-гігіенічныя ўмовы, перанаселенасць, цяжкасці з харчаваннем, забеспячэннем бялізнай, вопраткай былі пастаяннымі спадарожнікамі жыцця дзіцячых дамоў, становішча ў якіх ускладнялася адсутнасцю падрыхтаваных кваліфікаваных адміністрацыйна-педагагічных кадраў. Частымі былі выпадкі нядбайных паводзін адміністрацыі і супрацоўнікаў, якія на сабе адчувалі цяжкасці сацыяльна-бытавога характару пасляваеннага жыцця. Паступова ў выніку мэтанакіраванай арганізацыйна-

кадравай палітыкі, паляпшэння матэрыяльна-тэхнічнай базы дзіцячых дамы Івацэвіччыны пазбаўляліся ад названых недахопаў. Аднак сёння гаварыць аб дзіцячых дамах як аб адзіным выйсці ў вырашэнні праблем сіроцтва, у тым ліку на падставе вопыту функцыянавання дзіцячых дамоў Івацэвіччыны ў акрэслены час, не прыходзіцца. Толькі ва ўмовах сям'і магчыма стварыць умовы для таго, каб дзеці адчувалі клопат і пяшчоту, атрымлівалі паўнаwartаснае, збалансаванае выхаванне. Таму сучасная палітыка Рэспублікі Беларусь па вырашэнні сацыяльна-выхаваўчых праблем дзяцей, што засталіся без апекі бацькоў, накіравана на перадачу гэтых функцый ад дзяржаўных устаноў сем'ям – стварэнне дзіцячых дамоў сямейнага тыпу.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Отчет об устройстве детей, оставшихся без родителей, органами народного образования Брестской области за 1947–1948 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 30.
2. Отчет о работе детских домов Брестской области за 1947–1948 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 26.
3. Отчет о работе детских домов Брестской области за 1948–1949 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 39а.
4. Отчет по итогам работы детских домов Брестской области за 1949–1950 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 56.
5. Отчет по итогам работы детских домов Брестской области за 1950–1951 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 73.
6. Отчет по итогам работы детских домов Брестской области за 1951–1952 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 92.
7. Отчет по итогам работы детских домов Брестской области за 1952–1953 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 110.
8. Отчет по итогам работы детских домов Брестской области за 1954–1955 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 154.
9. Отчет по итогам работы детских домов Брестской области за 1954–1955 учебный год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 173.
10. Отчеты о состоянии воспитательной работы и хозяйственно-бытовом обслуживании детей в детских домах и детских садах // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 47.
11. Приказы заведующего Брестским областным отделом народного образования за 1948 год // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 37.
12. Решения Брестского областного исполнительного комитета совета депутатов трудящихся // ДзАБВ. – Фонд. 1041. – Воп. 1. – Спр. 46.

Savich A.A. The Children's Homes in Ivatsevichy District in the Late 1940s–1950s.

The problem of orphanhood in one of the sharpest problems of modern society, especially the problem of social orphanhood. Today The Republic of Belarus undertakes proper measures of structurally organizational character, which are aimed at expanding the range of children's homes of domestic type. However a considerable part is played by children's homes in educating children-orphan and children who remained without parental care. The article deals with socio-economic, educational, organizational and staff aspects of activity of children's homes in modern Ivatsevichy district, which are described on the basis of the archived materials and are first introduced in scientific usage. It also analyses other aspects of children's homes in Ivatsevichy district in the late 1940s–1950s.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.04.2010

УДК 94(476) «15/16»

Н.Н. Алексейчикова

ВДОВСТВО В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ В XVI–XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТАРТА)

Статья посвящена проблеме вдовства в XVI–XVIII вв. В ней рассматриваются права и обязанности горожан, которые последние приобретали в связи с изменением их семейного статуса; показывается особенности положения вдовы-горожанки по сравнению с вдовцом. Кроме того, в статье охарактеризована экономическая деятельность вдов-горожанок, выявлены различия в положении данной категории жителей городов с другими группами женского населения. Уделяется внимание демографическим аспектам данной проблемы. В статье на основе анализа актовых книг Могилевского магистрата предпринята попытка установить количество вдовствующих горожан в XVI–XVIII вв. в Могилеве, а также определить соотношение вдов и вдовцов, выяснить отношение горожан к данному социальному статусу и продолжительность пребывания в нем.

Введение

Матримониальное поведение жителей белорусских городов в XVI–XVIII вв. является одной из актуальных проблем отечественной исторической науки. История повседневности в последнее время привлекает внимание отечественных исследователей. История семьи, ее формирование, эволюция и жизнедеятельность не входила до недавнего времени в круг проблем, рассматриваемых белорусскими исследователями. И только в последнее время начали предприниматься первые шаги для восполнения имеющегося пробела в отечественной исторической науке. Появились первые работы, отражающие правовой аспект семейных взаимоотношений в XVI–XVIII вв. [8; 16]. Имеется ряд публикаций, затрагивающих отдельные аспекты матримониальности горожан [2; 5, с. 199–279; 12, с. 256–282; 13, с. 99–103]. Однако это лишь малые крохи, не дающие нам целостного представления об истории семей белорусских горожан. Для восстановления целостной картины матримониальности горожан в период необходимо рассмотреть целый круг вопросов.

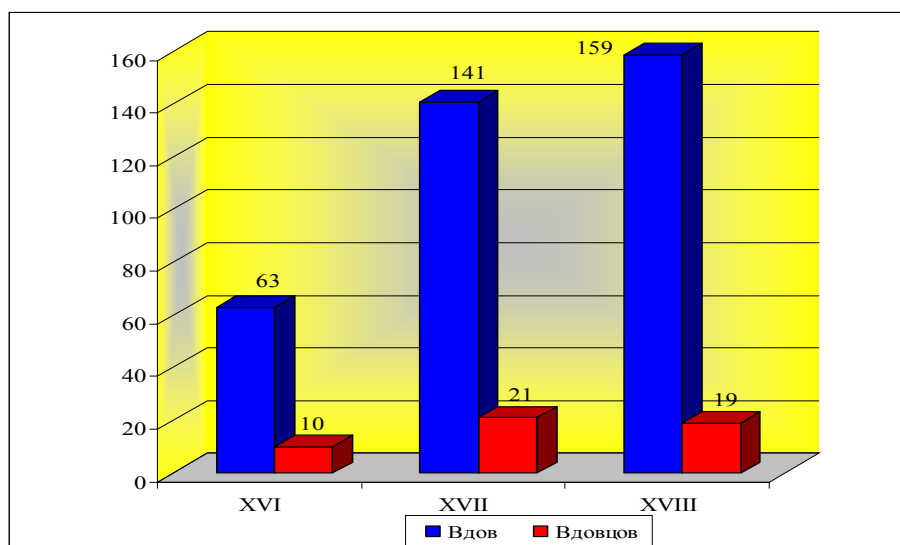
На протяжении XVI–XVIII вв. белорусские земли неоднократно становились ареной военных действий, приносивших разорение и смерть [6, с. 57, 370–378]. Не меньшим бедствием становились для жителей Великого княжества Литовского эпидемии и голод, являвшиеся следствием военных лихолетий и низкого уровня гигиены [7, с. 41–143; 17, с. 131–143; 20, с. 81–83]. Это не могло не отразиться на семейной жизни жителей Беларуси в целом, и горожан в частности. В рассматриваемый период вдовствующие горожане составляли значительный пласт городского населения. Изучению положения, прав, обязанностей вдовствующих горожан и будет посвящена данная статья. Будут также рассмотрены некоторые аспекты демографических процессов, позволяющие составить более полное представление о данной категории городского населения.

Вдовство в городах Беларуси в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата)

В рассматриваемое время в Беларуси наблюдается высокий уровень смертности, связанный как с многочисленными войнами, так и с сопровождавшими их голодом и эпидемиями. Военные действия 1648–1667 гг. привели к тому, что в 1649, 1650 и 1655 гг. часть жителей Великого княжества Литовского умерла от голода, другая же была вынуждена искать себе пропитания в другом месте: *«poddani z glodu poumierali, a*

*inne z domów swoich, że nie mieli siebie w domach żywić precz rozeszli...»*¹ [20, s. 81]. Немало смертей принесла и волна эпидемий, опустошившая белорусские земли. В 1653 г. разразилась эпидемия в Брестском, Пинском, Речицком и Мозырском поветах, в 1654 г. – в Минском повете, в 1661 г. – в Шкловском повете. В результате умерло 10 804 взрослых мужчины [20, s. 82–83]. Изучение актовых книг Могилевского магистрата позволило установить 413 вдовствующих горожан. Причем количество вдов значительно превышало количество вдовцов: было выявлено 50 вдовцов и 363 вдовы, что составляло 12,1% и 87,9% соответственно от общего количества вдовствующих горожан [1, Приложение Ж 6, л. 153–171].

Диаграмма 1 – Вдовствующие могилевчане в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата)

Однако следует учитывать, что приводимые нами данные цифры, характеризующие количество вдовствующих горожан не в полной мере отражают реалии жизни. Дело в том, что, с одной стороны, в актовых книгах не всегда удается установить семейный статус мужчины, в то время как в отношении женщины это сделать значительно легче, с другой – сложно судить и о точном количестве вдов-горожанок, поскольку в актовых книгах зафиксированы только случаи, когда последние выступали в городском суде, отстаивая свои интересы или интересы своих родных или выступая в качестве ответчиков.

Так что же представляло из себя положение вдовы (вдовца) в XVI–XVIII вв.? Какими правами и обязанностями обладала данная категория горожан? В рассматриваемый период вдова-горожанка могла быть довольно самостоятельной женщиной в экономическом плане, хотя в соответствии с законодательством должна находиться под опекой мужчины [19, s. 53]. Следуя данной норме, многие горожане назначали опекунов для своих жен при составлении завещания. Так 27 августа 1577 г. поступил могилевский мещанин Данило Мишкович, назначив в качестве опекунов для жены Татьяны своих шуринов: «*А ей самой (Татьяне Овсеевне – А.Н.) (...)* опекунами ихъ (Иван и Федор Овсеевичи, шурины – А.Н.) *вчинилъ...*» [11, с. 139].

Материальное положение вдовы-горожанки во многом зависело от того, записал ли ей ее покойный супруг вено: «*Дешко Санковичъ (...)* *такий тестамент учинил, иж напервей учтивой Варушы Лукиновне, малжонце своей милой для ей против себе у-*

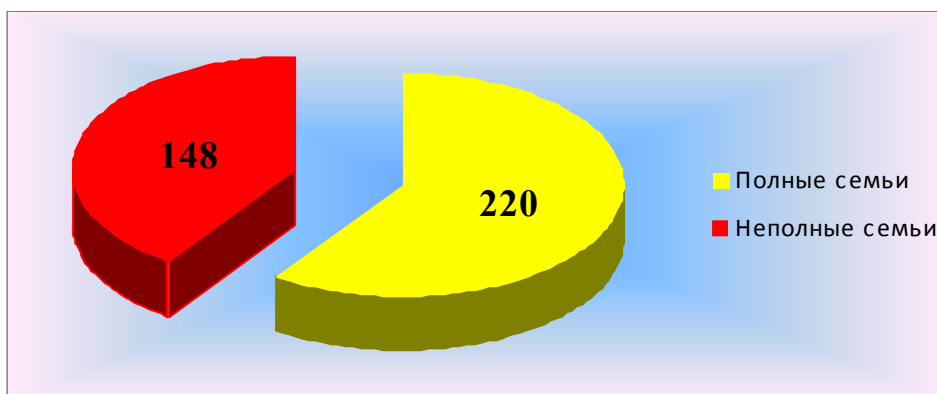
¹ Подданные от голода умерли, а другие из-за отсутствия возможности прокормить себя покинули свои дома. Перев. с польск.

реймой веры и зычливости услугованья, отдал двадцат коп гр(о)шей вена, которые гр(о)шы ей в товаре своемъ указаль...» [4, с. 564–565]. Дело в том, что после смерти супруга женщине возвращалось ее приданое: «Макрида Богдановна <...> чынила сознание о томъ, иж што позывала перед священника Тишка Вознесенского присуду его тощу свою Порасью Санковую о унесенье свое, же по смерти мужа моего оног(о) унесенья отдать не хотела, за которое унесенье мое она, теца моя Порася, мене копою гр(о)шей поеднала и досыт за все учынила, которое досыть учыненье свое от нее взявши, квитую и волным чыню...» [4, с. 491]. Однако к этому времени «внесение» могло быть растрчено, как это произошло с приданым Ульяны Процковны, жены могилевского мещанина Клишко: «А што колвекъ узял был по жоне своей од тестя своего – напервей тры краковки жита, а саянь сукна люнского чорного, сукман сукна ческого а шлейку якъсамиту чорного с перлы, тую шлейку продал он на свою потребу, чепецъ шолку чирвоного – и тот продалъ за гр(о)ши дватцат. А иж оног унесеня ее иншия речи продалъ на свою потребу...» [4, с. 75]. Таким образом, вено играло роль гаранта материального благополучия вдовы. Вену придавалась большое значение. Об этом свидетельствует тот факт, что муж не имел права продавать то имение, на котором записал своей жене вено, не осуществив соответствующей замены [19, s. 235].

В том случае, если муж не записал жене вена, то она не имела права на него претендовать. Тогда будущность бездетной вдовы, а также вдовы, у которой были совершеннолетние дети, обеспечивалась «вдовым стольцем», то есть за женщиной сохранялась часть имущества мужа в качестве пожизненного содержания: «Клишко <...> таковы тестаментъ учинилъ <...> по смерти его, поки жона замужъ не поидет, тогды волно ей будеть у дому поспол з детми теперешними и потомъ прыбудучимъ мешкать» [4, с. 74–75]. Как видим, вдова пользовалась этим имуществом либо до своей смерти, либо до тех пор, пока не вступала в повторный брак. Она не приобретала права собственности на данный вид имущества, в связи с чем ее права на распоряжение данным имуществом были ограничены: «Мещанин государьсткий Могилевский Аврамъ Гридковичъ жаловал на мещанина Могилевского Нестера Андреевича о томъ, штож дей тот Нестер домъ мой отцовский <...> нетъ ведома по чому держить, а мне его поступит не хочет. Нестер на то тыми словы поведил: Ia дей тот двор не згола держу, але за листомъ купчимъ невестьки его Овдоти Овдеевое Грыдковича <...> А так iак врад <...> бачечи то, иж тая Овдеевая Овдоця мешкаючи у в ономъ дому на вдовьемъ столцы, зваца без потомства, не мела моцы продавати оног дому вечностью никому, который продала. С тых причин <...> Аврама Гридковича при ономъ дому его зоставити...» [4, с. 86–87]. Как видим, вдовствующая горожанка не имела права по своему усмотрению продавать данный вид собственности.

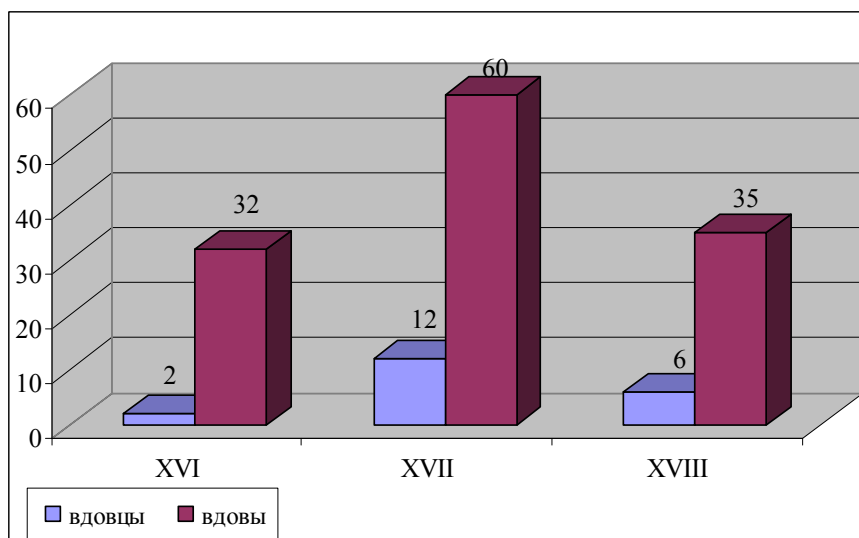
Таким образом, положение вдовы-горожанки зависело от наличия у нее несовершеннолетних детей. Следует отметить, что в рассматриваемый период количество неполных семей было весьма значительным. По подсчетам автора, вдовствующие горожане (вдовы и вдовцы), имеющие на попечении несовершеннолетних детей, составляли 67,2% от общего числа установленных полных семей, к числу которых относятся также бывшие вдовы и вдовцы, вступившие в повторный брак (диаграмма 2).

Диаграмма 2 – Соотношение вдовствующих горожан, у которых на попечении остались несовершеннолетние дети, с полными семьями [1, Приложения Б.1.2, Б.1.3, Б.1.4, Б.1.7, Б.2, л. 29–49, 52–54].

Причем число вдов, занимающихся воспитанием несовершеннолетних детей, преобладало над числом вдовцов. Так, если на вдовцов приходится только 13,5% (20 человек), то вдовствующие горожанки, воспитывавшие несовершеннолетних детей, составляли 84,5% (128 человек) [1, Приложение Б.1.6, л.50].

Диаграмма 3 – Соотношение вдов и вдовцов, воспитывающих несовершеннолетних детей.

В этом случае женщина как опекун «управляла» имуществом умершего супруга до совершеннолетия детей. Таким же было положение и вдовствующей горожанки, если она была беременна: могла жить и пользоваться всем имуществом мужа, так как она в случае смерти новорожденного ребенка становилась наследницей всего этого имущества. Забота о ней и будущем ребенке так же, как если бы он уже родился, возлагалась на плечи опекуна или наследника. Это было обусловлено тем, что ребенок в это время живет за счет матери, а потому и мать могла жить за счет средств, которые впоследствии отводились бы на содержание ребенка [19, s. 244]. Не менялась ситуация для женщины и в том случае, если ребенок умирал: *«Ивашько Васковичъ Дробышевичъ, мещанинъ Могилевски, жаловал на невестьку свою Котушу о томъ, штож дей она по смерти брата моего Юшка, которы умеръ на дорозе <...> у месте Луцьскомъ и тамъ, будучи вжо хори, волю свою остаточную на тестаменте описал, што се вжо водлугъ*

опису на ономъ тестаменте все выполнилося, нижли што были дети небощиковские недорослые остали, тогда я для тых детей учинилемъ былъ постановенъе з невестькою, же ей волно было мешкать при детяхъ в ономъ дому брата моего до леть зуполных детинныхъ; нижли теперь дети небощика брата моего померли, а она за иншого мужа пошла и тотъ домъ у своемъ держанью и теперь мает, которого мне, яко близкосты по брате моемъ, поступити не хочеть. А сторона отпорная Котуша через мужа своего Андрея Отрошъковича, <...> просила, абы былъ чистанъ тестаментъ небощиковски и примить захована была. Которы на уряде покладанъ былъ <...> у котором тестаменте пишеть о маетности своей, полецаяючи товаришомъ своимъ в моцъ, иж бы тот товаръ в целости до Могилева довели и тамъ его отдали в руки брату его Ивашку, жебы теж он долги небощиковские поплатилъ, а иншия речи, товаръ и грши готовые жоне и детемъ тое отдали <...> А урядъ, выслушавши жалобъ и отпору сторонъ и добре на то намыслившисе и Статутомъ порадовившисе права майдабурского, где пише о спаткохъ в поратку в листе второмъ, где бы жона позостала по мужу, а дети ей зошли без плоду, а матка их переживеть, тогда ништо ины не беретъ по ихъ спатку в деичномъ именью, одно матка <...> с тыхъ причинъ урядъ, видечи быт ее блишшую того дому и пляцу <...> зоставуючи в целости право ее и постановенъе, што з нимъ мела. Тот домъ и пляцъ <...> иж вжо ей волно будетъ учтывой Котуши от сего часу и дня водле доброй воли ее тымъ домоу и пляцомъ шафовати и вечъне кому хотя оддати, продати, даровати и ку налепшому повитку и своему обернути такъ, яко сама налепей похочеть...» [4, с. 77–78]. Это было обусловлено тем, что в случае смерти ребенка она, как мать, наследовала за своим ребенком.

В XVI–XVIII вв. горожанки нередко становились наследницами своих мужей. В этом случае они приобретали ряд прав и обязанностей, в соответствии с которыми они:

1. **Взыскивали долги** с должников своего супруга: «Мещанка Могилевска(я) Адаря Гритковая Ивановича <...> жаловала на учтывого Пантелея Даниловича <...> иж онъ водлугъ листу и запису своего, которы дей дал был небощичу мужу моему Гритку Ивановичу на две копе гр(о)ши, которых позычил у небощика, якож небощикъ, зсходечи сего света, вжо на остаточной воли своей отписаль тестаментом своимъ на томъ кликуне копу гр(о)ши, а другую ему отпустил, якожъ и листъ поклала перед урядомъ тог(о) кликуна на две копы даны позычонымъ обычаемъ у небощика мужа ее...» [4, с. 66–67];

2. **Выплачивали долги своего покойного мужа:** «Явгиня, мещанка Могилевска(я) <...> сознала <...> иж маючи пилну потребу выплачивати долги небощика мужа своего Овтуха, продаламъ комору на риньку в месте Могилевскомъ <...> которая мне дей досталасе по небощичу мужу моемъ...» [4, с. 35];

3. **Получали долю в военной добыче своего усопшего супруга, если он погиб во время военного похода:** «Маланя, жона позосталая небожчыка Санка, а Вася, позосталая теж жона Андрея, жаловали через приятелей и опекунов своих <...> на учтывого Парфена о томъ, иж онъ, Парфен, будучы в одномъ товаришестве за границую Московскою под Рославлемъ, нижли тамъ мужов н(а)шых побило, а добычи части, что на нихъ прийдет, оддати намъ не хочет и у себе ее ховаеть...» [4, с. 382];

4. **Распоряжались полученным имуществом по своему усмотрению:** «Евдокия Прекотиха <...> сознанье свое до Актов места могилевского учинила, что продала пляц с домоу <...> себе по малжонку своим спадковым правом принадлежащий...» [11, л. 129].

В рассматриваемое время вдовы-горожанки обладали большей свободой действий, чем другие женщины. Они участвовали в сделках, касающихся недвижимости, а также различных видах коммерческой деятельности.

1. **Выступали в качестве кредиторов:** «Авдотя Гордеевна позосталая жена небожчыка Ероша <...> жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого <...> на учтывого Федка Санковича, мещанина Могилевског(о), о томъ ижъ он остал винен на цырокграѡъ свой коп три гр(о)шей под певными варунками и обликгацьями, в томъ цырокграѡе его описанными, которые мел отдат в року семьдесят осмом на страстной недели, нижли рокъ давно минул, а мне тых грошей отдати не хочет...» [4, с. 395–396]. В качестве кредиторов в рассматриваемое время выступали не только вдовы, но и замужние горожанки [3].

2. **Выступали в качестве поручителей:** «...Марина Жидкая жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого <...> на Богдана Кузминича о том, иж коли он наймывалъ дому у Каменицког(о) и с товаришомъ своим з Войтехомъ Гировичомъ Головчынцомъ на мешканье свое, то пакъ я по них Каменицкому ручыла...» [4, с. 369].

3. **Выступали в качестве арендаторов:** «Анна Олтухова, мещанка Могилевска(я), жаловала и оповедала на учтывого Семена Паишковича, мещанина Могилевског(о), иж дей он по смерти небожчыка мужа моего Олтуха позучыл у мене на подержанье до часу в рынку тут в месте Могилевскомъ в реду коморы...» [4, с. 33].

4. **Содержали питейные заведения:** «...Марина жаловала через приятеля и опекуна своего <...> на учтывого Карпа Озаровича, подскарбега, о томъ, иж онъ у мене попил меду за петдесят без трех гр(о)шей, которых отдати не хочет...» [4, с. 340]. Питейные заведения содержали не только вдовствующие горожанки, но и замужние женщины [3].

5. **Участвовали в сделках по купле–продаже:** «Катарина Гапонова Обаневича, мещанка Могилевска(я), сама по своей доброй воли <...> чынила сознанье тыми словы, иж што се досталъ был по небожчыку мужу моемъ Гапоне Обаневичу моркгъ сеножатный <...> тотъ моркгъ <...> пустила и продала учтывому Радку, Опанасу а Исааку Тяхтовичом...» [4, с. 462]; «Кузма Шилковец, мещанин Могилевский, самъ по своей доброй воли, ани з яког(о) принушена албо намов, яснее в голос тыми словы вызнал и так перед нами поведил, иж продал есми обел вечне опартной Ганни Михайловне Семеновой Волковой, мещанце Могилевской, пляц и городу трутов семь...» [4, с. 363]. Замужние горожанки имели право принимать участие в сделках только по купле движимого имущества [3], в то время как вдовы продавали и недвижимость. Иная ситуация обстояла со сделками по продаже недвижимого имущества. Здесь обе категории женщин довольно активно принимали участие в таких рода сделок. В то же время анализ актовых книг Могилевского магистрата показал, что вдовствующие горожанки чаще заключали сделки по продаже недвижимых объектов, чем замужние женщины. Так, если за рассматриваемый период только 18 замужних могилевчанок участвовали в данного рода сделках, то число вдов составило 42 [1, Приложения Г1–Г2 л. 61–68].

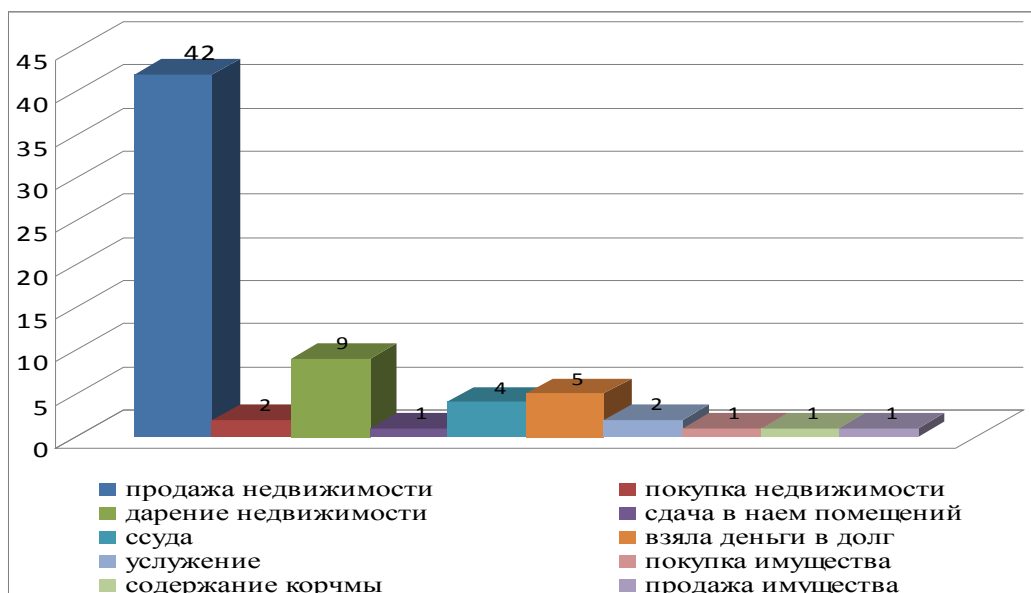
6. **Выступали в качестве дарителя:** «Ирина Борисовна Полуянова Соленкова вдова <...> созданье свое добровольное до акт места могилевского теми словами учинила, что имеет пляц с огородом <...> который с милости своей материанской сыну своему пану Леону Полуяновичу <...> дала даровала...» [15, л. 755]. Анализ актовых книг Могилевского магистрата показал, что данного вида «договора» заключались исключительно вдовствующими горожанками, замужние женщины подобные документы не оформляли [3].

7. **Нанимались в услужение:** «Федор Ивановичъ Оршаница, пришедъиши до насъ, уряду, скаржил на Любу Юзефовую, жидовку и на сестру его, Д(у)ню Ивановну, которая у нее летъ десять служила...» [10, с. 372]. Актовые книги Могилевского магистрата позволили установить, что в XVI–XVIII вв. в услужение нанимались либо вдовствующие горожанки, либо девушки, не состоящие в браке [1, Приложения Г1–Г2 л. 61–68].

Анализ актовых книг Могилевского магистрата показал, что наиболее распространенным видом экономической деятельности вдовствующих горожанок были сдел-

ки по купле–продаже недвижимого имущества: на их долю приходится 61,8% от общего количества различного рода сделок. Довольно значительным было количество договоров, касающихся дарения имущества, на их долю приходится 13,2% от общего числа сделок, заключенных вдовами-горожанками [1, Приложения Г1–Г2 л. 61–68].

Диаграмма 4 – Виды коммерческих сделок, совершенных вдовами-горожанками в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата).

Подобное положение наблюдалось в XVI–XVIII вв. на всей территории Речи Посполитой, в том числе и на землях Королевства Польского [18, с. 49].

Исследование актовых книг содержит весьма скудные сведения о положении вдовца. Это обусловлено тем, что данный социальный статус никоим образом не изменял положение мужчины в обществе. Супруг не имел права претендовать на приданое своей усопшей супруги, которое возвращалось в ее семью: «Учтивы Андрей Похобович чинил оповедане и светчене на учтивою Андрея Антоновича, штож дей дал есьми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есми сукъню порпуриянову, чорную корову, изголовье и перину, скриню, ино з Божого допусчєня сєго света сошла, а маєтность она при нимъ се остала, которая яко спадок на мене приходитъ, а он оддати не хочеть...» [4, с. 15–16]. Подобная ситуация имела место даже в том случае, если после смерти матери на попечении отца оставались несовершеннолетние дочери: «Иж дочки мое Химы в жывоѣ не стало, тогда зъ зятємъ своимъ Фенкомъ погодилисе, иж он, зят мой, дитя Марьюшу, которое з небожчыцю сплудил и тую до себе узял яко властное дитя, а тое унесєне до кур моих отдал, а вжо от него взявши, с тое унесєня волным чыню; а иж самъ естєм при старости, тогда з рук своих дал сыну своему Антону Пашковичу, которое унесєне маєт быт ховано до взросту лет тог(о) дитяти...» [4, с. 554]. Как видим, приданое усопшей супруги находилось в руках ее брата до совершеннолетия дочери женщины. В то же время любое другое имущество, оставленное супругой, находилось исключительно под «властью» ее мужа: «Протєстовал пан Родион Хомич мєщанин у купец моголевский, своим и дочерей своих ещє лет не дорослых, Анны и Устиньи, по смерти небоицицы малжєнки протєстатора позосталых серот именем. Протєтив пани Федоры Ивановны Бирєвой, сына ее Хафона Ивановича Бирєчива, и дочерей ее Ксєньи Тимофєєвой Поховкиной и Агафьи Авсєєвой <...> о то <...> что они принебрегая правом магдебурским <...> каким-то образом став над протєстатором и его дочерьми опеку-

нами <...> своевольно в доме протестанта всякую убогую его собственность побрали <...> и по сей час отдать не хотят...» [14, л. 512–512 об.].

В XVI–XVIII вв. период вдовства редко длился достаточно продолжительное время. Многие вдовы и вдовцы вступали в новый брачный союз: *«Ивашько Васковичъ Дробышевичъ, мещанинъ Могилевски, жаловал на невестьку свою Котушу о томъ, штож дей она по смерти брата моего Юшка, которы умеръ на дорозе <...> будучи вжо хори, волю свою остаточную на тестаменте описал, што се вжо водлугъ опису на ономъ тестаменте все выполнилося, нижли што были дети небожиковские недо-рослые осталы, тогда я для тых детей учинилемъ былъ постановенъе з невестькою, же ей волно было мешкать при детяхъ в ономъ дому брата моего до летъ зуполных детинныхъ; нижли теперь дети небожика брата моего померли, а она за иншого мужа пошла и тотъ домъ у своемъ держанью и теперь мает, которого мне, яко близкосту по брате моемъ, поступити не хочетъ»* [4, с. 77]. По подсчетам автора, на долю таких семей приходится 10,7% от общего числа супружеских пар, установленных в 1643–1651 гг. [1, Приложение А, л. 4–20].

Заклучение

Изучение актовых книг Могилевского магистрата позволило сделать следующие выводы:

1. В XVI–XVIII вв. в городах Беларуси наблюдается значительное количество людей, семейные узы которых распались в результате смерти одного из супругов.
2. Изменение социального статуса мужчины практически никак не отразилось на его общественном положении. Единственное изменение в его жизни, связанное с приобретением статуса вдовца, было извлечение приданого его усопшей супруги из бюджета «семьи».
3. Женщина-вдова становилась более независимой в своих действиях, хотя по-прежнему над ней сохранялась формальная опека со стороны мужчины.

Вдовство в рассматриваемое время было непродолжительным. Овдовевшие горожане в скором времени вступали в повторный брак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексейчикова, Н.Н. Матримониальность белорусских горожан магдебургской юрисдикции в XVI–XVIII вв. : дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Н. Алексейчикова. – Могилев, 2009. – 305 л.
2. Алексейчикова, Н.Н. Под «опекой» мужчин, или положение горожанки в XVI – XVII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата) / Н.Н. Алексейчикова // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : сб. навук. прац. / Уклад. І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў : Могилев. обл. укруп. тип., 2007. – 368 с. – С. 21–25.
3. Алексейчикова, Н.Н. Экономическая активность горожанок в XVI–XVIII вв. (на примере Могилева) / Н.Н. Алексейчикова // «III Машеровские чтения» : матер. республиканск. науч.-практ. конф. Витебск, 24–25 марта 2009 г.; / УО «ВГУ им. П.М. Машерова»; под. ред. А.Л. Гладкова [и др.]. – Витебск, 2009. – С. 14–16.
4. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
5. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах – Мінск : ТАА «Типографія ПОЛИТМАГ», 2002. – 459 с.
6. Вялікае княства Літоўскае: энцыкл. : У 2-х т. / пад рэд. Г.П. Пашкова [і інш.]. – Мінск : Бел. энцыкл., 2005–2006. – Т. 1: А – К / пад рэд. Г.П. Пашкова [і інш.]. – 2005. – 688 с.

7. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ В.П. Грицкевич. – Минск Наука и техника, 1987. – 271 с.
8. Дзёрбіна, Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. Дзёрбіна. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 175 с.
9. Историко-юридические материалы : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ : Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 6 : Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676–1771 гг. / под ред. Созонова. – 1975. – 409 с.
10. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 9 : Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635–1646 гг. / под ред. Созонова. – 1878. – 546 с.
11. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ : Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30 : Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592–1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло.– 1903. – 360, 164 с.
12. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі : этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
13. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Мінск : Веды, 1998. – 260 с.
14. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 39: Актовая книга могилевского магистрата: 1 января 1702 г. – 30 декабря 1702 г. – 749 л.
15. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 40: Актовая книга могилевского магистрата: 3 января 1703 г. – 31 декабря 1706 г. – 767.
16. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо.– Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.
17. Baronas, D. Choroby i epidemie. / D. Baronas // Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: analizy i obrazy / oprac. V. Ališauskas, [i in.] / przekład P. Bukowiec, B. Kałęba, B. Piasecka. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Naukowych Universitas, 2006. – P. 131 – 143. (159)
18. Bogucka, M. Białogłowa w dawnej Polsce: Kobieta w społeczeństwie polskim XVI–XVIII wieku na tle porównawczym. / M. Bogucka. – Warszawa : Wydaw. «Trio», 1997. – 252 s.
19. Groicki B. Obrona sierot i wdów / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. – 345 s. (180)
20. Morzy, J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII w. / J. Marzy. – Poznań : UAM, 1965. – 405 s.

Alekseychikova N.N. The widowhood in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries (to information's of assembly books of Mogilev's council)

The article consecrate of widowhood in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries. When townsman and townswomen got status of widower (widow), they received a new rights and duties. Family and social positions of widow was very different from position of widower in the XVI–XVIII centuries in Belarusian's towns. The author showed this difference in the article. There is a description of economic activity of widow showed in the article. Author gave description of some of demographic aspects in this article. So author analyzed of information's of assembly books of Mogilev's council and he ascertained how mach widowhood was in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.2009

УДК: 94 (476)

Р.В. Тимофеев

КУЛЬТУРНЫЙ ДОСУГ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ БССР В 1943–1991 ГГ.

Данное исследование показывает организацию культурного досуга работников транспортных предприятий в БССР в 1943–1991 годах. Автором были отмечены основные направления и формы этой работы, трудности и достижения в деятельности ведомственных учреждений культуры. Особое внимание в статье уделено определению общего и особенного в организации культурного досуга по конкретным видам транспорта. В работе использованы данные архивов и периодической печати.

Введение

Одним из неизученных вопросов послевоенной белорусской истории является организация культурного досуга работников транспортных предприятий БССР. Такой вопрос имеет право быть отдельным предметом научного исследования, так как качество проведения досуга напрямую влияло на успешность выполнения работниками транспорта их производственных задач. Однако сегодня работ такого плана пока нет, а из современных изданий, где вопросы организации досуга затрагивались, можно отметить только коллективные труды по истории железной дороги БССР [1; 2]. Но организация досуга не была основным объектом их изучения.

Актуальность изучения организации досуга работников транспорта БССР состоит в том, что оно позволяет проанализировать эффективность тех или иных его форм и методов, определить наиболее распространённые и перспективные способы его организации. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: выделение основных направлений в организации культурного досуга на транспортных предприятиях в БССР в 1943–1991 гг., определение его общих и специфических форм по конкретным видам транспорта, показ успехов и недостатков в обеспечении потребностей работников в досуге. Базовыми источниками для работы являлись данные из фондов Национального архива Республики Беларусь, Государственных архивов Витебской и Гомельской областей, материалы периодической печати и монографическая литература.

В деле организации досуга работников транспорта БССР в изучаемый период важное место отводилось учреждениям культуры. После освобождения первых районов республики было проявлено значительное внимание к организации свободного времени железнодорожников, о чём свидетельствовала деятельность красных уголков в декабре 1943 г. в Гомеле. В начале 1944 г. там открылся клуб железнодорожников, восстановление которого находилось под контролем отдела транспорта и связи ЦК КП(б)Б [3, л. 6]. Однако он долгое время работал лишь в уцелевших помещениях. За 1944–1947 гг., чтобы ускорить работы по его полному восстановлению, Белорусской железной дорогой было издано 10 приказов.

Несмотря на трудности восстановления, в январе 1946 г. к Белорусской железной дороге относилось уже 8 клубов, 1 вагон-клуб, 90 красных уголков с 49 кружками самодеятельности, 10 профсоюзных библиотек. За 1945 г. кружками было дано 249 выступлений, где побывали 77809 человек, вагон-клуб обслужил 20 тыс. человек на 68 станциях [4, лл. 17, 17 об]. Острой проблемой в деле организации досуга являлась слабая материальная база. Летом 1945 г. железнодорожники станции Лида вечера самодеятельности и танцев были вынуждены проводить в летнем саду. На узле Волковыск для демонстрации кино использовали барак.

Специфика организации досуга железнодорожников состояла в использовании вагонов-клубов. Так, для обслуживания дальних станций и разъездов на Брест-Литовской дороге в октябре 1945 г. был организован вагон-клуб в Барановичах с кинопередвижкой, библиотекой и читальным залом [5, с. 1]. Клуб в Барановичах в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР только за 2 квартал 1945 г. бесплатно продемонстрировал 12 кинофильмов [4, л. 9]. В то же самое время цифры могли быть значительными, как, например, в 1946 г. в общежитии Гомельской жилищно-ремонтной конторы [6, с. 2]. Не был досуг организован в общежитии железнодорожников депо Жлобин в 1947 г. Таких примеров, к сожалению, было очень много. Формы организации досуга могли быть разнообразными. Дом культуры железнодорожников Орши сразу после войны возродил народный театр. В 1946 г. был известен драматический коллектив Могилёвского клуба, в 1948 г. начал работу драмкружок при клубе в Житковичах.

На Белорусской дороге в 1947 г. работали 12 клубов и 3 вагона-клуба. За 1-е полугодие 1947 г. было дано 157 концертов и спектаклей, показано 3 тыс. кинофильмов, проведено 404 тематических вечера. Этими мероприятиями было охвачено около полумиллиона человек. В клубах работало 68 кружков самодеятельности, которыми было дано 376 спектаклей [1, с. 111]. Но всё зависело от конкретных исполнителей. Где-то были успехи, а где-то нет. Так, в 1946 г. вагон-клуб Гомельского отделения Белорусской дороги ограничил свою деятельность показом кинофильмов и останавливался лишь на крупных станциях, за что заслужил справедливые упреки [7, с. 2]. Положение дел с досугом в ряде мест было неудовлетворительным из-за текучести клубных кадров. Нехватку художественных руководителей, которые не хотели идти работать на низкую зарплату и отсутствие жилья, отметили в 1945 г. руководители Брест-Литовской дороги. Их мнение поддержал третий пленум профсоюза Белорусской дороги в марте 1948 г.

Со временем ситуация изменилась в лучшую сторону. Профсоюз Витебского отделения Западной дороги в 1949 г. организовал самодеятельность при 25 красных уголках, проводил чтение лекций и киносеансы [8, л. 149]. Сеть просветительных учреждений на железных дорогах БССР возросла к 1950 г. до 487 красных уголков. Если в 1948 г. на дорогах было 189 кружков самодеятельности с 3,6 тыс. участников, то в 1950 г. уже 220 кружков, объединявших 4,45 тыс. человек [1, с. 114]. Организации досуга транспортников помогало наличие с декабря 1946 г. фонда директора предприятия.

Проводилась, но была недостаточной культурно-массовая работа среди речников. Первоначально главной проблемой было разрушение объектов культуры, например, клуба в Гомеле. В сентябре 1944 г. Днепро-Двинскому военновосстановительному управлению (ДДВВУ) в Гомеле в качестве клуба приходилось использовать столовую [9, л. 289]. Затем на первое место вышла слабость кадровой работы, что отметила Днепро-Двинская профсоюзная конференция речников в 1949 г. Успехи и трудности отмечались у речников одновременно. Одной из первых была организована в марте 1944 г. самодеятельность при ДДВВУ, к навигации в Гомеле был подготовлен агиткатер [10, л. 102, 107]. ДДВВУ в ноябре 1944 г. использовало собственный духовой оркестр для проведения общегородских культурных мероприятий в Гомеле. Для обслуживания Витебского отделения Днепро-Двинского пароходства в марте 1947 г. была организована плавучая культбаза. Но в ряде мест на судах и к концу 1940-х гг. отсутствовали даже библиотечки, что затрудняло организацию отдыха.

Значительное время уделялось досугу и у авиаторов. С осени 1944 г. в рамках Белорусского управления Гражданского Воздушного Флота (БУГВФ) в Минске проводились коллективные просмотры кинофильмов и культпоходы [11, л. 3]. При помощи профсоюзных работников в Минске с 1946 г. работали библиотеки-передвижки и само-

деятельность в красном уголке Минского гарнизона. К сентябрю 1947 г. в подразделениях БУГВФ было уже 11 красных уголков [12, л. 1, 2, 70].

Активно работали учреждения культуры железнодорожников и в 1950-е гг., усилению деятельности которых помогло преобразование в 1955 г. фонда директора предприятия в фонд предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства. В 1952 г. на Белорусской дороге работало 147 кружков самодеятельности с 2,7 тыс. участников, было 11 клубов, 3 вагона-клуба, 186 красных уголков, 22 библиотеки [13, с. 2]. В этот период постоянно шёл количественный рост объектов культуры. В 1956 г. на Белорусской дороге стало 460 красных уголков, многие из них были организованы за счёт средств предприятий. В 1956 г. участники самодеятельности дали 822 концерта, где присутствовало 220 тыс. человек [14, с. 33]. В 1959 г. в 286 кружках принимали участие 6 тыс. человек. При 24 клубах работали коллективы самодеятельности [15, с. 4]. Культурно-массовую работу контролировали партийные органы. Так, парторганизация Витебского отделения Калининской дороги в августе 1957 г. обязало местком чаще организовывать мероприятия в области культуры, чтобы искоренить случаи антиобщественного поведения среди работников. В общезиятиях Белорусской дороги в 1958 г. основными направлениями организации отдыха были следующие: работа библиотек, выдача игр, встречи с ветеранами.

В 1950-е гг. усилилось внимание и к организации досуга в системе министерства автомобильного транспорта БССР. Так, в 1952 г. из его 22 автотранспортных контор (АТК) в 14 работали красные уголки, а в 3 были клубы с библиотеками [16, л. 284]. Развитие досуга работников автотранспорта отразило постановление V Пленума Витебского обкома отраслевого профсоюза от 18 сентября 1959 г. В нём было отмечено проведение экскурсий и массовых выездов за город. В рамках постановления бюро ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 20 марта 1959 г. «О состоянии и мерах по улучшению работы автомобильного пассажирского транспорта республики» в Витебской АТК-1 за 1959 г. было проведено 6 культпоходов в кино и театр, создана самодеятельность [17, л. 12]. Обладали своими клубами и трамвайно-троллейбусные управления, например, в Минске.

На улучшение досуга речников повлиял Всесоюзный смотр-конкурс работы красных уголков и культбаз в 1950 г. Многие здесь зависело от позиции профсоюзов, но VIII профсоюзная конференция Днепро-Двинского бассейна в 1951 г. отметила значительные недостатки в организации самодеятельности [18, с. 3]. Всё это препятствовало реализации одной из основных форм отдыха речников. В целях его улучшения, например, работники Бобруйского порта в 1952 г. провели комплектацию пароходов библиотечками и радиоприёмниками. Это было важным делом, так как правильная организация досуга плавсостава во время навигации была одним из средств по предотвращению нарушений трудовой дисциплины.

Значимые культурные мероприятия по празднованию годовщины Октябрьской революции были проведены месткомом Главного управления речного флота БССР в 1957 г. [19, л. 3]. С тем чтобы организовать отдых в свободное от работы время, красный уголок Гомельской базы речников в феврале 1959 г. предлагал занятия музыкой. Однако Президиум Белорусского республиканского комитета рабочих морского и речного флота в 1959 г. отметил недостатки в организации самодеятельности, в Мозыре и в Бобруйске [20, л. 24]. Особенность досуга речников была в том, что во время навигации они имели возможность прослушать лекции и посмотреть кинофильмы с помощью агиттеплохода «Максим Горький». Специфичной формой организации отдыха авиаторов было участие в авиамассовках, где можно было познакомиться с новинками техники.

Организации культурного досуга в 1960-е гг. помогало постановление СМ СССР от 6 октября 1967 г. «Об образовании централизованного фонда для поощрения работников культурно-просветительных учреждений и участников художественной самодеятельности». Сфера досуга работников транспорта с каждым годом расширялась. Так, в 1966 г. в доме культуры железнодорожников Витебска был открыт первый на Белорусской дороге музей. В 1969 г. функционировало уже 8 музеев, десятки уголков боевой и трудовой славы, 20 дворцов, клубов и домов культуры, 538 красных уголков, 7 вагонно-клубов [21, с. 32]. Наиболее активно работал дворец культуры железнодорожников в Гомеле. В 1967 г. он проводил тематические вечера для молодёжи и встречи с ветеранами [22, л. 101]. Организация досуга чаще всего зависела от активности профсоюзных лидеров. Так, в общежитии железнодорожников г. Барановичи в 1963 г. с их помощью проживавшим была предоставлена возможность смотреть телевизор, слушать радио и читать. В то же самое время в общежитии погрузо-разгрузочной конторы Минского отделения в 1964 г. какие-либо лекции и беседы не проводились.

В 1960-е гг. достаточно много сделали для проведения своего досуга автотранспортники республики. В 1961 г. при автобусно-таксомоторном парке Витебска была организована самодеятельность, которая давала концерты как для собственного коллектива, так и для подшефного колхоза [23, л. 224]. В постановлении Белорусского Республиканского комитета профсоюза работников связи, рабочих автотранспорта и шоссейных дорог от 28 августа 1962 г. «О работе местного комитета профсоюза Витебского автобусного парка» отмечалось, что местком проводил экскурсии и вечера отдыха [24, л. 257]. В целях укрепления дисциплины VIII пленум ВЦСПС в 1965 г. дал задание профсоюзным организациям всех предприятий улучшать деятельность клубов, красных уголков и библиотек. Зримыми успехами в организации досуга в 1967 г. выделилась автобаза № 6 г. Новополоцка. В распоряжении её работников был клуб на 300 мест и библиотека. Но такое положение было не везде, и поэтому президиум отраслевого профсоюза в 1967 г. также предложил уделять массовой работе больше внимания.

Происходил постоянный рост очагов культуры. В декабре 1968 г. на автотранспортных предприятиях республики насчитывалось уже 253 клуба и красных уголка. Отличился клуб оршанской автоколонны № 2404, активизации работы которого содействовал перевод предприятий на пятидневную рабочую неделю [25, с. 3]. Тем не менее сами автотранспортники говорили о недостаточно высокой отдаче от культурной работы.

Для организации культурного досуга речников в 1960-е гг. продолжали больше всего использовать красные уголки. Значимую роль играли и комиссии профсоюзов по культурно-массовой работе. Так, в 1960 г. такая комиссия в Брестском порту следила за работой библиотеки, организовывала культпоходы в кино и театры. Продолжились рейсы агиттеплохода «Владимир Маяковский». За 1961 г. было обслужено 600 коллективов речников Сожа, Припяти, Днепра и Березины, прочитано 200 лекций и показано 267 фильмов [26, с. 2]. В то же время рейсы агиттеплохода выявили и недостатки в организации ежедневного досуга. Авиаторы БССР для организации отдыха часто использовали общегородские объекты. Так, в январе 1965 г. во дворце культуры профсоюзов Минска был проведён их тематический вечер.

С каждым десятилетием возможности для досуга транспортников возрастали. Белорусская железная дорога в 1970 г. имела 20 клубов, дворцов и домов культуры. Железнодорожников, проживавших на линейных станциях, обслуживало 7 вагонно-клубов. Работало 500 кружков самодеятельности, объединявших 11 тыс. человек [1, с. 132, 133]. Только на Барановичском отделении в 1970 г. было 42 коллектива самодеятельности, которые за год дали 198 концертов и спектаклей [27, л. 84]. В 1974 г. у железнодорожников БССР был 271 коллектив самодеятельности, 600 красных уголков, 73 профсоюзные библиотеки [28, с. 2]. В 1978 г. вместо клуба был открыт дворец культуры и спорта Минского отделения Белорус-

ской дороги, располагавший театральным залом на 837 мест, кинозалом на 303 места, бассейном, спортзалом, библиотекой.

Расширялась сфера досуга и автотранспортников. В мае 1971 г. в Гродно состоялся областной смотр коллективов самодеятельности. Характерной особенностью смотра была массовость и возросшая культура самодеятельного искусства. Проведение мероприятий по организации досуга по-прежнему контролировали партийные организации. Так, партком Витоблавлотреста в протоколе от 11 ноября 1976 г. постановил чаще проводить вечера отдыха, посещать музеи и кинотеатры [29, л. 39]. Во 2-й половине 1970-х гг. возросло и внимание органов власти республики к организации досуга автотранспортников в рамках общесоюзной кампании по улучшению работы городского пассажирского транспорта [30, л. 282]. Старались не отставать электротранспортники. Так, в 1970 г. в общежитии Витебского трамвайного парка организовывались культпоходы в кино, проводились экскурсии в музеи, но любительские кружки не работали, что местком обязали исправить [31, л. 29].

Развивалась культурная работа и у речников. Так, в марте 1970 г. в клубе Гомельского речного порта была открыта выставка произведений художников. Продолжил свои рейсы агиттеплоход «Владимир Маяковский» Верхне-Днепровского речного пароходства, который обслуживал находившиеся в пути караваны барж и речные порты.

Работники Гродненского авиапредприятия в 1970 г. совершали экскурсионные поездки, проводили туристические походы по местам боев. В коллективе предприятия было хорошей традицией посещать художественные выставки [32, с. 14]. В свою очередь авиаторы Минска в 1971 г. практиковали вечера поэзии в клубе своего аэропорта.

Расширялась деятельность просветительских учреждений транспортников и в 1980-е гг. Во Дворце культуры и спорта железнодорожников Минского отделения работало 5 клубов по интересам, 19 коллективов самодеятельности. С 1982 г. дворец работал в рамках социально-культурного комплекса дороги. В начале 1990-х гг. на Белорусской железной дороге было 3 дворца, 2 дома культуры, 9 клубов, 1 вагон-клуб, кинотеатр в Гомеле, действовало 103 художественных коллектива, в которых занимались 2,4 тыс. человек [2, с. 89]. У автотранспортников действовали агитбригады, драмкружки, ВИА, танцевальные коллективы, почти на всех предприятиях был хор. На начало 1990-х гг. действовало 121 клубное формирование, участниками самодеятельности считали себя 2593 человека [33, с. 4]. Много мероприятий проводили речники. В феврале 1982 г. в Витебске был организован вечер встречи с речниками Гродно и Даугавпилса. В 1980-е гг. возобновил свои рейсы теплоход «Владимир Маяковский», с помощью которого проводились концерты и демонстрировалось кино.

Тем не менее в конце 1980-х гг. у транспортников БССР проявилась общая для всех проблема, когда часть их коллективов, стремясь повысить вложения на производственные нужды, отодвинули заботу о досуге людей на второй план, что пришлось исправлять уже в рамках современной Беларуси.

Заключение

Характерной чертой послевоенного времени было желание транспортных предприятий республики организовать культурный досуг своих работников минимальными средствами, так как большинство расходов шло на производственные нужды. Работа ведомственных учреждений культуры тесно переплеталась с идеологической работой, так как, с точки зрения государства, необходимо было направить усилия транспортников на рост производительности труда и улучшение качества работы. Культурные мероприятия несли важную социальную нагрузку, с их помощью органы управления старались закрепить за предприятиями необходимые им кадры.

Общей тенденцией в организации культурного досуга транспортников республики во 2-й половине 1940-х гг. было восстановление и приспособление к работе имевшихся помещений, в 1950–60-е гг. – значительное улучшение материальной базы ведомственных учреждений культуры, в 1970–80-е гг. их техническое переоснащение и строительство новых многопрофильных объектов, в конце 1980-х гг. – уменьшение расходов на культуру из-за экономических трудностей.

Клубы железнодорожников во 2-й половине 1940-х – 1950-е гг. наиболее активно работали в периоды Первомайских и Октябрьских праздников, когда готовились новые концертные программы самодеятельности и выступали драматические кружки. Тем не менее значительным недостатком в организации досуга железнодорожников был низкий технический уровень оборудования красных уголков и нечёткость в их конкретной работе. В 1950 гг. редко практиковались выезды самодеятельности на линейные станции. Особенность дней отдыха железнодорожников в 1950–60-е гг. была в том, что они могли проводиться отдельно для разных подразделений в целях обеспечения максимального охвата. В 1970–80-е гг. железнодорожниками было проведено значительное расширение форм культурной работы, что выразилось в появлении новых видов кружков и творческих объединений.

Основными формами культурного досуга автотранспортников в 1950–80-е гг. было участие в художественной самодеятельности и работе красных уголков при предприятиях, культпоходы в кино и театр. Организация досуга автотранспортников во многих случаях переплеталась с агитационной работой, о чём свидетельствовало их участие в 1960–70-е гг. во Всесоюзном походе комсомольцев и молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы. В 1960-80-е гг. при активном участии профсоюзов большое распространение получили дни массового отдыха.

Значимую роль в организации досуга речников в конце 1940–1950-е гг. играли плавучие культбазы, которые занимались снабжением речников библиотечками и культинвентарём. Среди недостатков в 1950–60-е гг. отмечалось однообразие вечеров отдыха. О важности организации досуга экипажей речников свидетельствовал тот факт, что там, где он проводился плохо, в 1950–80-е гг. было больше фактов антиобщественных явлений, то есть работникам просто не было чем занять себя в свободное время.

В 1950–80-е гг. авиаторы республики для организации досуга использовали как собственные, так и общегородские объекты культуры, участвовали во всесоюзных смотрах и конкурсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии. К столетию со дня введения в строй / А.В. Кость [и др.]; под общ. ред. Е.П. Юшкевича. – Минск : Беларусь, 1971. – 208 с.
2. Этапы большого пути. 125 лет Белорусской железной дороге ; под общ. ред. Е.И. Володько – Минск : ДЦНТИ, 1996. – 146 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 П. – Оп. 18. – Д. 34.
4. НАРБ. – Фонд 4 П. – Оп. 18. – Д. 63.
5. Вагон-клуб на Брест-Литовской дороге // Советская Белоруссия. – 1945. – 6 окт.
6. Руденков, А. Культурный досуг не организован / А. Руденков, П. Языков // Железнодорожник Белоруссии. – 1946. – 27 октября.
7. На линейных станциях Гомельского отделения запущена политико-воспитательная работа // Железнодорожник Белоруссии. – 1946. – 17 ноября.
8. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 444.
9. НАРБ. – Фонд 4 П. – Оп. 18. – Д. 40.

10. НАРБ. – Фонд 4 П. – Оп. 18. – Д. 39.
11. НАРБ. – Фонд 1005. – Оп. 3. – Д. 2.
12. НАРБ. – Фонд 1077. – Оп. 1. – Д. 4.
13. Дорожное совещание заведующих красными уголками и клубами // Железнодорожник Белоруссии. – 1952. – 11 января. – 2 С.
14. Кацяш, Г. Стальныя магістралі рэспублікі. / Г. Кацяш – Минск : Дзярж. выд-ва БССР, 1957. – 50 с.
15. Самодеятельное искусство железнодорожников // Советская Белоруссия. – 1959. – 31 июля.
16. НАРБ. – Фонд 4 П. – Оп. 18. – Д. 187.
17. ГАВО. – Фонд 2923. – Оп. 1. – Д. 90.
18. За что критиковали баскомреч // Речник Белоруссии. – 1951. – 1 февраля.
19. НАРБ. – Фонд 1006. – Оп. 4. – Д. 1.
20. НАРБ. – Фонд 1006. – Оп. 4. – Д. 3.
21. Белорусская магистраль накануне своего столетия. 1871–1971. – Минск : Знание, 1970. – 35 с.
22. НАРБ. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 862.
23. ГАВО. – Фонд 2923. – Оп. 1. – Д. 273.
24. ГАВО. – Фонд 2923. – Оп. 1. – Д. 349.
25. Повышать роль первичных профорганизаций // Автотранспорт Белоруссии. – 1968. – 26 дек.
26. Мельнікаў, Г. Дзесяць рэйсаў «Ул. Маякоўскага» / Г. Мельнікаў // Рачнік Беларусі. – 1962. – 3 студзеня.
27. НАРБ. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 864.
28. Сыркин, Р. Добрыя традыцыі / Р. Сыркин // Советская Белоруссия. – 1974. – 1 июня.
29. ГАВО. – Фонд 6791. – Оп. 1. – Д. 33.
30. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1174. – Оп. 8. – Д. 694.
31. ГАВО. – Фонд 384. – Оп. 1. – Д. 59.
32. Решетников, В. Человек крупным планом / В. Решетников // Гражданская авиация. – 1979. – № 1. – С. 14–15.
33. Адаменко, В. Не до песен / В. Адаменко // Транспорт Беларуси. – 1992. – 6 июня.

Timofeev R.V. Cultural leisure of the workers of the transport enterprises of Byelorussia in 1943–1991.

The given research shows the organization of cultural leisure of the workers of transport enterprises in Byelorussia in 1943–1991 years. The author marked the basic directions and forms of this work, difficulty and achievement in the activity of departmental establishments of culture. The special attention in the is given to definition of general and especial in the organization of cultural leisure on definite types of transport. In the article the data of archives and periodic seal are used.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.03.2010

УДК 27-9(476)

Е.В. Морозько

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ (II пол. XIX в.)

Целью исследования является анализ благотворительной деятельности Минской православной епархии во второй половине XIX в. Во введении сформулирована роль Минской консистории в проведении благотворительных мероприятий. Основная часть статьи посвящена описанию организации сбора пожертвований, который производился духовным ведомством. В статье сосредоточено внимание на таких показателях благотворительной сферы, как организация сборов внутри епархии, а также помощь в других регионах, создание кружечных и кошелековых сборов, пожертвования прихожан. Классификация сборов позволила выявить их назначение и пользу в епархии. В заключении сформулированы приоритетные направления социальной работы Минской епархии и пути их осуществления во второй половине XIX в.

Введение

Во второй половине XIX в. благотворительность во многом обуславливалась социальными и политическими факторами. С одной стороны, призрение бедных, немощных, убогих находилось в ведении государства. С другой – существование определенного «неблагополучного» социального слоя обращало на себя внимание общества, вызывало сострадание и побуждало к действиям, призванным снизить остроту неблагополучия.

Социальное служение всегда было неотъемлемой составляющей жизни Церкви. Её задачей являлось оказание помощи людям, нуждающимся в защите, поддержке, опеке и попечительстве: сиротам, пенсионерам, инвалидам и другим лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию и искавшим опору в жизни. Для осуществления этой задачи под эгидой Минской православной епархии были созданы богоугодные заведения, открыты кружечные и кошелековые сборы, налажено сотрудничество с другими регионами.

Минское духовное ведомство выполняло государственные распоряжения, поддерживая благотворительные фонды организаций и частных лиц. Помимо того, епархия самостоятельно осуществляла и координировала работу учреждений социальной помощи. Оказываемая помощь не сводилась исключительно к помощи материальной, организовывалась духовно-пастырская забота о нуждавшихся прихожанах. Священнослужители епархии духовно поддерживали малообеспеченные слои населения: посещали на дому, раздавали просветительскую литературу, привлекали к церковной жизни людей, оказавшихся выброшенными из жизни (бывших заключённых, инвалидов и др.). Благотворительная помощь в рассматриваемый период проявлялась как в коллективной, так и в индивидуальной форме (меценатство).

Благотворительность на территории Минской православной епархии

Несмотря на неразрешённые вопросы в отношениях между духовным ведомством и государством, активная благотворительная деятельность велась внутри епархии: оказывалась помощь православному духовенству, вдовам и сиротам духовного звания, собственно Церкви. Особенно важными для материального поддержания Церкви были

Научный руководитель – А.А. Горбацкий, доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры и религии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

подавання прихожан [31, л. 1]. В 1862 г. игуменский благочинный протоиерей И. Доминиковский даже обратился к архиепископу Минскому и Бобруйскому Михаилу с просьбой выдать особые книги для записи ассигнований прихожан с целью их подробного фиксирования и использования на нужды Церкви [16, л. 1 – 1об]. Для 60-х–70-х гг. XIX в. характерно увеличение инвестиций от физических лиц, но уже с 1880 г. заметно их сокращение, связанное с неурожаями 1876–1880 гг. и повышением цен в Минской губернии [28, л. 9об–10].

С согласия Минского епископа в 1863 г. образовался особый комитет по раздаче пожертвований в пользу лиц, пострадавших в Минской губернии в ходе восстания 1863–1864 гг. [6, л. 6–6об; 34, л. 17–17об]. Его целью являлась подготовка сведений о лицах и семьях, которые потерпели во время восстания. Для наиболее эффективной деятельности комитет обратился за помощью к духовенству епархии. Добытая священнослужителями информация поступала в комитет и использовалась по назначению.

Одним из показателей благотворительности внутри епархии были кошелевые и кружечные сборы (кружки и кошельки). Кружечными доходами причта следует считать всё, что вносилось для хранения в братскую кружку, записывалось в братскую тетрадь и разделялось помесячно или по третям года между членами причта в причитающихся им долях: добровольные приношения за исправление церковных и приходских треб, церковное довольствие от прихожан вместо церковной земли, процент с капиталов в пользу причта в кредитные учреждения, арендная плата за отдачу в наём церковной собственности.

Эти доходы считались собственно кружечными в отличие от вознаграждения священника или одного из членов причта за исполнение принадлежавших их званию обязанностей [18, л. 32]. Во время богослужений в первую очередь проносили кружку и кошелек на потребности храма, а также в пользу бедных духовного ведомства. Остальные подаяния собирались в порядке очереди [1, л. 462].

Внутри епархии сборы были большими, чем на другие регионы. К примеру, наибольшую часть кружечных взносов составляли пожертвования на содержание храмов. В 1863 г. в Телеханском благочинии кошелекового дохода в пользу церкви собрали 290 руб. 90 $\frac{1}{2}$ коп. Остальные вклады составили меньшие суммы: в пользу вдов и сирот духовного звания 2 руб. 1 коп., на восстановление православия на Кавказе 1 руб. 34 коп., для улучшения быта православных паломников в Палестине 6 руб. 83 $\frac{1}{2}$ коп. [2, л. 93]. Такая ситуация наблюдалась и в Бобруйском благочинии: жертва в пользу церкви – 820 руб. 54 коп., остальных сумм – 2 руб. 12 коп. [2, л. 2].

При всех церквях, кроме монастырей, учреждались кружки для сбора пожертвований в пользу бедного духовенства епархии. В 1876 г. они получили статус регулярных и производились постоянно на богослужениях наравне с кружкой на церковные потребности [1, л. 454; 32, л. 13–14].

Отдельно священнослужители организовывали взносы на содержание в больнице лиц духовного звания, выделяя 1% из церковной суммы [32, л. 13]. По указу императора от 15 октября 1864 г. в Минской губернии была открыта подписка в пользу инвалидов [4, л. 5]. Из пожертвованных денег образовался особый капитал, из которого комитет о раненых отчислял единовременные пособия инвалидам. С 1876 г. духовенство материально поддерживало общество попечения о раненых и больных воинах [1, л. 461; 7, л. 6].

Благотворительная деятельность епархии проявлялась также в открытии богоугодных заведений. Церковные учреждения этого профиля создавали условия достойного проживания одиноких престарелых людей в течение многих лет, обеспечивали их духовное спокойствие и церковное погребение.

В 1870 г. на территории Минской православной епархии действовали 15, в 1872–1873 гг. – 16 благотворительных обществ [5, л. 58–58об; 28, л. 9–9об]. Большая их часть была сосредоточена в Минском уезде: 3 богадельни – в Новогрудском уезде, две – в Игуменском, по одной – в Речицком, Слуцком, Мозырьском и г. Пинске. Из них две содержались за счёт городских дум (при кладищенской церкви в Минске и при Феодоровском соборе в Пинске). Благотворительное заведение при Лоевской церкви Речицкого уезда существовало при монастыре. Остальные 13 заведений обеспечивали прихожане церковью и частные лица [5, л. 58–58об; 28, л. 9–9об]. В общей сложности на их иждивении было 85 чел. [5, л. 58–58об]. В 1875–1880 г. богоугодные заведения Минской епархии находились на попечении помещиков и прихожан [29, л. 11; 30, л. 8].

Содержание в заведениях такого типа не всегда соответствовало необходимому уровню. В 1860-е гг. в Минске действовало православное благотворительное заведение, где сёстры милосердия ухаживали за больными, занимались воспитанием сирот и др. [14, л. 5–6]. В этом заведении служили сёстры римско-католического исповедания, присутствие которых епархиальное начальство признало нецелесообразным для воспитания малолетних православных сирот. Поэтому их перевели в Минский бенедиктинский монастырь и предоставили право выехать на территории Польши. На их место прибыли 3 сестры Кресто-Воздвиженской общины по уходу за больными: Анна Зморевичская, Мария Гомолицкая и Анна Крикунова (её сменила Мария Лименевская) [14, л. 8–11об].

Однако через полгода Мария Гомолицкая и Анна Зморевичская обратились к епископу с просьбой выделить обещанное жалованье, которое раньше получали римско-католические сёстры (40 руб. в год), а также обеспечить условия содержания в заведении. Задержка денежного содержания, необеспеченность быта сестёр (отсутствие хорошего жилья, питания и служанки) – всё это было у прежних сестёр – обуславливалось тем, что попечителем и экономом благотворительного заведения являлся католик, не желавший создавать условия для работы и жизни православным сестёр [14, л. 8–11об]. Сложные взаимоотношения католиков и православных сказывались и на благотворительной деятельности Церкви.

Отдельно действующей благотворительной организацией являлось Минское Николаевское епархиальное братство, которое осуществляло разностороннюю благотворительную помощь: моральную и денежную (в виде пособий светским и духовным лицам). В конце 60-х–70-е гг. XIX в. братчики выделяли на пособия от 4 до 18% своих доходов (от 73 до 452 руб. ежегодно) [20, с. 2; 21, с. 2; 22, с. 2; 23, с. 4–7; 24, с. 4; 25, с. 8; 26, с. 4; 27, с. 7]. Среди духовных лиц материальная помощь оказывалась вдовам священнослужителей и их детям, которые находились в затруднительном положении [3, л. 186, 192; 19, л. 70об–72].

Благотворительная деятельность в отношении других регионов

Минская православная епархия, принимая под покровительство бедных и немощных, открывая благотворительные заведения, распространяла свою деятельность и на другие регионы.

Большинство внешних благотворительных сборов инициировалось государством и имело миссионерские цели. В 1860 г. на территории епархии производились сборы на возрождение православия на Кавказе, а также на улучшение быта православных паломников в Палестине (создание домов, больниц и благотворительных заведений) [1, л. 456; 32, л. 35]. В 1864 г. денежные пожертвования в пользу сербских церквей, строительство храмов в Болгарии и Черногории были

заменены взносом на распространение между язычниками Российской империи [1, л. 464; 32, л. 28]. На основании указа от 23 августа 1865 г. при крупных храмах епархии осуществлялись приношения в пользу Гроба Господня [1, л. 458].

Часть благотворительных средств епархия перечисляла в другие регионы для строительства и поддержания в должном состоянии православных храмов. По указу Св. Синода от 15 июля 1863 г. во всех церквах были учреждены кружки с надписью «На сооружение и содержание православных церквей и школ в западных губерниях» [33, л. 1–10б; 32, л. 455]. Пожертвования доставлялись в Св. Синод каждое полугодие и использовались на строительство и ремонт церквей и помещений для церковных школ, на обеспечение учеников книгами и вознаграждение учителей. В соответствии с указом от 14 августа 1863 г. во всех церквах, соборах и монастырях Минской православной епархии были учреждены особые кружки с надписями, сборы поступали в Минскую духовную консисторию [33, л. 10б].

На протяжении второй половины XIX в. Минская православная епархия собирала средства на строительство православных святынь в разных регионах: в 1864 г. – в г. Вильно Виленской губернии и на сооружение православных храмов в Туркестанском крае, в 1865 г. – в г. Плоцке Царства Польского, в 1866 г. – в Нью-Йорке, в 1873 г. – в г. Владикавказе, в 1891 г. – в г. Тифлисе, в 1893 г. – в Варшаве [7, л. 8; 8, л. 1; 9, л. 6; 10, л. 2; 13, л. 7; 17, л. 2; 36, л. 17].

Значительная часть благотворительных приношений предназначалась для бедных и больных других государств. Деньги и вещи для нищих и убогих жертвовали в соборных и других церквах, на папертях и открытых местах перед храмами [1, л. 458–459]. В 1876 г. Минская духовная консистория по просьбе Московского славянского комитета участвовала в сборе денежных пожертвований в пользу голодавших Боснии, Герцеговины и Болгарии [7, л. 4]. В 1881 г. духовное ведомство материально поддерживало попечение заботы о слепых [1, л. 461]. В 1883 г. с разрешения настоятелей церквей и на указанных ими местах собирались подаяния в пользу нуждавшихся славян [1, л. 461].

Некоторые благодеяния носили оттенок общегосударственной заботы о сохранении культурного наследия. В 1869 г. по распоряжению Минского губернского правления открылась подписка на капиталовложения в строительство памятника графу Алексею Алексеевичу Бобринскому за его заслуги в области развития промышленности, свекольно-сахарного производства, а также всех отраслей сельского хозяйства [12, л. 1]. В 1870 г. Минская духовная консистория содействовала комитету Киевской археографической комиссии в возведении памятника Богдану Хмельницкому в Киеве [11, л. 5].

Государство со своей стороны также оказывало Минской православной епархии благотворительную помощь. Значительную её часть составляла бесплатная раздача церковной утвари. Так, в 1864 г. по распоряжению минского генерал-губернатора Михаила Муравьёва 72495 медных и латунных крестиков местные власти бесплатно разослали православному сельскому населению [15, л. 8]. Такую инициативу поддержал купец Герасим Комиссаров, который, желая распространить обычай носить нательные кресты, пожертвовал 1 млн. крестиков. В 1870 г. церкви епархии получили в дар от императора иконы [28, л. 9об–10]. В 1880 г. московский почётный гражданин Гавриил Игуменов пожертвовал в Пинский Богоявленский монастырь 7 колоколов стоимостью 1275 руб. [30, л. 9–9об].

Однако покровительство со стороны государства оказывалось бедным духовного звания не всегда. В 1870 г. император отказал духовенству епархии в создании фонда для заботы о вдовах и сиротах духовного звания. И несмотря на постановление Минского епархиального съезда от 15 октября 1869 г. об ассигновании из пособия духовенству

епархии (27 тысяч руб.) вкладов для фонда вдов и сирот из семей священнослужителей фонд так и не был образован, а духовенство вынуждено было самостоятельно заботиться о нуждающихся, собирая добровольные приношения [35, л. 10 об].

Заключение

Благотворительная деятельность Минской православной епархии охватывала практически все направления социального служения: помощь детям, больным, старикам, малоимущим, инвалидам, бездомным, строительство храмов, миссионерство.

Минское духовное ведомство использовало все правовые возможности для организации своей благотворительной деятельности. В рассматриваемый период сложилось два пути осуществления церковного социального служения: поддержка государственных сборов и создание собственных структур для реализации социальных программ.

Традиционным видом социального служения со стороны государства являлись сборы, имевшие миссионерские цели: строительство храмов и распространение православия в различных регионах, содержание школ. Такие пожертвования в основном собирались в крупных храмах епархии. Часть государственных сборов, которые поддерживало Минское духовное ведомство, предназначалась для бедного населения славянских регионов. Отдельной статьёй государственных благотворительных фондов были культурно-исторические сборы (возведение памятников).

Помимо участия в государственных сборах Минская епархия в некоторых случаях получала в дар от властей в качестве пожертвований предметы церковной утвари (колокола, иконы, крестики). Частные лица также жертвовали в пользу Церкви денежные средства.

Благотворительность внутри епархии имела исключительно социальные цели и была направлена на создание условий жизни малоимущего населения (бедным, больным, престарелым, вдовам, сиротам духовного и гражданского звания). Реализовывали эти цели благотворительные заведения, которые в основном содержались за счёт меценатов, и Минское Николаевское епархиальное братство. Являясь одним из важных очагов миссионерского служения епархии, братская организация активно практиковала социальное служение в различных формах: помощь в религиозно-нравственных и моральных потребностях, а также материальное содействие прихожанам православного исповедания.

Приведённые документальные данные свидетельствуют о том, что во второй половине XIX в. наибольшее значение в числе сборов имели добровольные приношения прихожан, особенно в деле поддержания храмов Минской епархии. Наибольшие от благотворительных сборов суммы поступали собственно в епархиальные кассы через кружечные и кошельковые сборы, и лишь незначительная их часть направлялась в регионы.

Несмотря на очевидные успехи, мы должны констатировать, что потенциал церковных общин использовался не полностью. Нам видится несколько причин относительно слабого развития социальной активности Церкви.

Первое – недостаток помещений для благотворительной работы, особенно в городе. Приходам передавались главным образом храмы, а не приходские дома или хотя бы части этих домов, где можно было бы разместить благотворительные учреждения.

Второе – неясность в отношениях Церкви и государства в социальной области. Финансовая поддержка церковных богоугодных заведений слабо оказывалась государством. Создававшиеся приходами благотворительные организации как правило её не получали. Система государственной поддержки в деле социального служения была развита слабо и не придавала стабильности развитию церковной благотворительности. Несмотря на это, благотворительная деятельность Минской православной епархии способствовала частичному снижению социальной напряженности в Минской губернии и имела большой положительный резонанс в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов, Т. Сборник действующих и руководственных церковных правил и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Т. Барсов. – СПб. : Синод. тип., 1885. – Т. 1. – 663 с.
2. Ведомости и рапорты благочинных о приходе и расходе церковных сумм по епархии за 1862 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30040.
3. Дела Минского Православного Николаевского Братства за 1870–1871 гг. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 562. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Дело о получении и использовании указа Синода о сборе пожертвований для инвалидов // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31007.
5. Дело о представлении благочинными и настоятелями монастырей сведений о наличии благотворительных обществ // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34072.
6. Дело о сборе и раздаче пожертвований для пострадавших во время восстания 1863 г. // НИАБ. – Фонд 124. – Оп. 1. – Д. 248.
7. Дело о сборе пожертвований в пользу голодающих Боснии, Герцеговины и Болгарии // НИАБ. – Фонд 124. – Оп. 1. – Д. 249.
8. Дело о сборе пожертвований духовенством епархии на восстановление Виленской Николаевской церкви Виленской губернии // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30633.
9. Дело о сборе пожертвований на сооружение собора Кавказской армии в г. Тифлисе // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36267.
10. Дело о сборе пожертвований на сооружение соборного храма в г. Владикавказе // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34331.
11. Дело о сборе пожертвований на строительство памятника Богдану Хмельницкому в Киеве // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 33239.
12. Дело о сборе пожертвований на строительство памятника гр. А. Бобринскому в г. Киеве // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 32974.
13. Дело о сборе пожертвований на строительство церкви Александра Невского в г. Варшаве // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36434.
14. Дело об открытии в г. Минске православного благотворительного заведения // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31517.
15. Дело по отношению Минского военного генерал-губернатора о приобретении медных и латунных крестиков для приходов епархии и бесплатной раздаче их прихожанам // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30597.
16. Дело по прошению игуменского благочинного протоиерея И. Доминиковского о выдаче церквам особых книг для записи пожертвований прихожан // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 29881.
17. Дело по указу Синода о сборе пожертвований на строительство православной церкви в г. Плоцке Царства Польского // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31237.
18. Дело по указу Синода об упразднении Присутствия по делам православного духовенства и изменении некоторых постановлений об устройстве церковных приходов и состава причтов // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35986.
19. Журналы Минского православного Николаевского братства за 1897–1900 гг. // НИАБ. – Фонд 562. – Оп. 1. – Д. 4.
20. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1866–1867 г., читанный в заседании 14 мая 1867 года. – 1867. – 20 с.
21. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1868–1869 г. – Минск : Типолит. Б.И. Соломонова, 1869. – 12 с.

22. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1869–1870 г. – Минск : Типолит. Б.И. Соломонова, 1870. – 25 с.
23. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1870–1871 год, 1871. – 11 с.
24. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1872–1873 г. – Минск : Губ. тип., 1873. – 7 с.
25. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1873–1874 г. – Минск : Губ. тип., 1874. – 11 с.
26. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1875–1876 г. – Минск : Губ. тип., 1876. – 8 с.
27. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1876–1877 г. – Минск : Типолит. Б.И. Соломонова, 1877 – 7 с.
28. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1870 г. // Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 378.
29. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1875 г. // РГИА. – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 637.
30. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1880 г. // РГИА. – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 883.
31. Рапорт священника Пережирской церкви Игуменского уезда С. Малевича от 15 июня 1895 г. о возможности использования приношения прихожан к кресту у входа в церковь // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36558.
32. Рапорты священников о внесении денег на содержание вдов и сирот духовного звания, на лечение лиц духовного звания // НИАБ. – Фонд 96. – Оп. 1. – Д. 16.
33. Указ Синода от 15 июля 1863 г. об учреждении во всех церквях и обителях империи кружек с надписью: «на сооружение и содержание православных церквей и школ в западных губерниях» // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30380.
34. Указы Минской духовной консистории о представлении сведений о священнослужителях и вдовах для назначения им пенсий, о сборе пожертвований на улучшение быта православных паломников в Палестине // НИАБ. – Фонд 96. – Оп. 7. – Д. 444.
35. Указы Минской духовной консистории об открытии в г. Минске православного миссионерского общества // НИАБ. – Фонд 96. – Оп. 10. – Д. 16.
36. Указы Минской духовной консистории, рапорты благочинных о зачисление и содержание в монастыре на время учёбы причетников, ведомости прихода и расхода денег // НИАБ. – Фонд 95. – Оп. 1. – Д. 158.

Morozko K.V. Charities of Minsk Orthodox Diocese in the 2nd half of the 19th century

Purpose of given research is to analyze the charitable activity of Minsk Orthodox Diocese in the 2nd half of the 19th century. In introduction the role of the Minsk consistory in carrying out of charitable actions is formulated. The basic part of article is devoted gathering of donations, which was made by spiritual department. In article the author has concentrated attention to such indicators of charitable sphere as the organization of gathering in a diocese, and also the help in other regions, creation mug and purse gathering, a gift of parishioners. Classification of gathering has allowed to reveal their appointment and advantage in a diocese. In the conclusion priority directions of social work and the ways of its realization to in the 2nd half of the 19th century are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.2009

УДК: 947,6

В.П. Гарматны

БРАЊІСЛАЎ ТАРАШКЕВІЧ І АГРАРНАЕ ПЫТАННЕ Ў СЕЙМЕ ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (1922–1927 гг.)

В статье рассматривается деятельность Бронислава Тарашкевича в Сейме II Речи Посполитой (1922–1927 гг.) по защите интересов западнобелорусского крестьянства. Б. Тарашкевич был лидером Белорусского Посольского Клуба, хорошо знал положение крестьян и со знанием дела защищал их права. Ораторское умение и хорошо продуманные речи принесли Тарашкевичу широкую известность, что обеспокоило польские власти, которые, опасаясь влияния представителя западнобелорусского крестьянства, в нарушение Конституции пошли на арест посла Бронислава Тарашкевича.

Уводзіны

Пасля заключэння 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага міру амаль палова беларускіх зямель увайшла ў склад адроджанай Польшчы – II Рэчы Паспалітай. Больш за 80% насельніцтва Заходняй Беларусі было занята ў сферы сельскай гаспадаркі, заходнебеларуская вёска была перанаселена і сялянам катастрафічна не хапала зямлі. Польскія ўлады перадавалі свабодныя ворныя землі з мэтай ўзмацнення паланізацыі насельніцтва новадалучаных тэрыторый не мясцовым сялянам, а асаднікам (перасяленцам з Польшчы). Актыўным і непадкупным абаронцам інтарэсаў заходнебеларускіх сялян стаў Браніслаў Тарашкевіч, які на працягу 1922–1927 гг. быў паслом Сейма II Рэчы Паспалітай і выказнікам у ім сялянскіх спадзяванняў.

Выбары ў Сейм 1922 г. і стварэнне БНК

28 ліпеня 1922 г. на ўстаноўчым Сейме была прынята пастанова аб правядзенні выбарчай кампаніі ў Сейм і Сенат II Рэчы Паспалітай, паводле якой выбары ў Сейм прызначаліся на 5 лістапада 1922 г., а ў Сенат – на 12 лістапада 1922 г. Такім чынам, у краіне распачалася выбарчая кампанія, актыўны ўдзел у якой прынялі прадстаўнікі беларускай меншасці. Беларускі нацыянальны камітэт (БНК) прыняў рашэнне ісці на парламенцкія выбары сумесна з прадстаўнікамі іншых нацыянальных меншасцей II Рэчы Паспалітай і ўвайшоў у склад блока нацыянальных меншасцей, створанага ў Варшаве 14–17 жніўня 1922 г.

Кіраваць выбарчай кампаніяй сярод беларусаў павінен быў створаны ў жніўні 1922 г. на чале з Антонам Луцкевічам Беларускі цэнтральны выбарчы камітэт (БЦВК) з штаб-кватэраю ў Навагрудку [7, с. 149]. У склад БЦВК уваходзіў і вучоны з сусветнаю вядомасцю філолаг і перакладчык, аўтар першай граматыкі беларускай мовы, дырэктар Віленскай беларускай гімназіі, член Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі Браніслаў Адамавіч Тарашкевіч (1892–1938), кандыдатура якога была таксама вылучана БНК на будучыя выбары [3, с. 204; 17, с. 152].

Прадстаўнікі БЦВК на працягу жніўня–верасня 1922 г. праводзілі актыўную і прадуманую палітычную агітацыю, ладзілі шматлікія сустрэчы з насельніцтвам Заходняй Беларусі, выпускалі публіцыстычную літаратуру, газеты і лістоўкі і такім чынам усталявалі з выбаршчыкамі даволі трывалую сувязь. Заходнебеларускія сяляне бачылі ў дзеях БНК сваіх абаронцаў, таму лідары беларускай меншасці з’яўляліся рэальнымі кандыдатамі на месцы ў Сейме і Сенаце II Рэчы Паспалітай.

Па выніках выбараў 5 лістапада 1922 г. БНК («шаснаццатка» па нумары блока ў выбарчых бюлетэнях) атрымаў 1397538 (15,9%) галасоў і 66 мандатаў (16% месцаў), у тым ліку беларусы (больш трох мільёнаў насельніцтва) занялі 11 месцаў у Сейме і 3 у Сенаце [1, с. 6; 11, с. 75]. Гэта быў вялікі поспех. Неабходна адзначыць, што ў

наступныя парламенцкія выбары прадстаўнікам Заходняй Беларусі ніколі больш не ўдавалася дасягнуць такіх вынікаў, нягледзячы на ўзрастаючую палітычную актыўнасць мясцовага насельніцтва.

Браніслаў Тарашкевіч прайшоў у Сейм ад Вільні (акруга № 63) [16, s. 81]. Васіль Рагуля, адзін з самых аўтарытэтных лідэраў заходнебеларускага нацыянальна-вызваленчага руху, характарызаваў Тарашкевіча як «беларускага патрыёта, чалавека разумнага, што не паддаваўся ўплыву паланафілаў. Ён аднак лічыў, што ўгодаю можна дабіцца ад палякаў некаторых саступак на карысць беларускаму народу. Ён меў сярод палякаў шмат сымпатыкаў» [10, с. 22].

Вынікамі парламенцкіх выбараў беларусы ў цэлым былі задаволены: у інтэрв'ю журналісту газеты «Kurier Polski» (№ 327 ад 29 лістапада 1922 г.) Браніслаў Тарашкевіч катэгарычна запярэчыў сцвярджэнню аб фальсіфікацыі выбараў і запэўніў, што ў будучым Сейме беларусы будуць выступаць сумесна з прадстаўнікамі іншых нацыянальных меншасцяў і левых арганізацый. Тарашкевіч таксама адзначыў асноўныя праграмныя патрабаванні беларускіх прадстаўнікоў, сярод іх былі матэрыяльная дапамога для вясковых гаспадарак Заходняй Беларусі з мэтай іх аднаўлення і поўная адмена закону аб вайсковым асадніцтве [3, с. 211].

Сеймавыя прадстаўнікі Заходняй Беларусі з мэтай каардынацыі сваіх намаганняў па абароне жыццёва важных інтарэсаў сваіх выбаршчыкаў стварылі ў польскім парламенце сваю арганізацыю – Беларусі пасольскі клуб (БПК) [9, с. 393]. Старшынёю БПК адзінадушна абралі Браніслава Тарашкевіча, яго намеснікамі сталі Адам Станкевіч і Сяргей Баран, членамі прэзідыуму – Антон Аўсянік і Вячаслаў Багдановіч. Сярод удзельнікаў БПК ён атрымаў назву «Малы парламент», бо ў ім былі прадстаўлены ўсе існуючыя ў заходнебеларускім нацыянальным руху палітычныя напрамкі [12, с. 121]. Сакратарыята БПК былі створаны ў 15 заходнебеларускіх гарадах і мястэчках: Навагрудку, Гродна, Баранавічах, Стоўбцах, Ваўкавыску, Лідзе, Нясвіжы і г.д. [4, с. 24].

У склад кожнай сеймавай камісіі ўвайшло па адным пасле ад Заходняй Беларусі. Сам Тарашкевіч стаў членам камісіі асветы, але, па адзнаках сучаснікаў, у адрозненне ад большасці сеймавых паслоў, якія «спецыялізаваліся» ў сваіх выступленнях па вузкіх пытаннях, Б.А. Тарашкевіч выступаў па многіх праблемах, у тым ліку вельмі актыўна па аграрнай [8, с. 49, 62].

Сеймавыя выступленні Браніслава Тарашкевіча супраць польскай аграрнай палітыкі (1922–1923 гг.)

23 студзеня 1923 г. Браніслаў Тарашкевіч упершыню выступіў у Сейме з вялікаю прамоваю, у якой раскрытыкаваў сістэму кіравання польскіх улад на «Крэсах Усходніх» і выклаў праграмныя патрабаванні БПК і насельніцтва Заходняй Беларусі: неадкладнае спыненне штучнай каланізацыі, скасаванне асадніцтва, нацыяналізацыю лясоў і вод, правядзенне аграрнай рэформы ў інтарэсах малазямельнага і беззямельнага сялянства, стварэнне адміністрацыі з мясцовага насельніцтва, дапушчэнне беларускай мовы ў адміністрацыйныя і судовыя ўстановы, увядзенне дэмакратычнага разгляду судовых спраў, забяспечэнне тэрытарыяльнай арганізацыі арміі і г.д. [6, с. 62; 11, с. 75]. Патрабаванні былі даволі сціплымі і абмяжоўваліся нацыянальна-культурнай аўтаноміяй, але ўсе яны былі адхілены Сеймаваю правацэнтрыскаю большасцю. У сваёй прамове Тарашкевіч трапна адзначыў асноўную мэту дзейнасці БПК: «Пераступілі гэты парог (Сейма) у колькасці, папраўдзе, неадпаведнай да масы беларускага народа, які мы маем права прадстаўляць, але дастаткова для таго, каб не толькі перад Польшчай, але перад усім светам даць доказ таго, што жыве беларускі народ» [9, с. 394].

23 сакавіка 1923 г. пры абмеркаванні тэрміновай прапановы сялянскай партыі ПСЛ-«Пяст» (PSL-«Piast») аб наданні вайсковым асаднікам дзяржаўнага крэдыту Тарашкевіч адзначыў: «Асадніцтва мае мэту перасялення пэўнай колькасці польскага насельніцтва «на Крэсы» для таго, каб у самой Польшчы захаваць панскія маёнткі». Прамоўца патрабаваў поўнай ліквідацыі асадніцтва, перадачы адведзенай ім сумы на ажыццяўленне аграрнай рэформы і аднаўленне дашчэнтну разбуранай вайной эканомікі «Крэсаў Усходніх». Пытанне насаджэння вайсковых асаднікаў на землях паўночна-ўсходніх ваяводстваў II Рэчы Паспалітай стала адным з самых актуальных і абмяркоўваемых у Сейме на працягу 1922–1925 гг. [13, с. 28]. Як падкрэсліваў лідар беларускіх паслоў, «зямля, на якой народ сядзіць тысячы гадоў, на якой ён вякамі пралівае пот і кроў, зямля гэтая павінна яму належаць» [8, с. 49], у адваротным выпадку, сцвярджаў Тарашкевіч, «хутка ўсе вашыя памешчыцкія і асадніцкія паселішчы пойдучь з дымам пажараў» [3, с. 50].

Аграрнае пытанне стала для заходнебеларускіх паслоў галоўнай складаючай часткай іх дзейнасці. Тарашкевіч і яго паплечнікі выкарыстоўвалі кожную магчымасць для абароны заходнебеларускага сялянства, патрабавалі ад улад уключэння мясцовага насельніцтва ў правядзенне аграрнай рэформы, падкрэслівалі, што ад урэгулявання зямельнага пытання залежаць адносіны насельніцтва Заходняй Беларусі да польскіх улад. Б. Тарашкевіч і яго паплечнікі падтрымлівалі цесныя кантакты з членамі Украінскага клуба, але пры гэтым вылучалі больш радыкальныя прапановы, што не перашкаджала агульнаму саюзу прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей [1, с. 8; 15, с. 273].

На сустрэчах з выбаршчыкамі беларускія паслы запісвалі патрабаванні мясцовага сялянства, а потым афармлялі іх скаргі ў форме запросаў у Сейм. Беларускія сеймавыя прадстаўнікі рабілі запыты ў Сейме па шматлікіх фактах парушэння прадстаўнікамі польскай адміністрацыі законных правоў сваіх выбаршчыкаў, выступалі з крытыкай нацыянальнай, аграрнай і культурнай палітыкі польскага ўраду [10, с. 33]. Члены БПК 52 разы выступалі супраць страты зямлі заходнебеларускімі сялянамі, 82 разы супраць іх эканамічнай эксплуатацыі і 218 разоў супраць незаконных учынкаў прадстаўнікоў дзяржаўнай улады [18, р. 136]. Беларускія паслы сталі ледзьве не апошняю інстанцыяй для скаргаў мясцовага сялянства. Найчасцей ад імя БПК выступаў сам Браніслаў Тарашкевіч, які вобразна і красамоўна сведчыў аб глыбокім, пранікнёным веданні палітычнага і эканамічнага становішча краіны, акрамя таго адчувалася свабоднае валоданне прамоўцам лепшымі дасягненнямі сучаснай яму філасофскай і палітычнай думкі. За ўвесь перыяд сваёй сеймавай дзейнасці Тарашкевіч выступаў у польскім парламенце 34 разы: у 1923 г. і 1924 г. па 9, у 1925 г. і 1926 г. – па 8 разоў. Неабходна адзначыць, што за эмацыянальныя выступленні і крытыку польскіх улад Тарашкевіч заклікаўся маршалкамі Сейму да парадку 5 разоў, да парадку з запісам у пратакол 1 раз і выдаляўся з залы пасяджэнняў 2 разы [16, с. 119–120].

Выдазеныя ў форме асобнай кнігі запыты заходнебеларускіх паслоў у Сейм II Рэчы Паспалітай далі ўсяму свету рэальную карціну праходзячых у Заходняй Беларусі складаных сацыяльна-эканамічных працэсах і выклікалі шырокі грамадскі рэзананс [5]. Чэхаславацкая газета «Rude pravo» прысвяціла інтэрв'ю беларускіх паслоў у польскі Сейм спецыяльную разгорнутую публікацыю і назвала іх «крываваю кнігаю» [8, с. 64; 13, с. 27–28].

Пра сваю парламенцкую дзейнасць члены БПК рабілі перыядычныя справаздачы перад сваім электаратам. Так, 15 і 30 красавіка 1923 г. адбыліся сустрэчы беларускіх сеймавых паслоў у Баранавічах і Навагрудку, дзе яны расказалі насельніцтву пра вынікі сваёй сеймавай працы і заслухалі наказы выбаршчыкаў. Як адзначалі з незадавальненнем польскія ўлады, на такіх сустрэчах паслы «праводзілі агітацыю,

варожую Польшчы», і «пасля кожнага такога мітынга людзі ўсё больш узбуджаюцца і яўна непаважна адносяцца да польскіх улад» [1, с. 7].

30 верасня 1923 г. Б. Тарашкевіч зрабіў у БНК падрабязную справаздачу сваёй сеймавай дзейнасці. У прынятай рэзалюцыі адзначалася, што беларускія паслы строга імкнуліся да выканання ўзятых перад выбаршчыкамі абавязкаў, але ніводзін з іх не ўдалося рэалізаваць з-за процідзеяння польскага Сейма і ўрада.

У снежні 1923 г. прадстаўнікі БПК спрабавалі дамовіцца з паслом Станіславам Тугутам, прэтэндэнтам на пасаду прэм'ер-міністра Польшчы. Тарашкевіч і яго паплечнікі пагадзіліся падтрымаць кандыдатуру Тугута пры цэлым комплексе ўмоў: перш за ўсё-спыненне палітыкі насаджэння асадніцтва і ўтварэнне міністэрства беларускіх спраў [16, с. 88–89]. Удзельнікам перамоў не ўдалося дасягнуць паразумення, і ў выніку новым кіраўніком ураду стаў Уладзіслаў Грабскі, які не збіраўся ісці на кампрамісы, калі яны могуць «дражніць польскую люднасць».

У сваёй прамове ў Сейме ад 14 снежня 1923 г. Тарашкевіч паказаў тры краевугольныя камяні польскай аграрнай палітыкі і яе сапраўдныя мэты: імкненне да захавання буйной зямельнай уласнасці з захаваннем класа памешчыкаў; экспансія на этнаграфічна няпольскія землі і ваенна-палітычны аспект, а таксама паказаваў складанае становішча беларускіх сялян, якія ў сярэднім валодалі па 3–4 гектары зямлі, прычым многія з іх былі наогул беззямельнымі [8, с. 50–51; 13, с. 129].

Раскол БПК і стварэнне БСРГ (1923–1927 гг.)

Прадстаўнікам БПК з цягам часу становіцца ўсё цяжэй прыняць адзінае рашэнне, паміж левым і правым крылом беларускіх прадстаўнікоў узрастаюць супярэчнасці па пытанні тактыкі і метадаў сеймавай барацьбы. Антон Луцкевіч настойліва звяртаў увагу Тарашкевіча на тое, што раскол у БПК «для беларускага нацыянальнага прадстаўніцтва ў Сейме быў бы катастрофаю... з беларускімі пасламі пасля расколу сталі б лічыцца яшчэ менш». Луцкевіч прапаноўваў Б. Тарашкевічу, не выходзячы з клуба, стварыць у ім сваю секцыю, якая б у парламенце дзейнічала сумесна з БПК, а па-за межамі Сейма працавала самастойна, але пераадолець крызіс беларускім прадстаўнікам не ўдалося. 15 снежня 1923 г. Браніслаў Тарашкевіч паўторна абраны старшынёю БПК, але ўжо ў канцы лютага 1924 г. вымушаны быў пакінуць сваю пасаду, а новым кіраўніком БПК стаў В. Рагуля [10, с. 40]. Як трапна адзначыў былы старшыня БПК «зямельная рэформа парцэльное (падзяляе) не толькі землі, але і клубы» [8, с. 52].

Адносна вырашэння аграрнага пытання заходнебеларускія сеймавыя прадстаўнікі прытрымліваліся двух супрацьлеглых накірункаў: Васіль Рагуля са сваімі паплечнікамі выступаў за стварэнне новай радыкальнай сялянскай партыі, у праграму дзейнасці якой прапанавалася паставіць бясплатнае адчужэнне на базе нацыяналізацыі ўсіх родаў зямлі і бясплатнае надзяленне ёю малазямельных і беззямельных сялян на аснове хутарскай сістэмы, а Б. Тарашкевіч і яго прыхільнікі выказваліся за цеснае супрацоўніцтва з КПП і Незалежнай сялянскай партыяй (НПХ, NPCh) [7, с. 153; 17, с. 152]. Браніслаў Тарашкевіч адзначаў, што «...сёння ў польскім Сейме і па-за ім няма партыі, акрамя камуністычнай фракцыі, якая б не падзяляла каланізацыйных памкненняў» [15, с. 275].

У выніку працяглых дыскусій вясною 1925 г. беларускія прадстаўнікі канчаткова прыйшлі да высновы аб неабходнасці спалучэння сеймавай дзейнасці з выкарыстаннем новых спосабаў барацьбы за правы беларускага насельніцтва і ў першую чаргу пошуку падтрымкі па-за межамі польскага парламента. У сваім змястоўным артыкуле ў беларускай газеце «Крыніца» ад 17 мая (№ 20) 1925 г. Тарашкевіч абвясціў неабходнасць стварэння сялянска-рабочага ўраду, «бо толькі

супольным фронтам – мужык ля мужыка, мужык побач з работнікам на роўных правах – мы можам адваяваць сабе вызваленне сацыяльнае, вызваленне нацыянальнае і вызваленне палітычнае і нацыянальнае адраджэнне... беларускія працоўныя масы ў гэтай барацьбе павінны падаць руку сялянам украінскім, сялянам польскім і ўсяму працоўнаму люду [7, с. 153].

24 чэрвеня 1925 г. Браніслаў Тарашкевіч, Сымон Рак-Міхайлоўскі, Павел Валашын і Пётр Мятла выйшлі са складу БПК і стварылі пасольскі клуб Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ, Грамады) [2, с. 58; 12, с. 121]. Карыстаючыся пасольскаю недатыкальнасцю, лідары БСРГ разгарнулі актыўную работу па стварэнні масавай арганізацыі працоўных для барацьбы за свае правы. З узнікненнем Грамады узаемаадносін паміж БПК і польскімі ўладамі становяцца ўсё больш. Калі прадстаўнікі правага крыла БПК яшчэ спрабавалі знайсці ўзаемапараўменне з польскімі ўладамі, то Тарашкевіч і яго паплечнікі па БСРГ пад уплывам камуністаў фактычна перайшлі ад праграмы мірнага адраджэння да класавай барацьбы супраць «белапольскіх акупантаў» [11, с. 76].

Разлад у ідэалагічным напрамку не абазначаў прынцыповых разыходжанняў беларускіх паслоў на сутнасць аграрнай рэформы, сведчаннем чаго з'яўляецца падтрымка ўсіх прапаноў БСРГ па зямельным пытанні членамі БПК. Нягледзячы на праграмныя рознагалосці беларускіх паслоў аб'ядноўвала мэта абароны эканамічных і сацыяльных інтарэсаў беларускага сялянства, але левае і правае крыло БПК ішлі да гэтага шляху ў розных накірунках [15, с. 272].

Пададзены Браніславам Тарашкевічам 30 чэрвеня 1925 г. у Сейм ад імя трох левых фракцый польскага парламента: камуністаў, НПХ і БСРГ – аграрны законапраект, паводле якога прадугледжвалася шырокае надзяленне бяднейшых сялян зямлёю без выкупу, не знайшоў падтрымкі сеймавай большасці.

17 ліпеня 1925 г. Тарашкевіч выступіў з прамоваю супраць законапраекта аб парцэляцыі і асадніцтве: «Уся памешчыцкая і царкоўная зямля з будынкамі і інвентаром павінна быць канфіскавана без кампенсацый і бясплатна падзелена сялянскімі камітэтамі паміж беззямельным і малазямельным насельніцтвам», – але ізноў безвынікова. Прамоўца адзначаў, што «рашучая барацьба за зямлю ўваходзіць у новую фазу. Сейм зямлі сялянам не даў і не дасць. Зямлю сяляне павінны ўзяць і возьмуць яе самі» [8, с. 77].

26 ліпеня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай па прапанове ўрада Уладзіслава Грабскага пры падтрымцы Польскай сацыялістычнай партыі (PPS) і «ПСЛ-Вызваленне» (PSL-Wyzwolenie) прыняў агульнавядомы «Закон аб правядзенні зямельнай рэформы», які ўвайшоў у гістарыяграфію пад назвай «Закон аб парцэляцыі і асадніцтве».

28 снежня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай прыняў канчатковы варыянт аграрнай рэформы, які і стаў ажыццяўляцца. Прыняты закон быў самым кансерватыўным з абмяркоўваемых, бо прадугледжваў масавае перасяленне на «Крэсы Усходнія» вайсковых і цывільных (грамадзянскіх) асаднікаў, а не перадачу свабодных ворных зямель малазямельным і беззямельным сялянам [14, с. 33–34]. За закон аб аграрнай рэформе прагаласавалі прадстаўнікі правых польскіх палітычных партый, а Браніслаў Тарашкевіч і іншыя члены БПК выступілі супраць.

Расчараваны аграрнаю і нацыянальнаю палітыкаю польскіх улад Браніслаў Тарашкевіч у снежні 1925 г. уступае ў КПЗБ [2, с. 88], бо бачыць у камуністах адданых прыхільнікаў абароны інтарэсаў працоўных, актыўных змагароў з польскім панаваннем і ў сувязі з гэтым найбольш блізкіх палітычных саюзнікаў БСРГ і ўсяго заходнебеларускага насельніцтва. Тарашкевіч бачыў, што праз польскі Сейм

немагчыма дабіцца надзялення зямлёю малазямельных і беззямельных сялян Заходняй Беларусі, і лічыў, што здолее дасягнуць гэтага ў саюзе з камуністамі.

Дзякуючы актыўнай і прадуманай дзейнасці Тарашкевіча і яго паплечнікаў БСРГ з цягам часу стала самаю масаваю і ўплывоваю сялянскаю партыяй Еўропы: амаль у кожнай заходнебеларускай вёсцы існаваў яе гурток [10, с. 52]. Б. Тарашкевіч шмат ездзіць па Заходняй Беларусі, праводзіць шматлікія сустрэчы і гутаркі з мясцовымі сялянамі. Тарашкевіч добра ведаў патрэбы і памкненні беларускага насельніцтва, якія леглі ў напісаную ім і апублікаваную ў Бюлетэні пасольскага клуба «Беларуская сялянска-рабочая грамада» праграмы новай партыі. У ёй патрабаванне канфіскацыі зямель (абшарніцкіх, дзяржаўных, царкоўных і г.д.) і іх падзел сялянскімі камітэтамі і сельскімі рабочымі, маючы перш за ўсё на ўвазе інтарэсы сельскай беднаты [16, с. 108].

Шмат дзе сяляне цэлымі вёскамі запісваліся ў БСРГ. Многія пярвічныя арганізацыі ППС і «ПСЛ-Вызваленне» ў поўным складзе пераходзілі ў БСРГ, што занепакоіла польскія ўлады, і ў студзені 1927 г. Тарашкевіч, Рак-Міхайлоўскі, Мятла, Валошын і яшчэ звыш 400 актывістаў Грамады без згоды Сейма былі арыштаваны. У сакавіку 1927 г. польскія ўлады БСРГ аб'явілі незаконнай арганізацыяй і забаранілі яе, а сялян сілаю прымушалі здаваць членскія білеты.

4 лютага 1927 г. пасля даклада пасла Стэфана Дабжанскага (Нацыянальна-народны саюз, ZLN) Сейм выказаўся за пазбаўленне Б. Тарашкевіча і яго бліжэйшых паплечнікаў пасольскай недатыкальнасці і выдачу пад суд: «за» прагаласавалі 159 паслоў Сейма, «супраць» – 89, несапраўднымі прызнаны 12 картак (па іншых звестках – 163, 89 і 10 адпаведна) [6, с. 335; 10, с. 93]. Арышт стаў канцом і непазбежным вынікам актыўнай і паслядоўнай сеймавай дзейнасці «беларускага Гандзі» (як часам называлі Браніслава Тарашкевіча) па абароне інтарэсаў заходнебеларускага сялянства.

Заклучэнне

Браніслаў Тарашкевіч самааддана і паслядоўна адстойваў у Сейме правы сялян Заходняй Беларусі, актыўна выступаў за правядзенне аграрнай рэформы на іх карысць: за спыненне насаджэння асадніцтва і перадачу свабодных ворных зямель мясцовым сялянам. Аграрныя законапраекты Б. Тарашкевіча не былі падтрыманы сеймаваю большасцю і не рэалізоўваліся. Сам Тарашкевіч за сваю актыўную дзейнасць быў пазбаўлены пасольскай недатыкальнасці і адданы пад суд.

Такім чынам, Браніслаў Тарашкевіч быў таленавітым і непадкупным абаронцам насельніцтва Заходняй Беларусі, выказнікам яго спадзяванняў і сапраўдным «адвакатам заходнебеларускага сялянства».

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Баюра, А.Н. Парламентская форма нацыянальна-освободительной борьбы населения Западной Беларуси в 1920–1925 гг. / А.Н. Баюра // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа : мат. респуб. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, 24–25 сентября 2009 г. – / Брест : БрГТУ, 2009. – С. 5–10.
2. Валахановіч, А.І. Сповідзь у надзеі застацца жывым... : Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча / А.І. Валахановіч. – Мінск : БелНДДАС, 1999. – 200 с.
3. Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922 гг.) / К. Гамулка. – Вільня : ЕГУ, 2008. – 256 с.
4. Говін, С.В. Друк Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / С.В. Говін. – Мінск : БДУ імя У.І. Леніна, 1974. – 96 с.

5. Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі Сойм 1922–1926 гг. Зборнік дакумантаў аб панскіх гвалтах, катаваннях і зьдзеках над сялянамі і рабочымі ў Заходняй Беларусі. – Мінск : Беларус дзярж выд-ва, 1927. – 497 с.
6. Кароткі нарыс беларускага пытання / А. Вашкевіч, А. Пашкевіч, А. Чарнякевіч. – Мінск : Выдавец І.П. Логвінаў, 2009. – 396 с.
7. Ключынскі, М.В. Дзейнасць беларускай пасольскай фракцыі ў Польскім парламенце: ад стварэння да расколу / М.В. Ключынскі // Назаўсёды разам: гісторыя нацыянальна-дзяржаўнага аднаўлення Беларусі (да 65-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР) : матэрыялы Рэспуб. навукю-тэарэт. канф., Мінск, БДПУ, 28 верасня 2004 г. – Мінск : БДПУ, 2004. – С. 149–154.
8. Ліс, А.С. Браніслаў Тарашкевіч / А.С. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 168 с.
9. Марціновіч, А. Хто мы, адкуль мы... : гістарычныя эсэ, нарысы : у 3 кн. / А. Марціновіч. – Мінск : Беларусь, 2008. – Кн. 3. – 447 с.
10. Рагуля, В. Успаміны / В. Рагуля. – Менск : Бацькаўшчына, 1993. – 94 с.
11. Рамановіч, П.С. Нацыянальна-дэмакратычны рух на паўночна-ўсходніх землях Польшчы пасля Рыжскага дагавора / П.С. Рамановіч // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы : матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэт. канф., Мінск, БДУ, 16–17 сакавіка 2001 г. – Мінск : БДУ, 2001. – С. 74–78.
12. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.
13. Тарашкевіч, Б. Выбранае : крытыка, публіцыстыка, пераклады / Уклад., уступ, камент. А. Ліса. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 319 с.
14. Титова, А.А. Борьба революционного блока польского Сейма за демократическое решение аграрной проблемы во второй половине 1925 г. / А.А. Титова // Советское славяноведение. – 1988. – № 2. – С. 28–35.
15. Цітова, А. Беларускі дэпутацкі клуб і праблема аграрнай рэформы ў польскім Сейме ў 1922–1935 гг. / А. Цітова // Беларусіка=Albaruthenika : Кн. 3. Нацыянальныя і рэлігійныя культуры, іх узаемадзеянне / Рэд. А. Мальдзіс [і інш.] – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – С. 269–276.
16. Bergman, A. Rzecz o Bronislawie Taraszkieviczu / A. Bergman. – Warszawa : Ksiazka i wledza, 1977. – 244 s.
17. Bergman, A. Sprawy bialoruskie w II Rzeczypospolitej / A. Bergman. – Warszawa : Panstwowe Wyd-wo Naukowe, 1984. – 288 s.
18. Lubachko, I.S. Belorussia under Soviet rule. 1917–1957 / I.S. Lubachko. – Lexington : The University press of Kentucky, 1972. – 220 p.

Harmatny V.P. Bronislav Tarashkievich and agrarian question in the Seim of II Rzeczy Pospolitej (1922–1927)

Article deals with the activity of Bronislav Tarashkievich for the protection of Western Belarus peasants in the Seim of II Rzeczy Pospolitej (1922–1927). Tarashkievich was the leader of Belarusian Deputy Club; he knew well the difficulties and interests of Western Belarus peasants. Bronislav Tarashkievich protected peasants' interests in Seim and as a result of his activity Tarashkievich was taken to prison.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.09.2010

УДК 272(476)

А.В. Павшук

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье раскрываются вопросы, связанные с деятельностью католических благотворительных обществ в белорусских губерниях в начале XX в. Благотворительность была одной из форм миссионерской деятельности Римско-Католической Церкви, способствовала укреплению её позиций среди различных слоёв населения. Характеризуется политика царского самодержавия в отношении благотворительности Католической Церкви. Анализируются уставы и формы деятельности обществ, их роль и значение в социальной жизни населения. Данная проблема исследуется на базе источников из Национальных исторических архивов Гродно и Минска, Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Введение

Изучение деятельности благотворительных католических обществ на территории Беларуси в начале XX в. не получило широкого освещения в белорусской современной историографии: специальных исследований, посвящённых данной проблеме, нет. Отдельные фрагменты освещаются в работе В. Яновской [1]. Однако автор упоминает о деятельности лишь нескольких католических благотворительных обществ во второй половине XIX в.

Исходя из степени изученности темы, а также её важности для проведения научных исследований по конфессиональной проблематике, автор ставит целью раскрыть роль и значение благотворительных обществ в социальной сфере жизни католического населения и укреплении позиций Римско-Католической Церкви в западных белорусских губерниях.

Церковь является одним из социальных институтов, действующих в государстве и осуществляющих присущие ей функции. Вне зависимости от многих факторов - экономического, политического и идеологического порядка - она всегда выполняла функции утешения, искупления, гаранта сохранения морально-этических норм, которые были выработаны и приняты самим обществом в конкретную историческую эпоху. Церковные институты оказывали и оказывают влияние на формирование общественного мировосприятия и идеологии. Одна из составляющих деятельности любой конфессии – это благотворительная работа. Традиции благотворительности являются органической частью общественного бытия и оказывают определённое влияние на социальные процессы в обществе.

Эта же цель достигалась духовенством и католической общественностью путём организации специальных благотворительных обществ, товариществ, учреждений, которые играли заметную роль в прошлые эпохи. В обыденном сознании каждого человека это находило выражение в сборе денежных средств, одежды, обуви, организации питания, приютов для малоимущих, одиноких, престарелых людей, сирот, инвалидов и др. [2, с. 102].

Научный руководитель – Э.С. Ярмусик, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Начало существования католических благотворительных обществ, равно как и других общественных объединений в Российской империи, связывают с выходом Указа императрицы Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Об учреждениях для управления губерниями». Согласно Указу, предусматривалось создание в составе губерний учреждений особого приказа общественного призрения, который должен был заниматься образованием, лечением, благотворительностью. Указ давал право открывать благотворительные заведения частным лицам и обществам [3, ст. 14392].

Много благотворительных обществ учреждалось после опубликования 17 октября 1905 г. царского манифеста «О провозглашении демократических свобод», обещавшего свободу слова, собраний и союзов. Закон «Об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. устанавливал порядок регистрации и утверждения уставов общественных организаций. Эти обязанности возлагались на местные органы власти. Обществом, согласно документу, считалось «соединение нескольких лиц, которые не имели задачу получения для себя прибыли, а избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель» [4, ст. 27479].

Устав всех римско-католических обществ, действовавших на территории Беларуси, создавался по «Примерному уставу о бедных», утверждённому Министерством внутренних дел 10 июня 1907 г. [5]. Лица, желавшие учредить общество, обязаны были предоставить письменное заявление на имя губернатора. В заявлении указывалось название общества, его цели, место и способы деятельности, фамилия, имя, отчество и местожительство учредителей, порядок вступления и выбытия членов, состав и получение средств на благотворительные цели, размер членских взносов, порядок их уплаты и прочее. Учредители также обязаны были предоставить проект устава общества, подлежащий обязательной регистрации. Основной целью общества являлось улучшение материального и нравственного состояния нуждающихся лиц римско-католического вероисповедания, находящихся в пределах прихода без различия пола, возраста, званий и состояния. Для выполнения вышесказанного обществу предоставлялось право открывать общественные столовые, чайные, ночлежные дома, убежища, приюты, общежития, дома трудолюбия, больницы, амбулатории. За малейшее отступление от устава общество могло быть закрыто по распоряжению губернатора [5, с. 3].

Благотворительное общество могло состоять из неограниченного числа лиц обоего пола всех званий и состояния. Членами общества не могли быть состоящие на действительной военной службе низшие воинские чины и юнкера, подвергшиеся ограничению прав по суду, административно-ссылные, несовершеннолетние, а также учащиеся в нижних и средних учебных заведениях [5, с. 2].

Все члены общества делились на почётных, действительных и сореволюателей (или сотрудников). Почётными членами общества могли стать лица, сделавшие значительные пожертвования в пользу общества или оказавшие ему иные существенные услуги и избранные в это звание общим собранием членов общества. Действительными членами общества состояли лица, уплатившие ежегодно в кассу общества взносы в размере 5 рублей. Таких в обществе насчитывалось большинство.

Независимо от уплаты денежных взносов звание действительного члена могло быть присвоено по постановлению общего собрания членов лицам, содействовавшим безвозмездным своим трудом реализации целей общества. Например, медикам, бесплатно оказывающим помощь больным; учителям, безвозмездно обучающим детей, находящихся на попечении общества; лицам, изъявившим желание взять на содержание или на воспитание кого-либо из бедных, покровительствуемых обществом. Членами-сореволюателями (или сотрудниками) являлись лица, вносящие ежегодно 2 рубля в кассу общества, помогающие действительным членам в выполнении обязанностей по обществу. Сотрудники приглашались почётными и действительными членами и у-

верждались в своём звании правлением общества согласно установленным общим собранием правилам. Необходимо отметить, что сотрудники не пользовались на собраниях общества правом решающего голоса, но им можно было поручать под наблюдением действительных членов исполнение таких обязанностей, как обследование положения нуждающихся и т.п.

Первоначальный состав общества состоял из учредителей, которые получали звание почётных или действительных членов согласно принятым ими на себя обязательствам. Все члены общества, не оплатившие до ближайшего общего собрания причитающихся с них годовых взносов, не имели права участвовать в этом собрании. Члены же, не оплатившие взносов в течение года или не исполнявшие в течение этого же срока принятых на себя обязанностей по обществу, считались выбывшими из его состава с сохранением, однако, права вновь вступить на общем основании [5, с. 3].

Как свидетельствуют архивные документы, члены благотворительных обществ сами должны были проявлять образец дисциплинированности и благодетели. Если своими действиями кто-то нарушал интересы общества, то его могли исключить по постановлению общего собрания.

Важным условием существования обществ было финансирование. Основными источниками доходов, как отмечается в архивных документах, являлись членские взносы, доходы от капиталов и имущества общества, пожертвования членов общества и посторонних лиц, а также различных учреждений как деньгами, так и вещами, а также отказав по духовным завещаниям в пользу общества, доходы от устраиваемых обществом, драматических представлений, литературных чтений, публичных лекций, концертов и т.п., сбор по подписным листам и книжкам, издаваемым членами общества [5, с. 4].

Необходимо отметить, что за использованием средств осуществлялся контроль. Так, по всем поступающим в общество и жертвуемым суммам и вещам велась точная запись и отчётность в их расходовании. Все поступающие в общество суммы по своему назначению подразделялись на капиталы – неприкосновенный и расходный.

Помощь общества могла выражаться, как отмечалось в уставах, в «снабжении одеждой, пищею и приютом неимущих, если они не могут приобретать их собственными трудами, равно выдачею им в крайних случаях денежных пособий; содействием в поиске нуждающимся занятий или службы, к приобретению ими для работы материалов и инструментов и к выгодному сбыту изделий бедных тружеников; снабжением бедных больных медицинскими пособиями под наблюдением врача на дому, а также помещением таких больных за счёт общества, в больницы и содействие в погребении умерших; определением престарелых и немощных людей в богадельни, дома призрения и т.п., а малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, ремесленные и учебные заведения; облегчением и доставлением способов для призрения и воспитания сирот и детей, неимущих или неизвестных родителей; доставление неимущим людям средств возвратиться на родину» [5, с. 2].

Благотворительному обществу предоставлялось право создавать, согласно постановлению общего собрания, запасной и специальный капитал. Образующие в таком случае специальные капиталы составлялись из пожертвований, делаемых со строго определенной целью, и отчислений из общих доходов общества, если это признавалось общим собранием.

Неприкосновенный капитал состоял из пожертвований и других взносов, произведённых при условии их неприкосновенности, а также от процентов, отчисляемых со всех доходов общества. Размер этих отчислений определялся общим собранием. Порядок образования и расходования запасного капитала также определялся общим собранием [5, с. 3].

Расходный капитал образовывался из всех прочих сумм, а также от процентов с неприкосновенного и запасного (если таковой будет) капиталов. Все капиталы общества по мере накопления обращались в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги и хранились в учреждениях Государственного банка, в сберегательных кассах и казначействах, производящих банковские операции. Туда же на текущий счёт вносился и расходный капитал общества, который мог храниться и в книгах сберегательной кассы. На руках у казначея могли находиться лишь незначительные суммы, необходимые на ближайшие текущие расходы. Расходование сумм производилось с разрешения общего собрания всех членов общества [5, с. 6].

В начале XX в. римско-католические благотворительные общества действовали практически во всех белорусских губерниях. В Минской губернии они существовали при Слуцком костёле св. Антона, Пинском костёле Пресвятой Девы Марии, Бобруйском костёле Пресвятой Девы Марии. Так, Слуцкое римско-католическое благотворительное общество было основано летом 1907 г. Устав его был рассмотрен 4 августа 1907 г. на заседании Минского губернского по делам об обществах Присутствия и внесён в реестр обществ и союзов Минской губернии под № 25 [6, с. 1]. В 1910 г. доход общества составил 1926,41 руб., а расход – 1056,40 руб. Денежной помощью этого общества воспользовались 30 лиц, медицинской – 10, вещами и продуктами – 14, содействовали обучению – 14 человек [7, с. 48]. В 1913 г. денежной помощью воспользовались 34 человека, медицинской – 6, вещами и продуктами – 13, содействовали обучению – 11, найдена работа 2 лицам [8, с. 55].

Пинское римско-католическое благотворительное общество было основано 10 июня 1897 г. с разрешения министра внутренних дел России И.Л. Горемыкина [9, с. 1]. На 1 января 1914 г. в нём насчитывалось 4540,36 рублей остаточных средств. Денежной помощью этого общества воспользовались в 1913 г. 118 лиц, медицинской – 16 [8, с. 59].

Председателем Бобруйского римско-католического общества являлся декан ксёндз В. Пацевич, заместителем председателя С. Келлчевский, казначеем И. Ковалевский, секретарем П. Антонович [10, с. 55]. К 1 января 1914 г. общество располагало средствами в сумме 3152,09 рублей. Денежной помощью этого общества в 1913 г. воспользовались 98 лиц, вещами и продуктами – 16 [8, с. 65].

В Минске действовало «Общество дам милосердия Св. Викентия из Паули». В нём состояли лица римско-католического вероисповедания исключительно женского пола. Целью общества являлось «исполнение всякого рода дел милосердия, преимущественно оказание нравственной помощи бедным и больным, главным образом, посредством личного посещения нуждающихся». Их деятельность ограничивалась лишь пределами г. Минска. Члены общества разделялись на почётных и действительных. Управление делами общества возлагалось на Совет общества и на общее собрание его членов. Возглавлял общество Совет, который находился в г. Минске. Он состоял из председательницы, двух вице-председательниц, секретарши, кассирши и 6 членов – всего 11 человек. Общество оказывало помощь во всех несчастных случаях и обстоятельствах, снабжая одеждой, пищей и приютом неимущих. В некоторых случаях выдавались денежные пособия, приобретались материалы для работы и инструменты для мелких ремесленников, снабжались бедные больные лекарствами. Общество брало на учёт престарелых и немощных и, по мере возможности, определяло их в богадельни, дома призрения и т.п. [11, с. 222].

В начале XX в. по-прежнему активно действовало Минское католическое благотворительное общество. Оно было основано ещё в марте 1811 г. с разрешения министра внутренних дел России О.П. Козодавлева. Инициатива создания исходила от мин-

ского католического епископа Я. Дедерко, «задавшегося целью основать в г. Минске дом призрения и госпиталь». Он же и возглавил общество. В его составе в 1910 г. числилось 10 почётных членов, 8 благотворителей и 142 действительных члена. Наиболее существенную благотворительную помощь оказали А. Ходасевич, который внёс 30000 рублей на содержание в приюте мастерских, графиня Е. Чапская, внёсшая 6000 рублей на учреждение в больнице палаты для грудных детей. Для увековечения памяти всех лиц, которые внесли пожертвования в фонд общества, их именами были названы в больнице 2 комнаты и 16 коек [12, с. 25].

В начале XX в. в структуре общества произошли изменения. Главным руководящим органом стал Совет, который состоял из 17 человек во главе с графом Г. Чапским. На заседания Совета приглашались состоящие при обществе православный и католические священнослужители. Совет в исполнении своих обязанностей руководствовался инструкцией, составленной и одобренной обществом в 1886 г. [13, с. 45]. При обществе действовала больница, в которой в разное время находилось до 200 человек, приют для мальчиков и девочек, рассчитанный на 40 койко-мест, бесплатная столовая, которая обеспечивала бедных в зимнее время, дешёвая кухня, где также раздавались бесплатные обеды, чайная. Общество выдавало до 40000 бесплатных обедов в год [13, с. 25]. Кроме того, при Минском Кальварийском филиальном костёле существовала богадельня на 20 человек. Больные содержались на средства, отпущенные городской управой в размере 300 рублей, и на добровольные пожертвования прихожан и на проценты от сумм, находящихся в римско-католической коллегии [8, с. 45]. При Раковском костёле Пресвятой Девы Марии и Святого Духа действовала богадельня на 6 человек. Она содержалась на добровольные пожертвования [15, с. 46].

В Виленской губернии активно действовали римско-католические благотворительные общества при Дисненском и Лидском филиальных костёлах. Дисненское благотворительное общество было учреждено определением Виленского губернского по делам об обществах и союзах Присутствия от 15 февраля 1907 г. Его устав был внесён Виленским губернатором Д. Любимовым в реестр за 1907 г. под № 16 [16, с. 1].

Регистрация Лидского благотворительного общества была разрешена определением Виленского губернского по делам об обществах и союзах Присутствия от 21 декабря 1907 г. Устав его был внесён Виленским губернатором Д. Любимовым в реестр за 1907 г. под № 83 [17, с. 1]. Председателем общества был ксёндз И. Шкоп, заместителем В. Скавинская, секретарем ксёндз В. Кузьмицкий, казначеем З. Добровольский, членами правления – Ч. Мейлунь, Е. Путято, Л. Висьмонт. Для проверки правильности расходования средств при обществе существовала ревизионная комиссия. Председателем её был ксёндз Ф. Ратынский, членами – ксёндзы Б. Красодонский и И. Вяжель. Всего в составе благотворительного общества числилось 100 человек, в том числе 2 почётных члена (Ф.А. Пуйдак, Я.А. Юрша), 29 действительных членов (внёсших по 20 руб. – 1, по 10 руб. – 2, по 6 руб. – 1, по 5 руб. – 25) и 69 членов соревнователей (внёсших по 3 руб. – 8, по 2,50 руб. – 1, по 2 руб. – 13, по 1,50 руб. – 3, по 1 руб. – 44) [17, с. 3].

Основная деятельность общества была направлена на сбор денежных средств и оказание благотворительной помощи наиболее нуждающимся католикам, на содержание сирот из Лиды в богоугодном заведении «Сердце Иисуса» в Вильно. За счёт средств общества несколько человек обучалось в ремесленных и учебных заведениях. Для похорон нищих приобретались гробы, выделялись ежемесячные пособия [17, с. 4].

Деятельность общества активизировалось в начале Первой мировой войны. Министром внутренних дел России Н.А. Маклаковым было разрешено обществу проведение кружечного сбора в Лидском костёле 4 ноября 1914 г. В результате было собрано

66 руб. 97 коп. На 31 декабря 1914 г. денежный остаток общества составлял 1192,49 рубля [17, с. 3].

В Витебской губернии существовали римско-католические благотворительные общества при Витебском костёле Св. Антона Падуанского, Двинском костёле Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, Режицком костёле Сердца Иисуса.

Председателем Витебского римско-католического благотворительного общества являлся витебский декан ксёндз Б. Андрушкевич, заместителем – А. Рожновский, казначеем – Ю. Смигельская, секретарём – М. Недзвецкий. Членами общества были В. Бомас, А. Буйницкий, А. Гениум, ксендзы И. Рудис и В. Хруцкий. При обществе находился приют, председателем которого был М. Недзвецкий, членами – А. Гениум, ксёндз И. Рудис, Е. Рожновская, С. Хруцкая [18, с. 65].

Двинское благотворительное общество было основано 19 августа 1905 г. Его устав зарегистрирован согласно постановлению Губернского по делам Присутствия 28 февраля 1906 г. Обществом руководил Комитет во главе с ксёндзом Х. Пржемоцким, секретарём И. Хлюдзинским, казначеем В. Чешейко-Сохацким. Членами общества числились доктор К. Ноишевский, В. Шавдин, ксендзы В. Балюль и В. Гаудзе. Всего в составе благотворительного общества насчитывалось 150 человек. Печатного органа общество не имело [19, с. 515]. К 1907 г. в нём уже состояло 337 членов (в 1909 г. – 417), в том числе 288 действительных (в 1909 г. – 401) и 49 членов-соревнователей (в 1909 г. – 12). Почётными членами являлись двинский декан ксёндз И. Секлюцкий, Л. Якубович, графиня Я. Плятер-Зибберг. При обществе с 14 января 1908 г. действовал приют и платная библиотека-читальня [20, с. 3].

Режицкое благотворительное общество было основано 31 августа 1907 г. Оно состояло из 40 членов. Доходность общества составляли членские взносы и проводимые с этой целью концерты, вечера, лекции. В общей сложности собиралось до 700 руб. в год. Капиталов и долгов общество не имело [21, с. 612].

В Витебской губернии по закону «Об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. были зарегистрированы Полоцкое 13 июля 1906 г., Загацкое 25 августа 1906 г., (5 января 1907 г.) Селищское римско-католические благотворительные общества [21, с. 614]. К сожалению, в архивных документах не удалось пока обнаружить больше материалов, которые освещали бы деятельность этих обществ.

Заслуживает внимания деятельность римско-католического благотворительного общества при Фарном костёле в г. Гродно. Оно было единственным такого рода обществом во всей губернии. Основано оно было в августе 1907 г. с разрешения министра внутренних дел России И. Морозова [22, с. 2]. Инициатива исходила от гродненского декана настоятеля Фарного костёла ксендза Ю. Эллерта. Он же и возглавил общество. В состав входили ксёндз Бригидского костёла М. Глембоцкий, лидский декан ксёндз Шкоп, сокольский декан Сонгайло, настоятель Велико-Берестовицкого костёла ксёндз А. Михневич, настоятель Индурского костёла ксёндз Саболевский, настоятель Квасовского костёла ксёндз И. Бурба, а также ксендзы Фарного костёла: Ф. Гринкевич, Ярош, П. Мазур, Грусиковский, А. Свиль, Воеводский, Ф. Бобнис, Тежик. Всего в его составе по состоянию на 1910 г. числилось 139 человек [23, с. 70]. В обществе насчитывалось 20 почётных членов. Среди них титулованные лица князь Станислав Святополк-Четвертинский и княжна Мария Святополк-Четвертинская, граф Родриг Потоцкий и графиня Мария Потоцкая. Общество занималось улучшением материального и нравственного состояния бедных католиков гродненских приходов без различия пола, возраста, званий и состояния. Помощь общества выражалась в снабжении одеждой, пищей и приютом неимущих, выдачею им в крайних случаях денежных пособий; содействием в поиске нуждающимся занятий или службы, снабжением бедных больных медицинскими пособиями под наблюдением врача на дому, а также помещением таких больных за

счёт общества в больницы и содействие в погребении умерших; определением престарелых и немощных людей в богадельни, дома призрения, а малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, ремесленные и учебные заведения [3, с. 20]. В таблице приведены сведения об основных поступлений и расходных денежных средств общества за 1908–1912 гг. [24, с. 15].

Таблица – Поступления и расходования денежных средств общества при Фарюм костёле г. Гродно за 1908–1912 гг.

Год	Приход, руб.	Расход, руб.	Остаток, руб.
1908	1370	547,71	822,29
1909	2670,56	3370,84	122,01
1910	2723,85	2435,19	410,76
1911	2703,51	2480,23	634,04
1912	2413,06	2415,61	632,03

Заключение

Таким образом, деятельность католических благотворительных обществ в белорусских губерниях в начале XX в. играла определённую роль в социальной жизни общества. Оказываемая ими помощь нуждающимся католикам являлась свидетельством проявления христианской морали, добродетели, милосердия, что свидетельствовало также и о целенаправленной миссионерской деятельности Римско-Католической Церкви. Однако благотворительность не получила широкого распространения по ряду причин. Во-первых, царское правительство стремилось законодательным путём ограничить сферу влияния Римско-Католической Церкви. Это отразилось и в контроле за деятельностью обществ. Во-вторых, в состав обществ входили лишь имущие граждане, обладающие определёнными доходами и имеющие в силу этого возможность заниматься благотворительностью. Как свидетельствуют архивные документы, таких людей было не очень много. Всё же несмотря на то, что общества были немногочисленными и обладали незначительным количеством денежных средств, они оказывали определённую поддержку многим обездоленным людям, давали приют и попечение увечным, больным, старикам, беспомощным, стремились предотвратить остающихся без присмотра детей от развращающего влияния улицы и направить их на путь трудолюбивой и честной жизни. Людей, одержимых физическими недугами, общества хотели оградить от среды, для которой они были бременем, возратить им в некоторой степени работоспособность или, по крайней мере, смягчить страдания. Повсеместная посильная помощь попавшим в беду становилась одной из целей благотворительности Церкви. Та работа, которую проводили общества, даёт основание утверждать, что она несколько улучшала материальное положение наиболее социально незащищённых слоёв населения.

Материалы статьи могут быть использованы для исследований истории Римско-Католической Церкви в Беларуси, обобщающих работ по отечественной истории, в преподавании курсов и спецкурсов по истории Беларуси и христианских конфессий, в практической работе идеологических отделов исполкомов советов депутатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
2. Ярмусик, Э.С. Католический костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939–1945) / Э.С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 240 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1830. – Собр. 1-е. – Т. 20. – 1246 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1885–1916. – Собр. 3-е. – Т. 26. – 1241 с.
5. Примерный устав о бедных // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 299. – Оп. 2. – Д. 13248.
6. Устав Слуцкого римско-католического благотворительного общества, Слуцк : Тип. Н. Рубинштейна, 1907. – 12 с.
7. Обзор Минской губернии за 1910 год. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губернская типография, 1911. – 185 с.
8. Обзор Минской губернии за 1913 год. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губернская типография, 1914. – 190 с.
9. Устав Пинского римско-католического благотворительного общества. Пинск: Тип. Р. Вильковича, 1902. – 20 с.
10. Обзор Минской губернии за 1916 год. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губернская типография, 1917. – 192 с.
11. О римско-католических обществах, приютах и богадельнях // Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 128. – Д. 1295.
12. Минское благотворительное общество (1881 – 1911). – Минск : Илья Каплан, 1911. – 30 с.
13. Сведения о числе сметных сумм выделенных на постройку Римско-католических богослужебных заведений в Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 8556.
14. Обзор Минской губернии за 1914 год. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губернская типография, 1915. – 187 с.
15. Сведения о Римско-католических и терциарских братствах в Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7596.
16. Устав Дисненского римско-католического благотворительного общества. Вильно : Тип. И. Завадского, 1907. – 28 с.
17. Отчёт правления Лидского римско-католического благотворительного общества за 1914 г. – Вильно : Тип. А. Рутковского, 1915. – 20 с.
18. Обзор Витебской губернии за 1914 год. Издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск: Губернская типография, 1915. – 185 с.
19. О доставлении сведений о политических партиях и союзах // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1284. – Оп. 187. – Д. 157.
20. Отчёт правления Двинского Общества пособия бедным римско-католического исповедания за 1907 г. – Двинск : Тип. «Двинского листка», 1908. – 17 с.
21. Благотворительные римско-католические общества в Витебской губернии // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1284. – Оп. 187. – Д. 17.
22. Устав благотворительного общества при Фарном Костёле // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 259. – Оп. 2. – Д. 108.
23. Список членов благотворительного общества при Фарном Костёле // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 259. – Оп. 2. – Д. 109.

---

24. Книга о приходе и расходе денежных средств благотворительного общества при Фарном Костёле // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 259. – Оп. 2. – Д. 111.

Pavshok A.V. Catholic Charity Societies on the Territory of Belarus at the Beginning of the 20th Century

In the article the problems connected with functioning of catholic charity societies in Belarusian regions are discussed. Charity was one of the forms of missionary activities of Roman Catholic church, that helped strengthening of its position in different societies. The attitude of royal policy to charity activities of catholic church is characterized in the article. Charters, forms of functioning and their role in social life are analyzed. The problem research is based on the documents taken from National historian archives of Grodno and Minsk, Russian state historian archives in Saint-Petersburg. Many documents are analyzed for the first time.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.04.2010

УДК 330.163.2(476)

А.В. Черновалов

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЫНОЧНЫХ ИНСТИТУТОВ В РАМКАХ БЕЛОРУССКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются процессы формирования и развития институциональной среды в трансформирующихся экономиках. Разрабатываются методологические подходы к пониманию различных стилей в законотворчестве, используемых для целей формирования рыночных хозяйственных институтов. Предлагаются некоторые методы обоснования качественных и количественных параметров институциональной эффективности.

Введение

При осуществлении экономической политики предполагается, что правительство любого государства придерживается заповеди: «не навреди». Этот тезис понятен большинству чиновников. Однако зачастую, искренне желая не навредить, некоторые лица делают все наоборот: они переиначивают на собственный лад утвержденные государством формальные экономические «правила игры»¹. К сожалению, и мы, экономисты-теоретики недалеко ушли от коллег-практиков и продолжаем культивировать в научных исследованиях такие подходы к трансформационным экономическим процессам, которые более схожи с реализацией инженерных решений (например, строительством моста), нежели с формированием отношений между людьми (что можно сравнить с поведением «садовника, общающегося с живыми растениями»). Иначе говоря, в научных работах (дипломных, кандидатских, докторских) продолжает доминировать механистический подход к реализации приемов моделирования экономических систем. Подобные явления некоторые ученые связывают с фактическим отсутствием в Беларуси национальной институциональной школы в теоретической экономической науке. [1, с. 555; 2, с. 609]. Поэтому центром моделирования у белорусских экономистов-исследователей продолжает оставаться неоклассический «экономический человек», несмотря на то, что в XXI веке изменились как риски, так и угрозы, влияющие на ход экономического развития государств.

А сознаем ли мы тот факт, что реализация таких важных функций управления, как планирование и прогнозирование, у нас все еще происходит в рамках нулевых транзакционных издержек, то есть в рамках традиционной неоклассики, которую мы так активно критикуем уже почти столетие, начиная с Дж. Кейнса. Мы считаем, что разработанные нами бизнес-планы, планы маркетинга, планы производственного развития и прочие прогнозные документы будут исполняться исключительно рациональными, добросовестными и честными управленцами, то есть *en ante* экономисты в своей деятельности основываются на неоклассической модели экономического человека, характеризующегося в своем поведении полной рациональностью. Мы не предполагаем в планировании, что контракты в течение планового периода могут быть пересмотрены, а ино-

---

¹ Например, председатель Комитета по экономике Брестского облисполкома на почетном месте в книжном ряду держит зарубежный учебник «Экономикс», утверждая при этом, что экономика в любом государстве должна быть «чистой», т.е. отделенной от существующих социальных проблем общества, что явно не согласуется с общей социальной направленностью экономической политики государства.

странные государства могут ввести ограничения на ввоз нашей продукции, что со стороны контрагентов может осуществляться оппортунистическое поведение и т.д. и т.п.

Иначе говоря, методики планирования находятся в тех рамках, которые, говоря языком институциональной теории, характеризуются первой частью теоремы Р. Коуза, где утверждается, что «конечный результат, максимизирующий ценность производства не зависит от правовой системы, если трансакционные издержки равны нулю». Но Коуз призывал не к тому, чтобы мы своими действиями подтверждали правоту этой части его теоремы, а к тому, чтобы экономисты стали изучать мир с положительными трансакционными издержками, отрекшись при этом от идеалистической неоклассической картины мира, в центре которой господствует экономический человек, осуществляющий хозяйственную деятельность по *принципу методологического индивидуализма*.

В этой связи появление в Белорусском экономическом журнале статьи А.И. Лученка «Использование неинституциональных подходов в белорусской экономической модели» [3, с. 4–12] можно считать событием, которое вызывает живой научный интерес и дает, как нам представляется, возможность развития в белорусской научной среде экономистов теоретиков дискуссии по существу поднятых проблем.

В представленной вниманию читателей статье мы, используя рамки новой институциональной экономической теории, созданной лауреатом Нобелевской премии по экономике 2009 г. О. Уильямсоном,² предполагаем реализовать следующие задачи: 1) обосновать методологические основы исследования институциональной среды, в которой функционирует белорусская экономическая модель 2) оценить возможности применения теоремы Коуза для исследования значения трансакционных издержек при формировании белорусской системы хозяйственных институтов. Все это позволит сформулировать критерии оценки эффективности рыночных институтов для условий Беларуси.

О концептуальной значимости принципа методологического индивидуализма

Изучение материалов статьи А. Лученка вызывает ряд вопросов методологического характера. Так, например, мы читаем, что «...следует с настороженностью относиться к попыткам отдельных представителей российской экономической науки отождествлять неинституционализм с подходами, господствовавшими в советской экономической науке. В частности, В.Г. Гребенников считает одним из важнейших принципов институционализма принцип методологического социализма (или методологического коллективизма)... такой подход к институционализму малоэффективен...» [3, с. 7]. Подчеркивая концептуальную важность той или иной трактовки **принципа методологического индивидуализма** для идентификации *неинституционализма* либо *новой институциональной теории*, отметим, что принцип **методологического коллективизма** к уже оформившимся современным институциональным течениям не имеет никакого отношения, так как «забрел» в рассматриваемое исследовательское пространство совершенно случайно и благодаря инициативе самого В.Г. Гребенникова. Поэтому эффективность либо неэффективность принципа методологического коллективизма исследовать излишне, необходимо разобраться вначале с тем влиянием, которое оказывает на различные экономические парадигмы принцип методологического индивидуализма.

Значимость трактовки принципа методологического индивидуализма, несомненно, проявляется в концептуальном разграничении различных течений в рамках самого институционализма. Для объяснения порядка такого разграничения удобно ис-

---

² К сожалению, А.И. Лученок не показал в своей работе принципиальной методологической разницы между неинституционализмом и новой институциональной экономической теорией, что привело к использованию им в своей работе теоретической платформы неоклассики.

пользовать демаркационный критерий научно-исследовательских программ (НИП), имеющих характеристики научных парадигм, которые предложил Имре Лакатош. Как известно, «жесткое ядро» неоклассической парадигмы (современный мейнстрим, изучаемый во всех университетах мира, в том числе и в БрГУ им. А.С. Пушкина³) наряду с концепциями *устойчивых предпочтений, рационального максимизирующего поведения, отсутствия информационных проблем и существования равновесных схем взаимодействия*, использует также **принцип методологического индивидуализма**.

В свое время, предприняв попытку дополнения «жесткого ядра» неоклассического направления **концепцией трансакционных издержек**, Р. Коуз и его последователи образовали парадигму **неоинституциональной экономической теории** (НЭТ)⁴, которая стала исходной платформой для появления *«теории прав собственности», «экономической теории права», «теории общественного выбора»* и некоторых других. Этого направления развития институционализма придерживаются Р. Коуз, Р. Познер, Дж. Бьюкенен, Дж. Стиглер на Западе и О. Алейник, Р.С. Капелюшников, В. Тамбовцев и другие в России. Оливер Уильямсон и его последователи (Дж. Ходжсон) изменили исследовательскую парадигму, переработав, кроме всего прочего, и структуру «жесткого ядра» неоклассики [4. с. 14–17]. В результате возникло новое исследовательское направление, которое принято обозначать как **новая институциональная экономическая теория** (НИЭТ)⁵. Последняя, в соответствии с подходом И. Лакотоша, включает в «жесткое ядро» новой экономической парадигмы концепции *ограниченной рациональности; множественности равновесных состояний, отказа от методологического индивидуализма и объяснения значимости институтов, ценности информации*⁶.

Так как же быть методологическим индивидуализмом? С одной стороны, принцип методологического индивидуализма неприемлем, так как не позволяет количественно оценить степень реализации функции полезности в экономике, а также уводит экономистов от применения метода индукции к преимущественному использованию гипотетико-дедукционных моделей, с другой – методологический индивидуализм ограничивает рамки предметной области экономики и не дает возможности включить в экономический анализ институты, трансакционные издержки, установить стоимостные характеристики информации, расширить трактовку категории экономической эффективности. Эта методологическая проблема, по предложению Дж. Ходжсона, разрешается следующим образом: для современных институциональных исследований значимым должен стать **принцип целеустремленного индивида** [5. с. 96–118] – В его основе лежат определенные институты реального мира, поэтому современный институционализм рассматривает проблему методологического индивидуализма следующим образом: *методологический индивидуализм есть действия целеустремленного индивида, реагирующего на существующие в экономической системе институты, которые направляют и ограничивают его действия. При этом институты и культура играют доминирующую роль в формировании самих целей и оказывают влияние на последние*⁷.

³ Кстати говоря, мейнстрим, являясь методологической базой основных университетских курсов, взрастил такие популярные научно-практические дисциплины, как маркетинг, менеджмент, бухгалтерский учет, статистику, экономику предприятия, бизнес-планирование и прочие. Несмотря на критику со всех сторон, заменять эти дисциплины в учебных планах подготовки экономистов никто в ближайшем будущем не собирается.

⁴ Вторая половина двадцатого столетия, место действия – американские университеты.

⁵ Восьмидесятые годы двадцатого столетия, место действия то же.

⁶ Далее: имея в виду неоинституционализм и новую институциональную теорию как два самостоятельных институциональных течения современности, мы будем употреблять термин «современный институционализм».

⁷ Вот при таком подходе бизнес-планирование должно будет прогнозировать не только количественные параметры прибыли, но и будущую хозяйственную ситуацию, связанную с изменением законодательства

Итак, какой же можно сделать вывод по поводу применимости в современных экономических течениях принципа методологического индивидуализма? По нашему мнению, этот вывод следующий: использование *неоинституционализма*, имеющего в своей основе «жесткое ядро» неоклассики, где представлен ортодоксальный принцип методологического индивидуализма и на который уповает господин А. Лученок, для характеристики *белорусской экономической модели* контрпродуктивен. Так как, во-первых: применение указанного принципа для экономических исследований отрицает наличие гармонии между валовыми показателями и ориентацией на прибыль, во-вторых, в данном случае не учитывается идеологическая и социальная составляющие белорусской экономической политики.

Только *новая институциональная экономическая теория*, модифицировавшая принцип методологического индивидуализма в принцип целеустремленного индивида, как будет показано ниже, при введении определенных ограничений, может служить методологической основой для исследования природы и содержания *институциональной среды* таких сложных и мутировавших экономических систем как по отношению к западной капиталистической, так и к прошлой социалистической модели функционирования, экономических систем, которые принято называть трансформирующимися экономикой. Только принцип целеустремленного индивида может привести к формулированию параметров институциональной эффективности таких экономических систем. Возможность сопоставления этих параметров имеет важное экономическое и политическое значение.

Возвращаясь к полемике с А. Лученком, следует отметить, что новая институциональная экономическая теория отвергает не только принцип методологического индивидуализма, но и методологию маржинального и равновесного анализа и берет на вооружение эволюционно-социологические методы для критики и неоклассики, и неоинституционализма. Используя неоинституциональную методологическую базу, довольно сложно критиковать мейнстрим в отношении его ограниченности, а именно это и пытается осуществить А. Лученок, излагая следующее: «Изучение специфики проведения экономической политики в Республике Беларусь приводит к выявлению ряда ситуаций, которые сложно понять, опираясь на неоклассические теории макроэкономического регулирования. В частности, как на основе постулата теорий мейнстрима о том, что субъекты хозяйствования должны поступать исходя из максимальной экономической выгоды для себя, объяснить наращивание предприятиями валовых показателей в ущерб показателям прибыли» [3, с. 4]. Критикуя неоклассику, автор в своей работе возвращается на ее же исследовательские позиции, защищая в последующем принцип методологического индивидуализма⁸, утверждая, что «по существу, сторонники этого (методологического социализма – авт.) подхода ориентированы на игнорирование личных интересов индивидов, предлагая экономической науке изучение экономических проблем только с уровня коллективов. По нашему мнению, такой подход к институционализму малоэффективен, поскольку именно игнорирование экономических интересов индивидов, ориентация только на коллективные и государственные интересы

и его эластичностью по отношению к условиям ведения бизнеса. А в этом случае студенты-экономисты, кроме уже известных неоклассических дисциплин, обязаны будут изучать предметы: «экономика права», «теория прав собственности», «теория общественного выбора», «теория специфических активов», «вертикальная интеграция в бизнесе» и прочие.

⁸ Такой принцип, кстати говоря, игнорирует законодательные правила, устанавливаемые государством для регулирования хозяйственной деятельности. Говоря языком новой институциональной теории, экономика в этом случае находится в состоянии нулевых трансакционных издержек, то есть правовая система не действует.

часто приводили к серьезным социально-экономическим кризисам и возникновению институциональных ловушек» [3, с. 7].

Такой теоретический тезис, основанный на доминировании в неоклассической теории либеральной идеи, использующей принцип методологического индивидуализма, может помочь угодить уже в серьезную *идеологическую ловушку* (по принципу «каждый сам за себя», «каждый сам кузнец своего счастья» или «богатым быть еще богаче»), находящуюся в решительном противоречии со славянской (белорусской) национальной идеей и традицией. Более того, этот методологический принцип не позволяет объяснить многие современные явления в белорусской экономике, как-то: фирма, предприятие или организация, широкое государственное вмешательство в экономику вплоть до установления валовых показателей субъектам хозяйствования, особенности национальных экономических институтов, не похожих на западные образцы, национальный процесс формирования социально-ориентированной политики экономического роста и прочее.

Так, с позиции неоклассической школы, крупная фирма неправильно трактуется как субъект, преследующий одну единственную цель – *максимизацию прибыли или полезности*⁹, в то время как индивидуальная целеустремленность владельцев фирмы на прибыль и групповая (или коллективная) ориентации работников на высокую заработную плату, а государственных регулирующих органов на валовый выпуск неоклассической игнорируются, но могут быть объяснены с методологических позиций новой институциональной экономической теории, использующей принцип целеустремленного индивида, действующего в рамках правовой системы конкретного государства.

Институциональная среда белорусской экономической модели

Следует полностью согласиться с утверждением А. Лученка о специфичности постсоветского менталитета и несоответствии существовавших традиций и привычек осуществлявшимся в начале 1990-х годов рыночными преобразованиями [3, с. 5]. Об этом же говорит и Б. Ерзнкян: «Практика выявила несоответствие институтов корпоративного управления, импортируемых из развитых стран, реальным потребностям предприятий в переходных экономиках, о чем свидетельствует целый ряд эмпирических исследований» [4, с. 131]. Но как же осуществить преобразования существовавшей планово-административной экономической системы, для того чтобы люди в нашей стране жили лучше нежели ранее: импортировать западные институты, или «выращивать» их в собственной институциональной среде? [6.с. 12].

Для правильной оценки результатов рыночных преобразований следует рассмотреть проблему эволюции институциональной среды, и здесь мы считаем необходимым добавить к нашему анализу, кроме исследований укоренившихся советских управленческих традиций, еще и изучение доминирующего в каждом государстве конфессионального фактора, который даже в годы советской власти трансформировал существовавший на бытовом уровне способ хозяйственной выживаемости граждан (например, к крещению детей и празднованию Пасхи втайне прибегали даже некоторые партийные руководители). Кроме того, и сама советская правовая управленческая традиция, под которой мы понимаем специфические хозяйственные институты и советский идеологизированный менталитет, формировала традиционные привычки и обычаи в хозяйствен-

---

⁹ По этому поводу следует заметить, что для большинства современных компаний и фирм важно иметь не высокую прибыль или рентабельность, а высокий уровень *капитализации*, что означает максимально высокий уровень цен на находящиеся в обращении акции и другие ценные бумаги этих организаций. Особое значение в этих условиях приобретают понятия имидж, бренд, торговая марка, инновационная продукция.

ной деятельности. При «вживлении» этих управленческих традиций в специфическую конфессионально-культурную почву она приобретала соответствующие национальные характеристики (узбекские, грузинские, белорусские и прочие).

Таким образом, проблема анализа приспособляемости рыночных институтов к белорусской национальной традиции, по нашему мнению, разделяется на следующие составляющие, требующие своего изучения. Во-первых, исследование особенностей *институциональной среды*, под которой мы понимаем совокупность действующих в государстве институтов и культурно-национальных традиций, предполагающих как минимум два обстоятельства:

1) институты и традиции связаны между собой;

2) их состав принципиально неоднороден (иначе говоря, институциональная среда есть совокупность правил и традиций, определяющих человеческое поведение). Во-вторых, формулирование некоторого перечня основных *рыночных институтов*, которые используются в концепции экономической политики действующего правительства и формируют так называемую *институциональную систему*. В третьих, выбор концепции импортирования или «выращивания» хозяйственных институтов на нашей белорусской конфессионально-культурной почве, чтобы избежать указанных А. Лученком проблем расхождения между неформальными нормами и формальными актами [3. с. 6].

Теперь попытаемся классифицировать существующие конфессионально-культурные и правовые традиции, образующие социальные нормы той или иной институциональной среды. Определив первые как моно- или поликонфессиональные, перейдем к классификации последних. Формальные законодательные правила с внешним механизмом принуждения (собственно и сформировавшие рынок в его современном понимании) имеют две правовые традиции: *романо-германскую и англосаксонскую*.

Возникает вопрос, к какой правовой традиции можно отнести постсоветские страны [7. с. 24]? Вопрос не простой ввиду того, что в советское время законодательно оформленное право функционировало лишь частично (при описании наказаний в судебных процессах); на самом деле действовало так называемое «телефонное право», основу которого (как показывают исследования [8. с. 69]) составляли вышедшие за рамки фирмы ее управленческие «рутины», характерные для командной экономики и распространившиеся на достаточно широкие сферы экономической жизни. Осуществленные на протяжении последних 15 лет институциональные трансформации постсоветских экономических систем привнесли в их состав новые институты, закрепленные в законодательных актах, но не действующие.

Так, Л. Косалс отмечает, что в современной России «законодательные органы... принимают не законы... а административные распоряжения, отражающие интересы... влиятельных лиц (инсайдеров – авт.). Люди относятся к таким законам не как к нормам... которым нужно следовать, а как внешним бюрократическим запретам, принимаемых «начальством» для своей пользы...» [8. с. 69]. Имевшие место нарушения при осуществлении концепции «выращивания» институтов привели к тому, что такие институты (в России, Украине, Беларуси) либо не функционируют (институт ценных бумаг, институт конкуренции и либерального хозяйственного порядка), либо действуют не полностью (институт банкротства, институт ценных бумаг, институт коммерческих банков, институт частной собственности и т.д.).

В ситуации отсутствия функционирующих правил с соответствующим внешним механизмом принуждения его место занимает уже хорошо проверенная в советское время управленческая «рутина», механизм принуждения которой использует свойственные славянской (русской, белорусской) традиции уважение и даже «поклонение» начальнику (руководителю), а также нашу «толерантность» к любым принимаемым наверху решениям. В результате в России, Украине, Беларуси, Казахстане, Узбе-

костане, как, впрочем, в Китае и Вьетнаме, а также других странах, сформировалась *специфические рутинно-нормативная или нормативно-рутинная правовая традиции*.

Рутинно-нормативная традиция предполагает доминирование выработанных в процессе промышленной революции «фирменных рутин» над действующими в государстве законодательными актами, что впоследствии выражается в доминировании на законодательном пространстве *инсайдерского подхода (стиля)* в законотворчестве над *аутсайдерским* (проблема результативности такого подхода является пока неразрешенной, так как страны, использующие его, демонстрируют значительно более высокие темпы роста, нежели западные экономики).

Некоторые страны (Россия, Украина), применив «силовые» варианты насаждения в институциональной среде импортных рыночных институтов («шоковая терапия», «гайдаровщина», «чубайсовщина» или «зурабовщина»), осуществили в этой работе более решительное движение вперед, нежели в Беларуси (где «вживление» институтов происходит в эволюционном режиме «выращивания»). Эти институты (особенно в мегаполисах) начинают действовать, при условии что они вписываются в западную глобальную институциональную среду (например, стран членов ЕС, «восьмерки» и прочее). В результате эти страны сформировали институциональную среду, похожую в чем-то на западную правовую традицию. Однако и это институциональное образование не лишено черт советской «рутинности», которой присуще и «телефонное право», и поклонение вышестоящему руководству, и коррупция, и правовой нигилизм. Поэтому, по нашему мнению, можно констатировать существование еще и *нормативно-рутинной правовой традиции* как специфической особенности постсоветской институциональной среды, использующей как инсайдерский стиль законотворчества для крупных и средних предприятий, так и аутсайдерский к частной предпринимательской среде.

Добавив к действующим правовым традициям те или иные особенности, характеризующие конфессионально-культурный слой, институциональную среду различных государств можно классифицировать следующим образом:

1. Моноконфессиональная с нормативной (романно-германской) правовой традицией (Германия, Австрия, Франция, Испания, Польша, Чехия, Венгрия)
2. Поликонфессиональная с прецедентной (англосаксонской) правовой традицией (США, Англия, Ирландия, Япония, Канада, Австралия).
3. Моноконфессиональная с рутинно-нормативной правовой традицией (Китай, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Молдова, Туркменистан).
4. Поликонфессиональная с нормативно-рутинной правовой традицией (Россия, Украина, страны Прибалтики, Индия).

Полученные классификационные характеристики имеют, по нашему мнению, важное значение для обоснования критериев институциональной эффективности и разработки методики их количественной оценки.

Об инструментах и критериях оценки институциональной эффективности

Многие исследователи неинституционального направления пытаются использовать для характеристики значимости юридической системы западного образца в процессах функционирования рыночных экономических систем теорему Коуза, не учитывая при этом специфических особенностей и классификационных характеристик соответствующей институциональной среды. Солидаризируясь с Б. Эрзкяном, мы придерживаемся точки зрения, заключающейся в том, что теорема Коуза сформулирована для институциональной среды стран с поликонфессиональными обычаями и прецедентной

(англо-саксонской) правовой традицией (США, Япония, Канада, Австралия, Англия, Ирландия)¹⁰.

Наша белорусская институциональная среда характеризуется моноконфессиональной рутинно-нормативной правовой традицией и поэтому, по нашему мнению, не может быть подвергнута экономическому анализу с использованием данного инструментария на всем правовом пространстве реформ, подверженном институциональным трансформациям. Покажем, что при доминировании в Беларуси инсайдерского подхода (стиля) к моделированию законодательных актов и формированию институтов теорема Коуза не действует. Иначе говоря, критерии институциональной эффективности не зависят от размера совокупных трансакционных издержек, но зависят от другого показателя, который мы называем *эластичностью* институтов¹¹ к существующей институциональной среде.

Среди российской научной общественности наиболее известна работа В. Андреева, который применил в ней теорему Коуза для анализа приватизационных процессов в постсоветских странах [9, с. 123]. В своей недавней работе Б. Ерзнкян утверждает: «Не претендуя на истину в последней инстанции, отметим, что основной методологический недостаток и не только подхода Андреева – заключается в ошибочном толковании самого феномена, описываемого теоремой: возможность эффективного перераспределения прав собственности трактуется как его обязательность, как процесс, который непременно должен осуществиться» [8, с. 123].

Эффективность различных моделей корпоративного управления зависит от того, на какое институциональное поле ориентированы корпорации: формальное, правовое (где лучше себя могут показать аутсайдеры в роли собственников) или неформальное, «рутинное» (где эффективность инсайдеров зависит от того, насколько им удастся реализовать потенциал социального и человеческого капитала). Таким образом, инсайдерское моделирование в законодательстве защищает интересы менеджеров (управленцев), а аутсайдерский – собственников акционерного (корпоративного) капитала.

Практика применения законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) в странах, использовавших в качестве основного координационного принципа функционирования экономических агентов плановую экономику (страны СНГ и СВЕ), свидетельствует о том, что чисто механистическое вживление в трансформирующуюся экономическую систему законов аутсайдерского типа как элементов радикально действующего рыночного механизма (в надежде на его самопроизвольную настройку, как это происходит в моделях с нулевыми трансакционными издержками) приводит к значительным трансакционным издержкам, не влияя при этом на эффективность функционирования фирм. Так, типичной ошибкой многих постсоветских и восточноевропейских экономик (Россия, Польша, Украина) стало использование института банкротства не по его функциональному назначению, а для реализации политических задач, связанных с осуществлением быстрой приватизации как некой гарантии от восстановления власти коммунистического направления¹².

¹⁰ «Возможно, исследователи неинституционального направления и правы в стремлении приспособить теорему Коуза к обоснованию преобразований в постсоциалистических странах, но эта работа относится все же к миру, где царит примат формального права, индивидуализма и рационализма, а переходные экономики таким миром не являются» [8, с. 135].

¹¹ Сформированных в инсайдерском или аутсайдерском стилях.

¹² Такая практическая поспешность в осуществлении экономической политики (в том числе с использованием и института банкротства) привела к выведению из севооборотов огромных территорий пахотных земель, приостановлению производства не только на предприятиях потребительского назначения, но и имеющих стратегическое значение для национальных экономик и обороны (Россия, Украина).

Чем можно объяснить столь недальновидную политику? В известной статье В. Андресфа указывается, что «согласно теореме Коуза, исходное распределение прав собственности несущественно с точки зрения экономической эффективности, если эти права четко специфицированы и ими можно обмениваться на совершенно конкурентном рынке» [9, с. 123]. Но это утверждение справедливо для уже сформировавшихся рыночных экономик, в которых права собственности четко специфицированы (простым языком это значит, что большинство граждан владеют акциями предприятий и фирм и знают, как ими правильно распоряжаться), функционирует фондовый рынок, где указанные права собственности подвергаются рыночной оценке с соответствующей этой оценке процедурой реализации (обмена).

Однако в плановых экономиках нет ни рыночных институтов, ни обученных «правилам игры» на основе этих институтов экономических агентов. Как быть? В. Андресф утверждает: «Правительства, нацеленные на создание рыночной экономики, должны прежде всего сформировать эффективную юридическую систему, с помощью которой четко определяются права собственности, легко защищаемые и обмениваемые. Даже если правительство ошибется с первоначальным распределением прав собственности, согласно теореме Коуза, частные агенты исправят эту ошибку а процессе свободных обменов, заключая соответствующие частные контракты» [9, с. 124]. Но как быть, если юридическая система западного образца отторгается институциональной средой рутинно-нормативного типа и распределения прав собственности по западному образцу не существует?

Итак, теорема Коуза будет иметь силу только в том случае, если правительства осуществили мероприятия по распределению прав собственности. Поэтому предприятие командной экономики не подверженное процедурам приватизации, когда права собственности не зафиксированы не может считаться игроком на рыночном поле и, естественно, не может стать объектом, к которому применяются правила, предполагающие участие в «игре» на законодательном поле аутсайдерского стиля. В такой экономической игре могут участвовать лишь фирмы, прошедшие этап приватизации с соответствующими им мероприятиями по реструктуризации производства (реальный собственник не может быть равнодушным к вопросам экономической эффективности производства, так как в дело вложены его личные ресурсы)¹³. Следовательно, противореча Коузу, *конечный результат в виде эффективной деятельности таких фирм в условиях положительных трансакционных издержек не зависит от правовой системы*, так как ее в западном виде не существует. Такие рассуждения подтверждаются и экономическим анализом Б. Ерзьяна [8, с. 133–134].

Заключение

Проблему эффективности институтов в белорусской экономической модели с учетом всего изложенного выше необходимо, как нам представляется, рассматривать в контексте развития исследовательской работы, которая должна дать ответы на такие вопросы, как:

1) применим ли к нашей институциональной среде с рутинно-нормативными характеристиками аутсайдерский (западной) подход к законодательному моделированию, основанному на функционированию сильного внутреннего механизма при-

---

¹³ По нашему мнению, простое переписывание уставов некоторых российских и украинских колхозов или предприятий с последующим их преобразованием во всякого рода общества, не имеет ничего общего с реальным распределением прав собственности в аутсайдерском стиле, в силу того что нормативно-рутинная среда остается неизменной.

нуждения к исполнению действующих социальных норм (например, католическое толкование понятия «грех» значительно жестче, нежели в православной традиции);

2) если аутсайдерский стиль законотворчества не соответствует белорусской реальности, то где взять образцы инсайдерского подхода к законотворчеству (в Китае или др.) и насколько они будут соответствовать институциональной среде с ее моноконфессиональной рутинно-нормативной характеристикой, могут ли при этом подобные сочетания привести к экономии трансакционных издержек;

3) каковы критерии количественной оценки институциональной эффективности: с использованием концепции трансакционных издержек, или примененного в работе принципа эластичности?

Возвращаясь же к работе А. Лученка, необходимо отметить некоторые недостатки, связанные с тем, что, во-первых, в ней нет категориальной чистоты¹⁴. Во-вторых, в конце работы А. Лученка предлагается коэффициентный метод оценки институциональной эффективности, основанный на расчете совокупных трансакционных и других видов издержек, что также имеет сомнительное научное значение ввиду технической невозможности расчета последних [3, с. 11]. По нашему мнению, оценку институциональной эффективности можно осуществлять только по отношению к категории *институциональная система*, но не к *институциональной среде* (как это получилось в работе А. Лученка), которая есть явление исторического порядка и не зависит от влияния того или иного правительства. Кроме того, количественный подход к расчету совокупных трансакционных издержек (что необходимо для расчета коэффициентов) подвергался и подвергается в экономической литературе серьезной критике [10].

Разрешение методической проблемы расчета критериев институциональной эффективности лежит, по нашему мнению, в области формулирования эконометрических моделей, использующих *принцип эластичности*, созданный с использованием инсайдерского или аутсайдерского стилей, *институциональной модели* по отношению к национальной *институциональной среде*.

Ответы на поставленные вопросы мы попытаемся сформулировать в наших последующих статьях, посвященных развитию новой институциональной экономической теории в рамках белорусской теоретической экономической науки, где представим методологию оценки институциональной эффективности, разработанную в рамках научного течения – *институционалистики*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лемещенко, П.С. Экономическое образование в XXI веке: требуется смена научно-образовательной парадигмы / П.С. Лемещенко // Образование для устойчивого развития : мат. междунар. форума. – Минск, 5–6 апр. 2005 г., с. 555.
2. Черновалов, А.В. О необходимости преподавания новой институциональной экономической теории / А.В. Черновалов // Образование для устойчивого развития мат. междунар. форума – Минск, 5–6 апр. 2005 г., с. 609.
3. Лученок, А.И. Использование институциональных подходов в белорусской экономической модели / А.И. Лученок // Белорусский экономический журнал – 2005. – № 2, с. 4–12

¹⁴ Так, например, автор концептуально рассматривает институциональную систему, которая обычно состоит из набора хозяйственных рыночных институтов, но наполняет ее культурными и прочими характеристиками. Иначе говоря, в данном случае имеется в виду белорусская *институциональная среда*, которая имеет собственный перечень тех или иных институтов определенного уровня развития и специфический конфессионально-культурный уклад [3, с. 7].

4. Уильямсон, О.И. Экономические институты капитализма. СПб : Лениздат, 1996., Williamson, Oliver E. The Organization of Work: A Comparative Institutional Assessment // Journal of Economic Behavior and Organization 1 (March) 1980. – P. 14–17.
5. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты / Дж. Ходжсон – М : Дело. – 2003.
6. Кузьминов, Я. Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2005.
7. Тамбовцев, В.Л. Право и экономическая теория / В.Л. Тамбовцев. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 24 с.
8. Ерзнкян, Б. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза / Б. Ерзнкян // Вопросы экономики. – 2005. – № 7.
9. Андреефф, В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза / В. Андреефф // Вопросы экономики. – 2003. – № 12.
10. North, D.C. Transactions cost institutions and economic history // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1984. – V. 140 № 1.
11. Williamson, Oliver E. Transaction-costs economics: the governance of contractual relations // Journal of Law and Economics 22 (No. 2) 1979; Contracting Costs and Residual Claims: The Separation of Ownership and Control // Journal of Law and Economics 26 (№ 2, June) 1983.
12. Demsetz, Harold The Structure of Ownership and the Theory of the Firm // Journal of Law and Economics 26 (№ 2, June) 1983.
13. Черновалов, А.В. Несостоятельность (банкротство) в институциональной экономике / А.В. Черновалов. – Минск : Мисанта, 2004
14. Черновалов, А.В. Институционализм / А.В. Черновалов. – Брест : БрГУ, 2010 г.

Chernovalov A.V. To a Question of Efficiency of Market Institutions Within the Framework of Byelorussian Institutional Environment

The article examines the processes of formation and development of institutional environment in transforming economics.

The article works out methodological approaches to understanding of different styles in the law-making that could be used for the purposes of forming of market economic institutions.

The author proposes some methods substantiating qualitative and quantitative parameters of institutional efficiency.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.07.2010

УДК 330.101.54

И.М. Граник

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье изучен кластерный подход как эффективная база создания новых форм объединения знаний, техники и технологий, а также основа для повышения конкурентоспособности и экономического развития регионов. Выделены характерные признаки, предпосылки и основные тенденции кластеризации в современных условиях. Рассмотрен зарубежный опыт внедрения и развития кластерных структур, определены основные модели их формирования. Проанализированы основные этапы процесса создания и функционирования кластеров; выделены перспективные направления развития кластерного подхода в Республике Беларусь, в том числе на базе функционирования действующих свободных экономических зон.

Введение

Основная тенденция современного бизнеса – это концентрация усилий и ресурсов на тех направлениях, где предприятие или страна имеет наибольшее конкурентное преимущество. Для Республики Беларусь общими ключевыми преимуществами являются следующие: развитая фундаментальная наука; высокий образовательный уровень населения; универсальный, системный взгляд отечественных специалистов на действительность, что позволяет рассматривать инновационные проекты как потенциальную область специализации белорусской инновационной системы, инновационный характер мышления.

Развитие инновационной деятельности в Беларуси на принципах рыночной экономики на современном этапе является не просто важной, а коренной проблемой антикризисной политики. Развитие инновационно-ориентированной экономики должно проходить поэтапно, например, со строительства в регионах инновационных кластеров с интегрированной технической средой, обеспечивающей эффективность инновационной деятельности: образовательные программы, информационные базы и инструменты коммуникационного пространства, центры управления интеллектуальными активами, комплексы инжиниринговых услуг и т.д.

Сущность и основные формы кластеров

Принятые в последние годы законодательные акты и программные документы, регулирующие становление и развитие научно-инновационной сферы Республики Беларусь, говорят о необходимости концентрации усилий всех участников инновационного процесса на наиболее эффективных и перспективных направлениях реализации научно-технической и инновационной политики страны. Мировая практика показывает, что высокую конкурентоспособность и стабильный экономический рост определяют факторы, стимулирующие распространение новых технологий, а способы активизации и совершенствования инновационной среды довольно разнообразны. К ним можно отнести развитие инновационной инфраструктуры (сети технопарков и бизнес-инкубаторов, инновационных фондов и венчурных компаний), сети трансфера технологий, прямую и косвенную финансовую поддержку инновационных проектов, а также кластерный подход в реализации инновационной политики. Последний из перечисленных способов в настоящее время является одним из наиболее перспективных (особенно на региональном уровне).

Термин «*кластер*» заимствован из английского языка (*cluster* – «расти вместе»). Рассматривая кластер как экономическую категорию, необходимо отметить, что одним из первых идею специализированной индустриальной локализации предложил Альфред Маршалл в конце XIX в. в «Принципах экономики» (1890). Характеристика локальных концентраций специализированной деятельности включала три основных блока:

- 1) присутствие доступного квалифицированного труда;
- 2) рост поддерживающих и вспомогательных отраслей;
- 3) специализация различных фирм на различных стадиях и сегментах производственного процесса.

Теория Портера о «бриллианте конкурентоспособности» является своего рода продолжением и развитием идей Маршалла. Классическое определение «кластер», М. Портером, данное является наиболее универсальным: кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщиков, производителей и др.) и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга.

Под *промышленным* кластером понимают группу родственных взаимосвязанных отраслей промышленного комплекса и сферы услуг, наиболее успешно специализирующихся в международном разделении труда (МРТ), а под *региональным* (локальным) кластером – группу географически сконцентрированных предприятий из одной или смежной отраслей и поддерживающих институтов, расположенных в определенном регионе, производящих сложную и взаимодополняющую продукцию и характеризующихся наличием информационного обмена между предприятиями – членами кластера и их сотрудниками, за счет которого повышается конкурентоспособность кластера в мировом хозяйстве. Таким образом, различаются кластеры по наличию в них географической составляющей: к внепространственным кластерам относятся промышленные кластеры, а к пространственным – региональные и трансграничные кластеры.

К числу основных наиболее характерных признаков кластеров относятся:

- 1) наличие сильных конкурентных позиций и высокий экспортный потенциал участников;
- 2) наличие у территории базирования конкурентных преимуществ;
- 3) географическая концентрация и близость расположения предприятий и организаций кластера;
- 4) широкий набор участников;
- 5) наличие эффективного взаимодействия между участниками кластера.

Предпосылками конкурентоспособности кластеров являются локализация и агломерация субъектов кластера на определенной территории, а территориальная конкуренция определяет основу кластеризации. Сотрудничество – источник конкурентных преимуществ кластера. В кластере есть «локомотив» – лидирующий (интегрирующий) продукт или услуга, «выстраивающий» кластер на базе вновь создаваемых, действующих или реструктурируемых предприятий.

К преимуществам кластерного подхода можно отнести:

- 1) эффективную цепочку реализации инновационных идей от ее создания до нахождения конкретного потребителя;
- 2) сложившуюся устойчивую технологическую сеть, которая опирается на совместную научную базу;
- 3) высокие конкурентные преимущества предприятий, входящих в кластер, за счет внутренней специализации и возможностей минимизации затрат на внедрение инноваций;
- 4) наличие в структуре кластеров мобильных промышленно-ориентированных малых предприятий, которые позволяют формировать инновационные точки роста экономи-

ки региона; кроме того, в пределах территориального кластера хорошо развиваются малые формы предпринимательской деятельности, обеспечивающие необходимую «инновационную инфраструктуру» крупным предприятиям, часто используя их капитал;

5) достаточно высокий инновационный уровень и экспортный потенциал «организаций кластера» и их стремление к дальнейшему инновационному развитию.

Отличительной чертой кластера является его инновационная ориентированность. Наиболее успешные кластеры формируются там, где осуществляется или ожидается «прорыв» в области техники и технологии производства с последующим выходом на новые «рыночные ниши». Кластер максимально учитывает рыночный механизм, он может быть эффективным только в том случае, когда создается по инициативе снизу, когда сами предприятия для повышения своей конкурентоспособности приходят к необходимости объединения в кластер.

Основные тенденции развития кластеров в современных условиях

Быстрое развитие современных информационных и коммуникационных технологий вносит серьезные изменения в деятельность кластеров. В современных условиях целесообразно выделить четыре наметившиеся тенденции кластеризации:

1. Растущее значение малого и среднего бизнеса;
2. Развитие региональных кластеров в отраслях промышленности, связанных с «новой экономикой». Такого рода кластеры обычно возникают в экономически развитых районах, имеющих высокий научный и промышленный потенциал;
3. Изменения в кластерах, связанные с использованием информационных технологий, что объясняется растущими возможностями быстрой и дешевой передачи информации при помощи компьютерных сетей. Это позволяет участникам кластеров тесно сотрудничать с фирмами, расположенными за их пределами, при этом ключевые операции осуществляются в кластерах, в то время как налаженное производство действует уже за его пределами;
4. Включение кластерных фирм в сети, используемые транснациональными корпорациями (ТНК) для координации своей деятельности. Примерно в половине европейских кластеров ведущие фирмы входят в состав ТНК. Как правило, наличие в составе кластера подразделений ТНК способствует передаче знаний и технологий местным фирмам и может стимулировать их инновационную деятельность [1, с. 17].

Современный опыт развитых стран мира показывает, что эффективное экономическое развитие регионов зависит от сложной системы взаимосвязанных факторов, среди которых территориальное расположение и высококвалифицированный персонал играют немаловажную, но не исключительную роль. Наиболее динамичное развитие получают те регионы, где сформировались именно инновационные кластеры как альтернатива традиционного отраслевого подхода. В этой связи многие страны – как экономически развитые, так и только начинающие формировать рыночную экономику – все активнее используют «кластерный подход» в формировании и регулировании своих национальных инновационных программ.

Кластерная политика приводит к улучшению бизнес-климата страны и росту конкурентоспособности государства. Для всей экономики государства кластеры выполняют роль зон роста. Кластерный подход способен самым принципиальным образом изменить содержание государственной промышленной политики (традиционное деление экономики на секторы или отрасли утрачивает свою актуальность, на первое место выходят кластеры).

Зарубежный опыт развития кластерных структур

В ряде зарубежных государств уже имеется успешный многолетний экономический опыт внедрения и развития кластерных структур как в традиционных отраслях промышленности (например, опыт Италии), так и в высокотехнологичных отраслях (например, Силиконовая долина). Широкое распространение кластеров можно рассматривать в качестве главной черты всех высокоразвитых экономик. Мировой опыт подтверждает, что высокотехнологичное производство может базироваться только на процессах интеграции научных, инновационных и производственных предприятий различных типов. Кластерный подход является эффективной базой создания новых форм объединения знаний, а также основой для повышения конкурентоспособности и экономического развития регионов. Данное направление кластерной политики предусматривает формирование эффективной среды для деятельности участников региональных кластеров, разработку инструментов по формированию и длительному поддержанию конкуренции и партнерства между участниками кластера.

Анализ мирового опыта кластеров позволяет выделить 5 моделей формирования кластеров: 1) итальянская (большое количество малых фирм, объединенных в различные ассоциации для повышения конкурентоспособности); 2) японская (формируется вокруг фирмы-лидера с масштабным производством); 3) финская (характеризуется высоким уровнем инноваций, поддерживается мощным сектором научных исследований и разработок, развитой системой образования); 4) североамериканская (отличается выраженной конкуренцией между предприятиями); 5) индийско-китайская (ключевую роль играет государство).

В США активно используется кластерный подход к регулированию регионального развития. Сотни американских городов осуществили экономические программы развития на основе концепции кластеризации. В Европе пришли к выводу, что в настоящее время невозможно представить процесс принятия стратегических управленческих решений на региональном уровне без учета специфики процессов кластеризации.

Ценность концепции региональной кластеризации заключается в ее способности представлять систему региональной экономики в качестве единого взаимосвязанного комплекса, предоставляющего возможность принятия управленческих решений. Следовательно, теория кластеризации – это новый комплексный подход к оценке региональных условий и тенденций развития.

Значение кластеров для регионов состоит в их способности придать наукоемкий характер традиционному ресурсному освоению этих территорий, способствовать диверсификации монопрофильной экономики регионов, содействовать динамичному развитию транспортной, энергетической, коммуникационной инфраструктуры, содействовать развитию фирм малого и среднего бизнеса.

Конкурентоспособные кластеры часто имеют развитые связи со схожими кластерами в других регионах и странах. Стимулирование подобных международных связей должно стать важным направлением кластерной политики и заключаться в развитии кооперации между родственными кластерами, разработке и реализации программ развития сотрудничества.

Государственное регулирование кластерных структур

Государственная политика по отношению к кластерам может реализовываться, во-первых, через поддержку уже действующих или только возникающих кластеров, во-вторых, посредством использования информации об успешном или неуспешном развитии кластеров при определении экономической политики. Как правило, она имеет следующие черты:

- 1) упор делается не на отдельные фирмы, а на локальные (региональные) группировки предприятий;
- 2) основное внимание уделяется не крупному, а малому и среднему бизнесу;
- 3) предполагается в основном использование внутренних ресурсов;
- 4) выделение сильных сторон региональной промышленности и сферы услуг;
- 5) местные власти могут быть посредниками между фирмами или компаниями и научными или образовательными организациями.

Так, Дания, Франция, Нидерланды, Португалия, Шотландия и Швеция проводят государственную политику поддержки кластеров на общенациональном и региональном уровнях. В Бельгии и Испании государственная поддержка осуществляется на региональном уровне. В других странах (в Австрии, Финляндии, Германии, Италии и Норвегии) меры по развитию кластеров рассматриваются как инструменты проведения инновационной, технологической и региональной политики.

Создание территориальных инновационных кластеров в Республике Беларусь – дело ближайшего будущего. Однако кластеризация – процесс сложный и длительный, со своими проблемами и трудностями.

Как отмечают многие исследователи, сложности реализации идей по созданию кластеров в основном связаны с взаимоувязкой интересов различных сторон, вовлеченных в этот процесс. Возникают трудности при обмене идеями, знаниями, технологиями. Возникают конкурентные проблемы «сиюминутного получения технологических преимуществ», переманивания кадров, юридического закрепления прав и обязанностей. К проблемам на пути кластеризации также можно отнести недостаточную развитость и низкую инновационную активность предприятий малого бизнеса, многим из которых характерны неконкурентоспособная (по современным стандартам технологий и методов) организация производства, высокая затратность и значительный уровень износа основных фондов.

Основные этапы создания и развития кластерных структур

Возможность создания кластера – это наличие, во-первых, формальной институциональной структуры (как вертикально, так и горизонтально интегрированной), координирующей развитие кластера, созданной с участием входящих в него компаний; во-вторых, это наличие секторов экономики, привлекательных с позиции спроса, предложения и прогнозов развития. В-третьих, это наличие природных ресурсов, развитого производственного и научно-технического потенциала, широких слоев образованного населения, доступа к внешним источникам информации. В-четвертых, это наличие региональной стратегии развития.

Процедура создания кластеров имеет два условия:

- 1) она должна привлечь представителей республиканских, региональных и местных властей, которые, имея свои интересы в ходе развития территорий, обладают достаточными рычагами (правовыми, финансовыми, административными) для влияния на ситуацию в регионе;
- 2) к процессу работы над созданием кластеров в регионе должна быть подключена общественность в лице представителей предприятий, населения, общественных организаций и т. д.

В настоящее время широко используются три типовых подхода к формированию территориальных инновационных кластеров [2, с. 41]. Первый предполагает создание на основе специалистов администрации региона расширенной рабочей группы. В качестве экспертов (участников) могут быть представители различных региональных организаций, заинтересованных в создании кластера и способных оказать реальную помощь. Второй включает сотрудничество органов власти и управления с существующими

ми в регионе исследовательскими организациями, консалтинговыми фирмами, вузами и т.д. Работа с такими организациями осуществляется путем заключения с ними договоров об оказании услуг. Третий подход является относительно новым для стран постсоветского пространства. Суть его заключается в создании специализированной организации — Агентства экономического развития. Региональные органы власти могут выступать одним из учредителей, передавая в качестве вноса в уставной капитал, например, объекты недвижимости и другое имущество.

Процедура создания кластеров имеет свои принципы и условия. Создавать кластеры необходимо поэтапно (таблица 1). На первом этапе (подготовительном) выясняется актуальность, общая экономическая целесообразность, разработка и апробация механизмов создания и развития кластеров и принимается решение о полномасштабной работе над проектом. На основном этапе решаются организационно-правовые вопросы, связанные с формированием кластеров. Завершающий этап предполагает корректировку «портфеля» приоритетных кластеров, форм и методов государственной поддержки на основе мониторинга и анализа результатов формирования кластеров, а также разработку всех организационных документов, технико-технологических и экономических обоснований [2, с. 43].

Таблица 1 – Основные этапы создания и развития кластера

<i>1. Подготовительный этап</i>	Оценка актуальности создания кластера
	Оценка возможности создания кластера
	Раскрытие побудительных мотивов для создания кластера
	Определение целей и задач кластера
<i>2. Основной этап</i>	Определение состава участников кластера
	Оценка возможностей перераспределения ресурсов на основе рыночных механизмов для стимулирования ключевых точек развития региона
	Формирование организационно-правовых положений создания кластера
	Технико-экономическое обоснование организационного проекта кластера
	Распределение организационных обязанностей между участниками кластера
	Определение эффекта функционирования кластера
<i>3. Завершающий этап</i>	Формирование механизма взаимодействия кластера с администрацией региона
	Экспертиза и заключение антимонопольного органа
	Разработка и подписание договора о создании кластера

Практическая реализация механизма создания кластера должна включать в себя следующие мероприятия:

1. Создание рабочего органа – координационного совета кластера, в задачи которого входят:

- а) формулирование проектов нормативных актов республиканского, ведомственного и областного уровней, обеспечивающих правовую сторону реализации задач создания кластера;
  - б) определение состава потенциальных участников кластера;
  - в) организация и координация научно-технологического сопровождения задач, решаемых кластером;
  - г) обеспечение контроля за соблюдением внутренних и внешних правовых норм в деятельности кластера;
  - д) представление интересов кластера на всех уровнях.
2. Создание привлекательных условий для потенциальных участников кластера.
  3. Создание основной группы кластера, формирующей его «ядро», основу функционирования всего кластера.
  4. Обеспечение развития кластера.
  5. Самороспуск координационного совета кластера по мере выполнения первых трех задач.

Кластерный подход как фактор повышения конкурентоспособности в условиях инновационно-ориентированной экономики Республики Беларусь

Исходя из анализа потенциальных возможностей реализации кластерного подхода, для Беларуси приоритетными являются следующие направления в проведении инновационной политики [3, с. 55]:

1. Создание современного механизма мониторинга инноваций: расширение системы показателей инновационной деятельности, усовершенствование методики проведения статистического обследования инноваций.
2. Активизация региональной инновационной политики, формирование региональных стратегий развития с участием местных властей, университетов, предпринимательских структур.
3. Определение источников финансовой поддержки инновационной инфраструктуры на республиканском и местном уровнях, стимулирование межрегиональных программ инновационного сотрудничества с использованием ресурсов государственных и отраслевых научно-технических программ.
4. Расширение практики «независимой экспертизы» научно-технических программ и проектов с привлечением в ряде случаев зарубежных экспертов; формирование межгосударственных проектов по разработке механизмов финансирования рискованных инвестиций.
5. Активизация консультаций с общественными объединениями ученых, отраслевыми органами регулирования для отбора приоритетов регионального научно-технического, инновационного развития.
6. Обеспечение прозрачности информации о достигнутых результатах прикладных научных исследований.
7. Продвижение средствами массовой информации инновационной культуры, положительного имиджа предпринимателя; проведение национального конкурса инновационных проектов с участием спонсоров, что позволит создать «истории успеха».

Региональные исполнительные органы власти в сфере кластерной политики должны стимулировать и поддерживать кластерные инициативы. Для этого они должны осуществлять следующие функции:

1. информационно-аналитическая поддержка реализации кластерной политики;
2. разработка общей стратегии, включая мотивы, цели, задачи и направления политики развития кластеров;

3. использование существующих инструментов и мероприятий экономической политики для реализации кластерных инициатив;
4. финансовая поддержка инициатив по развитию кластеров на региональном уровне;
5. содействие развитию международного сотрудничества в сфере кластерной политики.

Для финансирования кластерных инициатив могут привлекаться следующие бюджетные средства:

1. средства инновационных и инвестиционных фондов;
2. средства, выделяемые на создание свободных экономических зон;
3. средства на фундаментальные исследования и НИОКР;
4. средства программ развития малого предпринимательства;
5. средства, выделяемые на региональные научно-технические программы;
6. собственные средства предприятий, используемые на исследования и разработки.

Учитывая специфику белорусской модели экономического развития, которой присуща определяющая роль государства в управлении экономикой и формировании приоритетов экономического развития, целесообразно создать инструмент, который призван реализовать на практике механизм проведения государственной экономической политики в вопросах формирования территориальных инновационных кластеров.

Перспективно развитие кластерного подхода на основе создания и функционирования свободных экономических зон (СЭЗ), которые фактически включают в себя все элементы кластерной политики. Этот механизм не требует существенного изменения законодательной базы и заключается в широком использовании потенциала СЭЗ, существующих в каждой области Республики Беларусь и являющихся частью территории хозяйственного комплекса региона. Назначение СЭЗ – стимулирование свободного перемещения ресурсов и оптимальное использование экономических факторов в интересах конкретного региона. Использование специального правового режима СЭЗ для субъектов хозяйствования, формирующих территориальный инновационный кластер, обеспечивает создание механизма стимулирования развития такого кластера, попутно решая задачи по созданию благоприятных условий для привлечения внешних и внутренних инвестиций и позволяя получить желаемый экономический эффект в относительно короткие сроки.

Анализ экономической активности резидентов СЭЗ Беларуси свидетельствует о том, что на сегодняшний день потенциал СЭЗ как инструмента региональной политики государства используется не в полную силу, а сами СЭЗ пока не стали точками роста, способными значительно повлиять на развитие отдельных территорий в стране. Тем не менее следует отметить, что в белорусских СЭЗ уже сегодня имеются все необходимые предпосылки для формирования инновационных кластеров: налаженная инфраструктура, льготы по налогообложению, центры трансфера технологий, инкубаторы малого предпринимательства и т.д. По своему характеру выбор расположения СЭЗ определяется конкурентными преимуществами регионов, на территории которых они создаются. Есть основания предположить, что современные белорусские СЭЗ образуют сеть поставщиков, субподрядчиков, логистическими центрами, образовательными и научными учреждениями и прочими объектами, которые в комплексе будут формировать мощные промышленные и научные кластеры. Использование потенциала СЭЗ в качестве механизма создания инновационных кластеров и стимулирования концентрации наукоемких производств одного научно-технического профиля в регионе позволит решать задачи инновационного развития регионов, как позволило в свое время создать региональные инновационные кластеры в США, Японии и Китае.

Заключение

Изложенное позволяет заключить:

1. Кластер максимально учитывает рыночный механизм, он может быть эффективным только в том случае, когда создается по инициативе снизу, когда сами предприятия для повышения своей конкурентоспособности приходят к необходимости объединения в кластер. В качестве характерных признаков кластеров выделяют: наличие сильных конкурентных позиций и высокий экспортный потенциал участников; наличие у территории базирования конкурентных преимуществ; географическая концентрация и близость расположения предприятий и организаций кластера; широкий набор участников; наличие эффективного взаимодействия между участниками кластера.

2. Механизм создания и функционирования кластеров может быть представлен следующими основными этапами: на подготовительном этапе выясняется актуальность и общая экономическая целесообразность, а также принимается решение о полномасштабной работе над проектом; на основном этапе решаются организационно-правовые вопросы, связанные с формированием кластеров; завершающий этап предполагает мониторинг и анализ результатов формирования кластеров.

3. Кластерная политика приводит к улучшению бизнес-климата страны и росту конкурентоспособности государства, кластеры выполняют роль зон роста. Тенденции современной кластеризации заключаются в растущем значении малого и среднего бизнеса, развитии региональных кластеров в экономически развитых районах, имеющих высокий научный и промышленный потенциал, а также включении кластерных фирм в сети ТНК для координации своей деятельности.

4. Значение кластеров для регионов состоит в их способности придать наукоемкий характер традиционному ресурсному освоению этих территорий, способствовать диверсификации монопрофильной экономики регионов, содействовать динамичному развитию транспортной, энергетической, коммуникационной инфраструктуры, содействовать развитию фирм малого и среднего бизнеса. Ценность концепции региональной кластеризации заключается в ее способности представлять систему региональной экономики в качестве единого взаимосвязанного комплекса.

5. В Беларуси перспективно развитие кластерного подхода на основе создания и функционирования свободных экономических зон (СЭЗ), которые фактически включают в себя все элементы кластерной политики. Данный механизм не требует существенного изменения законодательной базы и заключается в широком использовании потенциала СЭЗ, являющихся частью территории хозяйственного комплекса региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехин, Д.И. Территориальные инновационные кластеры в Беларуси: возможности формирования / Д.И. Алехин // Новости науки и технологий – Минск : ГУ «БелИСА», – 2009, – № 3(12) . – С.15–22.

2. Митенев, В.В. Кластер как фактор развития экономики / В.В. Митенев, О.Б. Кирик // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вологда : ВНКЦ, 2006. — Вып. 34. – С. 34–54.

3. Смирнов, Е.Н. Инновационный вектор промышленной политики Европейского Союза / Е.Н. Смирнов // Международная экономика, 2009. – № 2. – С. 53–58.

Granik I.M. Cluster Approach as a Factor in Regional Development and Competitiveness in Innovation-oriented Economy

The article studies the cluster approach as an effective basis for the establishment of new forms of association of knowledge, techniques and technologies, as well as the foundation for competitiveness and regional economic development. Characteristic features, prerequisites and the main tendencies of clustering in the modern world are distinguished. International experience of implementation and development of cluster structures is viewed as well as the basic model of their formation. Main stages of the establishment and operation of clusters are analyzed; promising directions of development of the cluster approach in the Republic of Belarus, including those based on the operation of existing free trade zones are identified.

Рукопис паступіў у рэдкалегію 07.10.2010

УДК 330.142.211.4

Н.В. Борсук

АМОРТИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы проведения амортизационной политики как основного инструмента управления воспроизводством основных средств, а также действенного рычага регулирования финансового результата организации. Критически проанализированы нормативно-правовые документы, регулирующие процесс осуществления амортизационной политики коммерческими организациями. Проанализированы основные факторы, влияющие на размер амортизационных отчислений организации. По результатам исследования сделаны выводы по проблемным вопросам влияния амортизационной политики на финансовый результат деятельности предприятия.

Введение

Амортизация и амортизационная политика играет очень важную роль в экономике любой организации. Интерес руководства предприятия составляет своевременное обновление объектов основных средств, что связано с их физическим и моральным износом. Именно сформированный амортизационный фонд предназначен для финансирования ввода новой техники и восстановления изношенных объектов. Повышение технического уровня производственного процесса обеспечивает рост производительности труда, увеличение выпуска продукции и загрузки производственной мощности и, как следствие, снижение себестоимости и рост получаемой прибыли. Однако проводимая амортизационная политика оказывает влияние не только на уровень физического и морального износа объектов основных средств, технический уровень и эффективность производства, но также на уровень себестоимости производимой продукции, влияя на финансовый результат деятельности коммерческой организации.

Амортизация и ее объекты

Амортизация представляет собой процесс перенесения стоимости амортизируемых объектов на стоимость вырабатываемых с их использованием в процессе предпринимательской деятельности продукции, работ, услуг. Объектами начисления амортизации являются числящиеся на балансе организации основные средства и нематериальные активы, как используемые, так и не используемые в предпринимательской деятельности, а также объекты, предоставляемые организацией во временное владение и/или пользование с целью получения дохода, учитываемые в качестве доходных вложений.

Объективной основой амортизации является участие амортизируемых объектов в производственном процессе, в ходе чего они утрачивают свою ценность и потребительские свойства. Таким образом, амортизация является денежным выражением физического и морального износа амортизируемого имущества.

Отражение вопросов амортизации объектов основных средств в учетной политике организации

Амортизация объектов основных средств в организации осуществляется согласно учетной политики, которая формируется бухгалтером (главным бухгалтером) в соответствии с действующим законодательством и утверждается руководителем органи-

зации. Можно сказать, что амортизационная политика является составным элементом учетной политики организации.

Вопросы амортизации объектов основных средств отражаются в первом разделе учетной политики «Учет и амортизация внеоборотных активов» [3]. Данный раздел объединяет восемь подразделов, в которых, руководствуясь нормативными правовыми документами, организация принимает решения относительно критериев отнесения активов к основным средствам, текущей индексации амортизационных отчислений, способов начисления амортизации основных средств, расчета амортизации, формирования и использования средств амортизационных фондов, (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика подразделов учетной политики, отражающих вопросы амортизации объектов основных средств

№ п/п	Наименование подраздела	Решения, принимаемые организацией по вопросам амортизационной политики
1	Отнесение активов к основным средствам либо к средствам в обороте	Указываются условия, при одновременном выполнении которых активы, имеющие материально-вещественную форму, принимаются к бухгалтерскому учету в качестве основных средств
2	Индексация амортизационных отчислений по объектам основных средств	По объектам основных средств, используемых в предпринимательской деятельности и амортизируемых линейным способом, принимается решение о проведении или непроведении текущей индексации амортизационных отчислений
3	Пересмотр нормативных сроков службы и (или) сроков полезного использования основных средств	По объектам основных средств, в отношении которых была произведена модернизация, реконструкция, частичная ликвидация, дооборудование, достройка, принимается решение о пересмотре или не пересмотре сроков амортизации
4	Способы начисления амортизации	Устанавливаются способы и методы начисления амортизации по объектам основных средств
5	Расчет амортизации	Осуществляется выбор варианта расчета амортизации исходя из месячной нормы или суммы амортизации
6	Использование средств амортизационных фондов воспроизводства основных средств и нематериальных активов	В отношении амортизационных фондов, сформированных по объектам основных средств и нематериальных активов, принимается решение об их совместном или раздельном использовании
7	Централизованный или децентрализованный порядок формирования, использования амортизационных фондов	Устанавливается централизованный (в целом по организации) или децентрализованный (по организации без включения обособленных подразделений и по каждому подразделению в отдельности) порядок формирования амортизационных фондов, их использования и отражения на забалансовых счетах

Решения по вопросам амортизационной политики принимаются соответствующей комиссией, количественный и качественный состав которой определяются штатным

расписанием организации. Реализация амортизационной политики начинается с отнесения поступивших активов к амортизируемым объектам.

Условия отнесения поступившего актива к амортизируемым основным средствам

Установление амортизируемых объектов относится к компетенции комиссии по проведению амортизационной политики. До 1 января 2010 года при отнесении поступивших активов, имеющих материально-вещественную форму, к амортизируемым основным средствам применялись следующие критерии [1, 4]:

- 1) срок службы объекта должен был превышать 12 месяцев;
- 2) стоимость единицы актива на момент приобретения должна была превышать лимит стоимости, установленный учетной политикой организации в пределах лимита, определенного Министерством финансов Республики Беларусь;
- 3) организацией на момент принятия на бухгалтерский учет основных средств не предполагается перепродажа данных активов.

30 октября 2009 года Министерством финансов принято постановление № 132 «О внесении изменений в постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 12 декабря 2001 года № 118», в соответствии с которым внесено уточнение в понятие объекта основных средств. Тем самым уточнены критерии отнесения поступивших активов, имеющих материально-вещественную форму, к амортизируемым основным средствам, а именно:

- 1) срок использования актива составляет более 12 месяцев;
- 2) активы способны приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем;
- 3) приобретение активов не предполагается для последующей перепродажи.

Таким образом, в части критериев признания исключен лимит стоимости объекта, рассматривавшийся ранее в качестве одного из обязательных условий. В соответствии с новым условием, к объектам основных средств относятся активы, в отношении которых с большей долей вероятности можно утверждать, что в результате их использования организация получит экономические выгоды.

В свою очередь выделяют ряд объектов основных средств, в отношении которых не применяется амортизация. Так, амортизации не подлежат [1]:

- 1) библиотечные фонды, сценическо-постановочные средства и оборудование;
- 2) фильмофонды, музейные и художественные ценности;
- 3) здания, сооружения, являющиеся памятниками архитектуры и искусства, включенными в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, за исключением зданий и сооружений, используемых организациями для осуществления предпринимательской деятельности;
- 4) основные средства государственных организаций, находящихся за границей.

Установление амортизируемой стоимости поступивших в организацию объектов основных средств

Основные средства могут поступать в организацию в результате произведенных капитальных вложений при сооружении, строительстве, изготовлении объектов основных средств хозяйственным способом, в результате их приобретения у юридических и физических лиц, в качестве вклада в уставный фонд, в результате благотворительной помощи, а также в обмен на другие активы. В качестве амортизируемой стоимости поступившего объекта основных средств выступает стоимость, от величины которой рассчитываются амортизационные отчисления. В зависимости от конкретных условий начисления амортизации и условий функционирования объектов амортизируемой стои-

мостью является первоначальная стоимость объектов с учетом ее последующих переоценок в соответствии с законодательством или недоамортизированная (остаточная) стоимость объектов с учетом ее последующих переоценок в соответствии с законодательством. Первоначальной стоимостью признается сумма фактических затрат на их приобретение, сооружение, изготовление, доставку, установку и монтаж, включая:

- 1) услуги сторонних организаций (поставщика, посредника, подрядной и других организаций), связанные с приобретением основных средств;
- 2) таможенные платежи;
- 3) расходы по страхованию при перевозке;
- 4) проценты по кредитам и займам (за исключением процентов по просроченным кредитам и займам);
- 5) курсовые разницы от переоценки кредиторской задолженности по обязательствам, связанным с приобретением основных средств и выраженным в иностранной валюте, кроме организаций, финансируемых из бюджета;
- 6) суммовые разницы, возникающие при расчетах по обязательствам, связанным с приобретением основных средств в случаях, когда оплата осуществляется в белорусских рублях в сумме, эквивалентной определенной договором сумме в иностранной валюте (условных денежных единицах), кроме организаций, финансируемых из бюджета;
- 7) расходы, связанные с покупкой валюты для расчетов по обязательствам, связанным с приобретением основных средств;
- 8) погрузочно-разгрузочные работы;
- 9) налоги и другие затраты, непосредственно связанные с приобретением, сооружением и изготовлением объекта основных средств и доведением его до состояния, в котором он пригоден к использованию.

В свою очередь в ходе эксплуатации объекта амортизируемая стоимость может изменяться. Основными причинами ее изменения являются [1]:

- 1) модернизация, реконструкция, частичная ликвидация, дооборудование, достройка, проведенное техническое диагностирование и освидетельствование, оформленные актами сдачи-приемки выполненных работ (на сумму соответствующих затрат);
- 2) проведение переоценки основных средств в соответствии с законодательством;
- 3) выявление ошибки в определении амортизируемой стоимости.

Остаточная стоимость объекта, применяемая в расчете амортизации, устанавливается как разница между первоначальной (восстановительной) стоимостью объекта и суммой начисленной амортизации.

Анализ факторов, влияющих на размер амортизационных отчислений, рассчитанных по объектам основных средств

Величина амортизационных отчислений не является произвольной. Она регулируется законодательно и устанавливается учетной политикой организации.

Размер амортизационных отчислений будет зависеть главным образом от срока службы объекта и выбранного способа начисления амортизации.

Сроком службы признается период времени, в течение которого объекты основных средств сохраняют свои потребительские свойства. Амортизационные отчисления могут распределяться на нормативный срок службы или срок полезного использования.

Нормативный срок службы может устанавливаться организацией по объектам основных средств, как участвующих, так и не участвующих в предпринимательской деятельности. Он определяется временным республиканским классифи-

котором амортизируемых основных средств и нормативным сроком их службы, утвержденкам постановлением Министерства экономики Республики Беларусь № 18621.11.2001 г.. Например, нормативный срок палаток-магазинов, павильонов, кафе, закусочных, столовых из металлоконструкций, стеклопластика, прессованных плит и деревянных – 15,2 года; киосков и ларьков из металлоконструкций, стеклопластика, прессованных плит и деревянных – 9 лет; жилых зданий со стенами облегченной кладки из кирпича, монолитного шлакобетона – 100 лет; холодильно-компрессорного оборудования, холодильников и морозильников – 10 лет; оборудования хлебопекарной, макаронной промышленности – 8,3 года; оборудования пивобезалкогольной, спиртовой, ликероводочной промышленности, первичного и вторичного виноделия – 11 лет; оборудования маслодельных, сыродельных и первичных молочных маслозаводов – 8 лет; банкоматов, платежных терминалов – 7 лет; копировально-множительной техники – 7 лет; комплексов и машин вычислительных цифровых, персональных ЭВМ – 5 лет [2].

Срок полезного использования может устанавливаться комиссией по проведению амортизационной политики по объектам основных средств, используемым в предпринимательской деятельности. Так, как при выборе наибольшего срока полезного использования годовая норма амортизации будет наименьшей, а при выборе наименьшего срока норма амортизации примет наибольшее из возможных значений. Выбор в пользу одного из решений будет определяться особенностями отдельных производств, планируемым уровнем себестоимости и рентабельности.

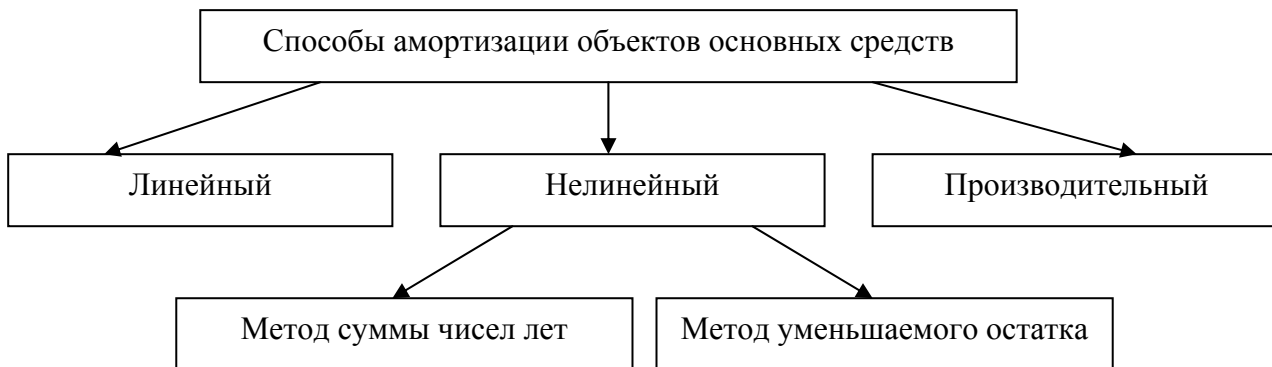
Организация вправе осуществлять пересмотр как нормативных сроков службы так и сроков полезного использования в случае завершения модернизации, реконструкции, частичной ликвидации, дооборудования, достройки, проведенного технического диагностирования и освидетельствования, оформленных в качестве капитальных вложений актами сдачи-приемки выполненных работ, в случаях проведения переоценки с привлечением оценщика, что должно обязательно отражено в учетной политике организации.

Существенное значение на размер амортизационных отчислений оказывает способ его амортизации, выбор которого определяется участием или неучастием объекта в предпринимательской деятельности, степенью использования объекта в производственном процессе, скоростью наступления физического и морального износа.

Организация самостоятельно в рамках действующего законодательства осуществляет выбор способов и методов начисления амортизации, в том числе по объектам одного наименования.

Перенесение стоимости объекта на стоимость вырабатываемых с их использованием продукции, работ, услуг может осуществляться способами, отраженными на рисунке 1. Это линейный, нелинейный и производительный способы [1; 7].

По объектам основных средств, не используемых в предпринимательской деятельности, может применяться только линейный способ начисления амортизации. Он представляет равномерное по годам (по отношению к первоначальной стоимости) распределение амортизируемой стоимости объекта в течение срока его службы. Применение линейного способа возможно в условиях стабильного производства, когда колебания уровня деятельности незначительны.

Рисунок 1 – Способы начисления амортизации по объектам основных средств

Нелинейный способ представляет собой ускоренное начисление амортизации, когда в первые годы эксплуатации объектов основных средств суммы амортизационных отчислений по отношению к первоначальной стоимости больше, чем в последующие.

Нелинейный способ можно применять только по объектам основных средств, участвующих в предпринимательской деятельности. Выбор в пользу нелинейного метода начисления амортизации обусловлен необходимостью повысить оборачиваемость основных средств, учесть их моральный износ.

В случае применения нелинейного способа амортизация может начисляться либо методом суммы чисел лет, либо методом уменьшаемого остатка. При выборе метода суммы чисел лет норма амортизации рассчитывается с учетом показателя суммы чисел лет, при методе уменьшаемого остатка – с применением коэффициента ускорения.

Применение ускоренных методов начисления амортизации оправдано, когда объекты основных средств имеют тенденцию быстро устаревать и требуют своей замены, то есть когда моральный износ опережает физический износ объекта.

Производительный способ начисления амортизации применяется по объектам, участвующим в предпринимательской деятельности и имеющим ресурс использования, в качестве которого выступает объем произведенных с помощью данных объектов продукции, работ, услуг. Производительный способ рациональнее всего применять в отношении машин и оборудования, так они непосредственно участвуют в процессе производства и их износ напрямую зависит от объема производимой с их использованием продукции.

В действующих условиях начисления амортизации организация может ежегодно на 1 января менять способ начисления амортизации по каждому объекту, используемому в предпринимательской деятельности, независимо от того, какой способ или метод применялся ранее.

Сравнительная характеристика способов начисления амортизации отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Способы начисления амортизации и их сравнительная характеристика

Характеристики сравнения	Способы начисления амортизации			
	Линейный	Нелинейный		Производительный
		Метод суммы чисел лет	Метод уменьшаемого остатка	
Объекты начисления амортизации	Участвующие и не участвующие в предпринимательской деятельности	Участвующие в предпринимательской деятельности		
Норма амортизации	Устанавливается в процентах	Устанавливается в процентах с учетом показателя суммы чисел лет	Устанавливается в процентах с учетом коэффициента ускорения	Устанавливается в рублях
Амортизируемая стоимость	Первоначальная или восстановительная, а в случае модернизации, реконструкции, частичной ликвидации, дооборудования и т.д. – остаточная	В первый год эксплуатации объекта – первоначальная, в последующие – остаточная		-
Объект распределения амортизируемой стоимости	Срок службы объекта основных средств			Ресурс объекта
Распределение амортизируемой стоимости	Равномерное по отношению к первоначальной (восстановительной) стоимости объекта	Неравномерное по отношению к первоначальной (восстановительной) стоимости объекта		Неравномерное по отношению к первоначальной (восстановительной) стоимости объекта; определяется величиной использованного ресурса

Формирование и использование амортизационного фонда организацией

Производитель осуществляет накопление амортизационных отчислений, которые формируют амортизационный фонд, предназначенный для воспроизводства, воссоздания изношенных основных средств.

Организация может выбрать один из двух способов формирования и использования амортизационного фонда: централизованный и децентрализованный. При установлении централизованного порядка формирования и использования амортизационного фонда, т.е. в целом по организации, величина амортизационных отчислений будет

определяться исходя из полной себестоимости продукции по удельному весу суммы амортизации. При децентрализованном порядке величина амортизационного фонда по объектам основных средств будет определяться в целом по организации и отдельно по каждому обособленному подразделению. При этом порядок распределения амортизационного фонда носит также децентрализованный характер.

Использование средств амортизационного фонда организации отражается в ее учетной политике. Амортизационный фонд направляется на финансирование капитальных вложений производственного назначения, к которым относятся новое строение, приобретение, изготовление, дооборудование, реконструкция, модернизация, техническое диагностирование и освидетельствование объектов основных средств. В соответствии с законодательством амортизационный фонд может также направляться на финансирование затрат организации на жилищное строительство.

Особенности отражения в учете амортизации объектов основных средств

Для того, чтобы оценить влияние амортизационной политики на результаты деятельности организации, необходимо провести анализ особенностей отражения в учете операций по амортизируемым объектам основных средств. Амортизационные отчисления по различным объектам отражаются по-разному в зависимости от группы этих объектов и специфики их использования в организации.

Амортизационные отчисления по объектам основных средств, используемым в предпринимательской деятельности отражаются;

1) в составе издержек производства при нахождении объектов основных средств в эксплуатации, а также в простое продолжительностью до трех месяцев, в том числе в связи с проведением ремонта;

2) в составе операционных расходов (при нахождении объектов основных средств в простое свыше трех месяцев, в том числе в связи с проведением ремонта, а также в простое, вызванном полной остановкой производства продукции, выполнения работ, услуг в структурном подразделении или организации в целом, и при нахождении в запасе) [1; 5].

Запасом является временное выведение из сферы производства в порядке, установленном комиссией по амортизационной политике, оборудования и транспортных средств, бывших в эксплуатации в качестве основных средств и предназначенных для замены выбывающих основных средств.

По объектам основных средств, не используемым в предпринимательской деятельности, а также по объектам, которые в отчетном периоде не эксплуатировались, амортизация включается в состав внереализационных расходов непосредственно или при списании расходов обслуживающих производств и хозяйств.

Влияние амортизационной политики на результаты деятельности и дальнейшее развитие коммерческой организации

Амортизация, начисленная по объектам основных средств, имеет существенное влияние на результаты деятельности и дальнейшее развитие организации. Многоаспектность ее влияния определяется следующими факторами. Во-первых, амортизация является составной частью себестоимости, поэтому ее размер влияет на уровень затрат на производство, реализацию продукции и уровень конкурентоспособности отпускных цен. Во-вторых, амортизация в составе затрат на производство и реализацию продукции оказывает существенное влияние на размер прибыли предприятия, выступая одним из факторов, от которого зависит в том числе размер формируемой налогооблагаемой базы по многим налогам. В-третьих, амортизация является фондом, используемым для обновления производства и замены физически и морально устаревшего оборудования.

Поэтому размер амортизационного фонда должен покрывать планируемые капитальные затраты на обновление и обеспечивать своевременную замену оборудования. Следует заметить, что данные факторы имеют противоречивый характер.

Влияя на уровень себестоимости производимой продукции, амортизация и проводимая амортизационная политика должны обеспечивать получение наиболее благоприятного финансового результата для организации. Удельный вес амортизации в себестоимости продукции может составлять в среднем 3–7% (при линейном способе начисления), а при нелинейном достигать 13–17%, а это существенные колебания в себестоимости. С одной стороны, чем выше размер амортизационных отчислений, тем больше возможностей у предприятия осуществить ускоренное обновление основных средств. С другой стороны, являясь составной частью себестоимости, образующей с прибылью и налогами из выручки цену продукции, размер начисленной амортизации влияет на уровень конкурентоспособности реализационных цен и уровень спроса на производимую и реализуемую продукцию. Необоснованный рост цен ведет к сокращению объемов реализации, что может привести к росту складских запасов, а также соответствующих затрат, связанных с управлением данными запасами, к снижению уровня загрузки производственной мощности и, как следствие, к росту постоянных затрат на единицу продукции, увеличению себестоимости и сокращению прибыли организации. Сокращение прибыли организации будет способствовать снижению темпов роста пополнения собственных оборотных средств, сокращению темпов производственного развития, а также расходов на социальное развитие и материальное поощрение работников организации.

Обеспечить снижение цен с целью достижения их конкурентоспособного уровня можно либо за счет снижения прибыли, либо за счет снижения затрат на производство и реализацию продукции, которое затрагивает снижение размера амортизационного фонда.

Противоречивый характер влияния амортизации на результаты деятельности и развитие организации заставляет руководство искать наиболее рациональные способы формирования амортизационной политики, комплексно подходить к оценке факторов, влияющих на размер амортизационных отчислений, скорость обновления основных средств, финансовый результат и конкурентоспособность организации на рынке. Эффективно сформированная амортизационная политика будет способствовать повышению технического уровня оснащения производства, повышению производительности труда, увеличению выпуска и реализации продукции, сокращению себестоимости и росту прибыли организации.

Заключение

Амортизационная политика является основным инструментом управления воспроизводством основных средств, рычагом регулирования уровня затрат на производство и реализацию продукции, формируемой налогооблагаемой базы по многим налогам и финансового результата организации. В соответствии с действующим законодательством организациям предоставлены широкие права в формировании своей амортизационной политики, что имеет место в выборе нормативных сроков службы и сроков полезного использования, выборе способов и методов начисления амортизации по одноименным объектам основных средств, проведении текущей индексации амортизационных отчислений. Именно усиление дифференцированного подхода к начислению амортизации в зависимости от скорости физического и морального износа оборудования, расширенное применение методов, используемых при начислении амортизации, повышение качества переоценки объектов основных средств с целью ликвидации диспропорции между стоимостью функционирующих основных средств и их рыночной

стоимостью, усиление контроля за целевым использованием амортизационного фонда будут способствовать формированию действенной амортизационной политики, обеспечивающей техническое развитие производства, рост конкурентоспособности продукции и достижение благоприятного финансового результата как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении инструкции о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов : Постановление М-ва экономики Республики Беларусь, М-ва финансов Республики Беларусь, М-ва архитектуры и строительства Республики Беларусь от 27.02.2009 г. № 37/18/6 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 9 июня 2009 г. – № 8/21041.
2. Временный республиканский классификатор амортизируемых основных средств и нормативные сроки их службы : утв. Постановлением М-ва экономики Респ. Беларусь 21.11.2001 : Текст по состоянию на 7 сентября 2004 г., – Минск : ИВЦ Минфина, 2007. – 120 с.
3. Раковец, В. Учетная политика организации на 2010 год / В. Раковец // Главный бухгалтер: практический журнал для бухгалтеров. – 2010. – № 8. – С. 9–25.
4. О некоторых вопросах начисления амортизации // Главный бухгалтер: практический журнал для бухгалтеров. – 2010. – № 21. – С. 34.
5. Советы опытного бухгалтера // Главный бухгалтер: практический журнал для бухгалтеров. – 2010. – № 33. – С. 48–49.
6. Кондакова, Н. Амортизацию могут не начислять организации, имеющие утвержденный бизнес-план инвестиционного проекта / Н. Кондакова // Главный бухгалтер: практический журнал для бухгалтеров. – 2010. – № 22. – С. 32.
7. Черва, А.В. Использование возможностей действующей амортизационной политики в целях оптимизации себестоимости выпускаемой продукции (работ, услуг) / А.А. Черва // Экономика. Финансы. Управление. – 2006. – № 12. – С. 58–66.

Borsuk N.V. Depreciation Politics and its Influence on the Results of Activity of Profitmaking Organizations

The article deals with the questions of the depreciation policy as a key management tool reproduction of fixed assets as well as an effective lever to regulate the financial result of the organization. Normative legal documents were critically analyzed regulating the implementation of the amortization policy of commercial organizations. The main factors influencing the size of the depreciation deductions of the organization were also analyzed. The research conclusions were made on the problematic issues of the impact of depreciation policy on the financial results of the company.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.09.2010

УДК 658.5

О.Я. Седель

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ ПРЕДПРИЯТИЯ ПУТЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АМОРТИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Автор исследовал варианты повышения эффективности обновления основных фондов на предприятиях ОАО «Двина», используя различные методы амортизационных отчислений, которые применяются в мировой практике на предприятиях.

Ускоренная амортизация, с одной стороны, позволяет увеличить средства предприятия для обновления основных фондов, но в то же время, с другой стороны, приводит к росту себестоимости продукции. Поэтому необходимо кроме поиска оптимального варианта амортизационного отчисления использовать внутренние резервы снижения стоимости продукции, повышения ее качества и конкурентоспособности на рынке, повышение производительности труда за счет более интенсивного использования оборудования.

Введение

Открытое акционерное общество «Двина» является предприятием с частной формой собственности с долей государства 62% в уставном фонде.

В состав ОАО «Двина» входят три предприятия с законченным технологическим циклом по производству одежды мужского и женского ассортимента.

В таблице 1 представлен анализ динамики основных экономических показателей ОАО «Двина» за 2007–2009 гг.

Таблица 1 – Характеристика динамики экономических показателей работы ОАО «Двина» за 2007–2009 гг.

Показатели	Годы			Отклонения 2009 от	
	2007	2008	2009	2007	2008
Выручка от реализации, млн. руб.	53940	69500	72500	18560	3000
Себестоимость реализованной продукции, мл. руб.	47700	60900	68000	20300	7100
Прибыль(убытки) от реализации, тыс. руб.	6200	8600	4500	-1700	-4100
Уровень рентабельности продукции (окупаемость затрат), %	13,0	14,1	6,6	-6,4	-7,5
Уровень рентабельности продаж, %	11,5	12,4	6,2	-5,3	-6,2

Низкая рентабельность произведенной продукции в 2009 году объясняется падением объемов производства и ростом доли затрат на оплату труда.

Финансовое положение предприятий ОАО «Двина» представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Оценка финансового положения предприятий ОАО «Двина»

Показатели	Годы			Отклонения 2009 от	
	2007	2008	2009	2007	2008
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,38	0,46	0,4	0,02	-0,06
Коэффициент текущей ликвидности	1,61	1,85	1,67	0,06	-0,18
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,001	0,007	0,008	0,007	0,001
Коэффициент финансовой независимости	0,71	0,76	0,72	0,01	-0,04
Коэффициент финансовой зависимости	0,29	0,24	0,28	-0,01	0,04
Коэффициент финансового риска	5,4	4,4	4,3	-1,1	-0,1

Коэффициент текущей ликвидности, по данным таблицы 2, в 2009 году составил 1,67, в 2008–1,85 при нормативном значении данного коэффициента не менее 1,1. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами в 2009 году составил 0,4 при нормативном значении не менее 0,15.

В настоящее время ОАО «Двина» своевременно выплачивает текущие платежи, не имеет просроченной задолженности по налогам, привлекает необходимые для производственно-хозяйственной деятельности средства в денежной форме в виде банковских кредитов.

Однако структура основных фондов «Двины» предприятия, их активная часть за период 2007–2009 г. уменьшилась, что негативно сказалось на экономическом положении предприятий АО.

Анализ структуры основных фондов оао «Двина»

Основные производственные фонды предприятий ОАО «Двина» и их структура представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Состав и структура основных фондов ОАО «Двина»

Основные фонды предприятия	Годы			Отклонение от 2009, млн. руб.	
	2007,	2008,	2009,	2007	2008
	млн. руб	млн. руб	млн. руб		
	125971	153522	152902	+26931	-620

По данным таблицы 3 можно сделать вывод, что стоимость основных средств увеличилась в 2008 году на 26931 млн. руб, а в 2009 году уменьшилось на 620 млн. руб, Уменьшение стоимости основных фондов обусловлено превышением стоимости выбывших средств над введенными. Анализ изношенности основных фондов предприятия приведен в таблице 4.

Таблица 4 – Анализ изношенности основных фондов предприятия

Показатели	2008 год		2009 год		Изменение за год	
	на начало года	на конец года	на начало года	на конец года	2008	2009
Первоначальная стоимость основных средств, млн. руб	125971	153522	153522	152902	+27551	-620
Износ основных средств за время их эксплуатации, млн. руб.	94989	115767	115767	116295	+20778	+528
Степень износа основных средств(коэффициент износа), %	75,41	75,41	75,41	76,06	0,0	+0,65
Степень годности основных средств (коэффициент годности), %	24,59	24,59	24,59	23,94	0,0	-0,65

Анализ таблицы 4 позволяет оценить техническое состояние основных средств. В 2008 году коэффициент износа на начало и конец года был одинаков и составлял 75,41%. Это обеспечивалось за счет значительного увеличения первоначальной стоимости на 27551 млн.руб , в то время как износ основных средств за время их эксплуатации увеличился на 20778 млн.руб.

Амортизационная политика ОАО «Двина»

Одним из важнейших направлений эффективного использования основных средств является правильный выбор амортизационной политики.

На предприятиях ОАО «Двина» применяется три метода начисления амортизации: линейный, суммы лет и уменьшающего остатка.

Рассмотрим расчет амортизационных отчислений по данным методам и дадим их анализ. Для примера рассмотрим начисление амортизации на станок производства ткани стоимостью 19, 8 млн. руб. и полезным сроком использования 8 лет.

При линейном методе начисления амортизации годовая норма амортизационных отчислений будет равна 12,5% (100/8), а годовая сумма амортизационных отчислений составит 2,45 млн. руб.

Расчет показателей амортизации при этом методе представлен на рисунке 1.

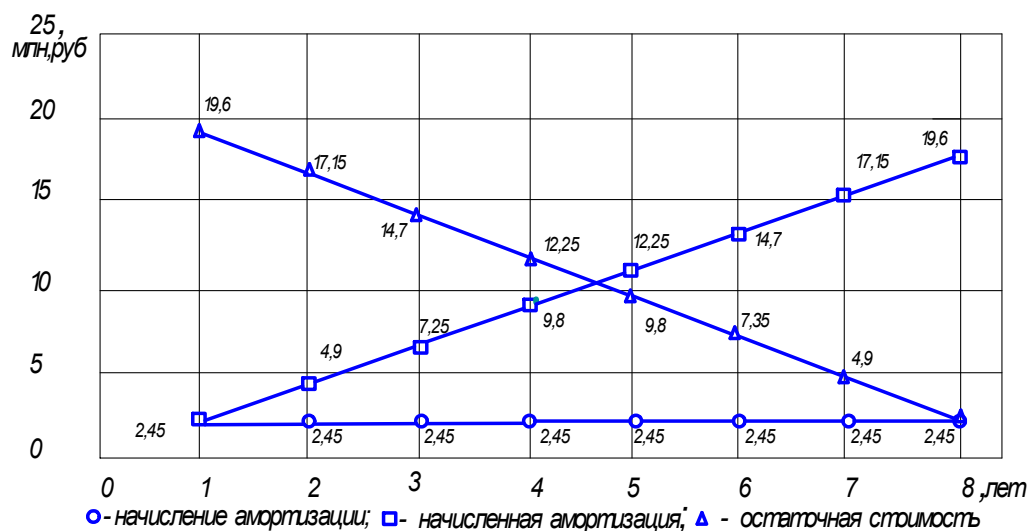

Рисунок 1 – Показатели амортизации при линейном методе амортизации станка

При использовании метода суммы лет сначала рассчитывается сумма чисел лет, которая равна 36. При данном методе годовая норма амортизации соответствующего года равна отношению числа лет, оставшихся до конца амортизационного периода, к сумме лет.

Расчет показателей амортизации при методе суммы лет представлен на рисунке 2.

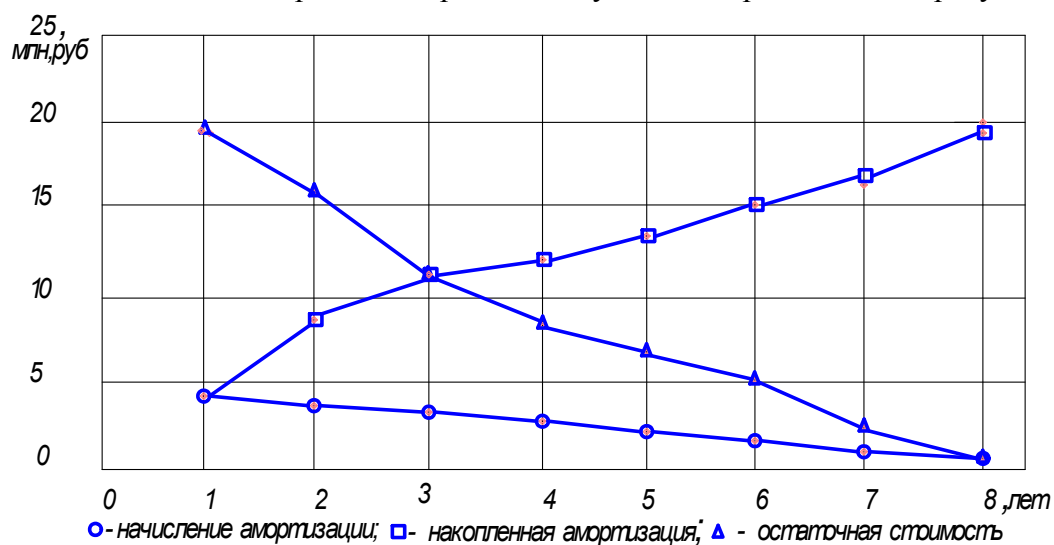

Рисунок 2 – Показатели амортизации при методе суммы лет

При методе уменьшающего остатка годовая сумма начислений амортизации рассчитывается исходя из определенном на начало года недоамортизированной стоимости станка и нормы амортизации, исчисленной исходя из срока использования объекта и коэффициента ускорения. Примем коэффициент ускорения равным 1,7.

Расчет показателей амортизации при методе уменьшающего остатка представлен на рисунке 3.

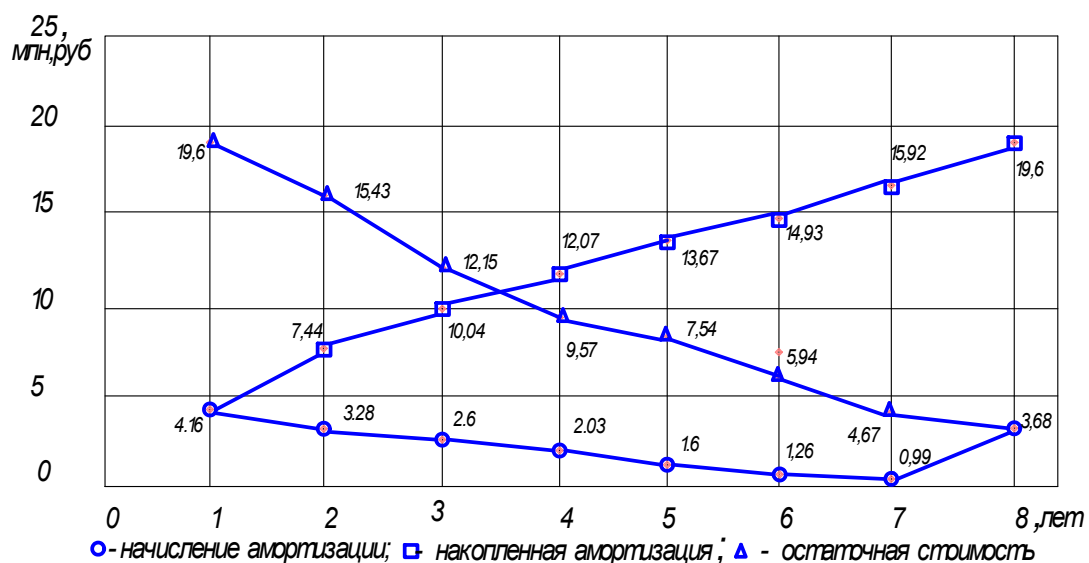

Рисунок 3 – Показатели амортизации при методе уменьшающего остатка

При использовании понижающих коэффициентов и применении линейного метода начисления амортизации предприятие не сможет полностью списать стоимость данного объекта основного средства на затраты производства.

Иная ситуация складывается при начислении амортизации с использованием нелинейного метода начисления амортизации, когда в состав расходов можно отнести большую сумму амортизации, чем при линейном методе.

Каждый из методов, применяемый на предприятии, имеет сильные и слабые стороны. В целом амортизационная политика предприятия характеризуется высокими затратами на техническое перевооружение основных фондов, однако поскольку износ активной части составляет больше 90%, то предприятию необходимо найти резервы увеличения средств на модернизацию оборудования.

Основные направления совершенствования амортизационной политики оао «Двина»

Проведенный анализ позволил выделить недостатки в существующей амортизационной политике предприятий ОАО «Двина». Основным негативным параметром, выявленным в процессе анализа, является недостаток средств амортизационного фонда на обновление действующего оборудования предприятия, участвующего в процессе основного производства.

Основными направлениями совершенствования амортизационной политики предприятия, направленными на модернизацию оборудования являются:

- а) изменение сроков полезного использования объектов основного производства;
- б) ускоренная амортизация оборудования.

В этой связи предлагается предусмотреть возможность применения в отношении высокотехнологичного оборудования:

- а) ускоренная амортизация с сокращением срока полезного использования оборудования;
- б) возможность списания на себестоимость продукции, товаров и услуг полной стоимости ряда объектов основных средств в течение одного года;
- в) использование известных в международной практике методов дигрессивной амортизации;

г) уменьшение максимального срока использования машин, механизмов, измерительных приборов и вычислительной техники.

Ускоренная амортизация, с одной стороны, позволяет увеличить средства предприятия для обновления основных фондов, но в тоже время, с другой стороны, приводит к росту себестоимости продукции. Поэтому необходимо кроме поиска оптимального варианта амортизационного отчисления использовать внутренние резервы снижения стоимости продукции, повышения ее качества и конкурентоспособности на рынке, повышение производительности труда за счет более интенсивного использования оборудования.

Заключение

Амортизационная политика предприятия, представляющая собой выбранные способы начисления амортизационных сумм по группам основных средств, направлена на достижение формирования финансов и минимизацию платежей.

Приведенный анализ деятельности предприятий ОАО «Двина» свидетельствует о неэффективном использовании основных средств, которые находятся в длительной эксплуатации с минимальным коэффициентом обновления, равным 0,23%.

Коэффициент износа основных фондов составлял в 2009 году 75,41%, и если первоначальная стоимость основных фондов в этот период увеличилась на 27551 млн. руб., то износ основных средств увеличился на 20778 млн. руб.

Приведенный анализ финансовой деятельности предприятий ОАО «Двина» выявил некоторые недостатки в существующей амортизационной политике. Несмотря на высокие затраты на техническое перевооружение основных фондов, их износ приближается к критическому показателю, когда дальнейшее использование оборудования станет невозможным.

Поэтому предприятию необходимо найти резервы увеличения средств на модернизацию оборудования.

Основными путями совершенствования амортизационной политики, направленной на ускорение модернизации оборудования предприятия, являются:

- 1) ускоренная амортизация с сокращением срока полезного использования оборудования;
- 2) возможность списания на себестоимость продукции, товаров и услуг полной стоимости ряда объектов основных средств в течение одного года;
- 3) использование известных в международной практике методов дигрессивной амортизации;
- 4) уменьшение максимального срока использования машин, механизмов, измерительных приборов и вычислительной техники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стражев, В.А. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учеб. пособие для вузов / В.А. Стражев [и др.]. – Минск : Вышэйшая школа., 2006. – 480 с.
2. Зайцев, Н.Д. Экономика промышленного предприятия : учеб. пособие / Н.Д. Зайцев, – М. : ИНФРА. – 2006–280 с.
3. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г.В. Савицкая. – Минск : Экоперспектива, 2001. – 498 с.
4. Жданов, С.А. Основы теории экономического управления предприятием : учеб. пособие / С.А. Жданов, – М. : Финпресс, 2000. – 381 с.

Sedel. O.Y. The Increase In The Efficiency of the Fixed Assets Replacement of the Enterprise by the Improvement of the Amortization Policy

The author has explored the ways of the improvement of the efficiency of the fixed assets replacement at OJSC Dvina by using various methods of amortization depreciation, which are applied at the enterprises worldwide.

Accelerated depreciation in the conditions of the considerable depreciation of the fixed assets does not solve the problem of renovation and modernization of the equipment. Therefore, alongside with the search of the optimal method of amortization depreciation, it is necessary to use the enterprise's internal potential for the reduction of the production costs, improvement of its quality and competitiveness at the market, as well to strive for the improvement of the labor efficiency by a more intense use of equipment.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.07.2010

УДК 631.16:658.14.012.003.13

Е.В. Грузинская

СИСТЕМА ГИБКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВИЯМИ КРЕДИТОВАНИЯ

Определены условия кредитования как ориентиры, с помощью которых порядок намечает пропорции хозяйственных связей, необходимых для нахождения границы системы кредитования, определяемой функциями кредита, в результате чего обеспечивается контроль за процессом кредитования. Приводится рассмотрение условий кредитования в комплексе с условиями хозяйствования и условиями накопления кредитного ресурса, формирующими результат кредитования.

Практическое решение проблемы совершенствования кредитования требует взвешенной оценки существующих и разработки новых теоретических основ построения механизма кредитования в новых условиях. Поэтому в качестве ориентиров, с помощью которых порядок контролирует процесс кредитования, следует утвердить условия кредитования.

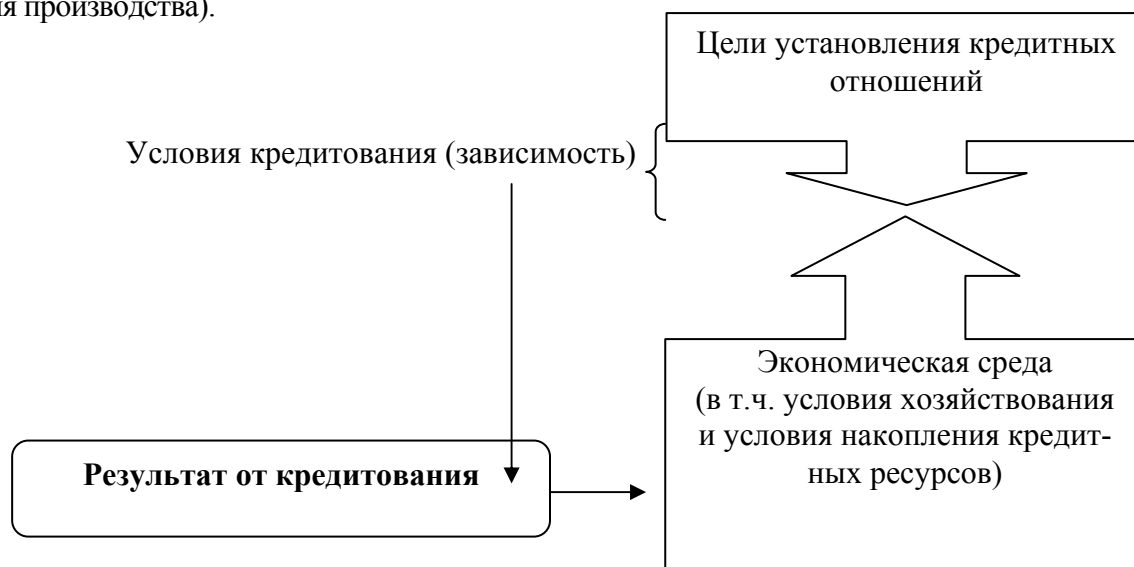
Посредством условий порядок кредитования намечает пропорции хозяйственных связей, необходимых для нахождения границы системы кредитования, определяемой функциями кредита. Например:

а) соблюдение срока кредитования, установленного порядком кредитования, способствует расширению инвестиционных возможностей в экономике;

б) предоставление кредита в безналичном порядке определяет расчетные отношения между субъектами хозяйствования, увеличивает долю безналичных средств в денежном обороте, а значит наличие временного ресурса в банках, проводящих платежи;

в) цели модернизации производства республики потребовали долгосрочных кредитных вложений, что увеличило долю долгосрочных кредитных ресурсов в их общем объеме.

Для доказательства того, что условия кредитования во многом формируют экономическую среду, приведем рисунок 1. Предложенный рисунок показывает, что условия кредитования влияют на результат от кредитования: эффективность кредитных вложений и результат производства, что отражается на экономической среде (в том числе условиях ведения производства).

Рисунок 1 – Влияние условий кредитования на экономическую среду через результат кредитования

Примечание – Источник: собственная разработка автора

Основываясь на данных рассуждениях, целесообразно дать следующее определение условий кредитования. Условия кредитования – это зависимость экономической среды (в т.ч. условий производства) от целей установления кредитных взаимоотношений.

Определение отличается акцентом на присутствие зависимости, установление которой адекватно целям кредитования и позволит получить благоприятный результат от кредитных вложений.

Определение показывает, что на результат (эффективность) кредитования повлияют одновременно и условия кредитования, и условия производства (хозяйствования), и условия накопления кредитного ресурса.

Условия хозяйствования. От среды кредитования, в частности условий хозяйствования, а именно от уровня развития предприятия зависит доля кредитного источника формирования фондов предприятия. В свою очередь, кредит через регулирование общей суммы требуемых предприятию средств влияет на другие источники кредитования и корректирует условия кредитования. Поэтому связь между условиями хозяйствования и условиями кредитования очевидна.

Условия накопления и размещения кредитного ресурса. Следует учесть тот факт, что не только производство отличается своими особенностями функционирования, но и процесс накопления и размещения кредитного ресурса, что отражается на стоимости кредитного ресурса.

Особенности процесса накопления и размещения кредитного ресурса требуют обозначения в кредитной политике банка положений (деталей), которыми характеризуется этот процесс.

В настоящее время кредитная политика банков [1] ограничивается рассмотрением показателей численности клиентской базы, размера занятого банком сегмента рынка, перечня операций и предполагаемых от них доходов. При этом остаются без внимания ряд важнейших факторов (например, прогнозный уровень риска), отсутствие прогноза которых снижает устойчивость банковской деятельности.

В этой связи предложена структура кредитной политики, включающая: 1) внутренние факторы, влияющие на кредитную деятельность банка; 2) внешние факторы, с которыми согласуется кредитная деятельность; 3) целевые ориентиры (индикативные параметры) кредитного портфеля.

Предложенную структуру кредитной политики отличает наличие основных пунктов (таблица 1), обязательных к закреплению в кредитной политике банка. Кроме того, с целью формирования эффективного кредитного портфеля в рамках предложенной структуры предполагается устанавливать целевые ориентиры кредитного портфеля не только в стоимостном, но и в процентном отношении и придать им статус индикативных параметров.

Такая структура кредитной политики банка позволит установить прогнозные значения на контролируемые параметры и стабилизировать кредитную деятельность банка.

Таблица 1 – Предлагаемая структура кредитной политики банка

Обязательный раздел кредитной политики	Фактор
Внутренние факторы	1. Доход
	2. Прибыль
	3. Доля рынка, занимаемая банком в банковской системе (масштабы банка)
	4. Уровень риска
	5. Оптимальная структура активов
Внешние факторы (увязка кредитной деятельности с ними)	6. Динамика развития национальной экономики
	7. Состояние денежного и кредитного рынков
	8. Маркетинговая стратегия банка
	9. Конкурентная среда
Целевые ориентиры (индикативные параметры) кредитного портфеля (в процентном соотношении)	10. Структура портфеля в разрезе: <ul style="list-style-type: none"> • видов кредитополучателей, • сроков, • валют, • видов кредитов, • территориального признака, • степени доходности и надежности портфеля
	11. лимиты удельного веса в портфеле банка: <ul style="list-style-type: none"> • кредитной задолженности клиентов 3 и 4 классов платежеспособности, • проблемной задолженности, • низкодоходной, • низколиквидной, • необеспеченной
	12. Показатель удельного веса банка на соответствующем сегменте рынка (по отдельным видам услуг), отражающий активность (интенсивность) деятельности банка.

Условия кредитования (предоставление кредитного ресурса). Условия кредитования прописываются в кредитном договоре и влияют на сумму платежа по кредитному долгу, что отражается на результате кредитования.

С целью своевременного и адекватного реагирования на изменения целей кредитования и экономической среды при установлении условий кредитования предложена система гибкого регулирования условиями кредитования.

Предложенная система включает:

- 1) - классификацию условий кредитования по информационным блокам;
- 2) - установление критериев изменения процентных ставок по кредитам как способ регулирования процентной политики банка;
- 3) - классификацию способов управления процентной ставкой;
- 4) - комплекс мер по управлению процентным риском;
- 5) - оценку влияния кредитного риска на условия кредитования;
- 6) - методику дифференциации условий кредитования как способ управления кредитным портфелем банка.

Классификация условий кредитования по информационным блокам

Для адекватного восприятия и реагирования на изменение бизнес-среды предлагается обозначить блоки информации (таблица 2), исходя из которых должны определяться условия кредитования. Информационные блоки включают сведения об интересах:

а) банка (улучшение кредитоспособности должно соответствовать требованиям банка-кредитора);

б) кредитополучателя (эффективность использования кредита должна быть выше уровня эффективности использования собственных средств);

в) экономики в целом (рост объема производства с участием кредитной поддержки должен соответствовать требованиям экономики).

Выделение информационных блоков отличает процедуру установления условий кредитования возможностью предотвратить лоббирование интересов отдельных групп. Информационные блоки позволяют конкретизировать набор основных и дополнительных условий кредитования таким образом, чтобы сохранить интересы банка не в ущерб другим участникам кредитного процесса.

Таблица 2 – Классификация условий кредитования по информационным блокам

Группа интересов	Условие кредитования
Интересы банка	1. Ставка процента, отвечающая возможности кредитополучателя
	2. Порядок и периодичность начисления процентов
	3. Процентный период, на протяжении которого начисляются проценты
	4. Сроки уплаты процентов
Интересы кредитополучателя	5. Срок действия кредита
	6. Форма кредита (равномерно погашаемый, аннуитетный, срочный, кредит с рассрочкой платежа, смешанный)
	7. Отсрочка погашения, отсрочка уплаты процентов, способ погашения
	8. Периоды расчетов (в месяц, квартал, полгода, год)
	9. Дизажио (стоимость комиссионных и прочих дополнительных расходов в начале срока действия кредита)
	10. Ажио (стоимость комиссионных и прочих дополнительных расходов в конце срока платежа)
Интересы экономики в целом	11. Объем кредитования, который соответствует запросу кредитополучателя
	12. Подвижность плавающей ставки. Изменение размера плавающей ставки привязывается к какому-либо общепринятому критерию (изменение размера ставки рефинансирования, резкое колебание средних процентных ставок в целом по республике, стоимость кредитного ресурса), но не к финансовому состоянию кредитополучателя.

Установление критериев изменения процентных ставок по кредитам как способ регулирования процентной политики банка

Процентная ставка кредитного ресурса характеризует цену этого ресурса и выступает единицей измерения процентного дохода банка.

В странах с развитой рыночной экономикой норма процента находится под влиянием средней нормы прибыли, образующейся в результате межотраслевой конкуренции размещения капиталов. В переходной экономике наблюдается широкий

диапазон рентабельности различных отраслей, что вызывает необходимость установления дифференцированного уровня процентных ставок. По мере стабилизации экономики и выравнивания уровней рентабельности отраслей создаются условия для приближения уровня процентных ставок к единому уровню. В таких условиях, чтобы обладать конкурентным преимуществом, необходимо гибкое регулирование процентной политикой банка.

В качестве способа гибкого регулирования процентной политики предлагается установление критериев изменения процентных ставок по кредитам (таблица 3). Способ заключается в установлении платы по кредиту в зависимости от предложенных критериев, систематизация которых обеспечивает своевременное реагирование на внутренние и внешние изменения, сопутствующие кредитному процессу.

Такое регулирование процентной политикой позволит активизировать механизм кредитования в различные периоды его функционирования, обеспечит доходную работу банка и укрепление его позиций на внутреннем и внешних финансовых рынках.

Таблица 3 – Критерии изменения процентных ставок по кредитам

Группа критериев	Критерий изменения процентных ставок по кредитам
Внутри-банковские	1) необходимость возмещения расходов по привлечению ресурсов и созданию специальных резервов на покрытие возможных убытков по проблемным кредитам;
	2) окупаемость затрат, связанных с деятельностью банка;
	3) реальная стоимость кредитных ресурсов (без нормы, устанавливающей отчисления в фонд обязательных резервов);
	4) достижение планируемых финансовых результатов (маржи и прибыли);
	5) структура кредитных ресурсов (чем выше доля привлеченных ресурсов и меньше собственных, тем выше стоимость кредита);
	6) вид кредита (степень его риска для банка в зависимости от обеспечения);
	7) срок, на который испрашивается кредит;
	8) спрос на кредит со стороны потенциальных кредитополучателей (чем выше спрос, тем дороже кредит);
	9) обеспечение кредитной задолженности – качество и достаточность;
	10) платежеспособность кредитополучателя;
	11) наличие стандартных продуктов и услуг в банке, особенно стандартных кредитных продуктов (чем более стандартизированы услуги, тем меньше уровень операционных расходов и рисков и дешевле кредит);
	12) налоги при распределении прибыли;
	13) размер (масштаб) банка и география его деятельности;
	14) величина созданного резерва по активам, подверженным кредитному риску;
Системные (на уровне банковской системы)	15) складывающаяся ситуация на рынке кредитных услуг, те средняя процентная ставка привлечения кредитного ресурса (межбанковских кредитов и депозитов);
	16) требования и рекомендации Национального банка Республики Беларусь (ставка рефинансирования Национального банка Республики Беларусь);
	17) ставка банка-конкурента;
	18) котировки ценных бумаг, реализация которых наряду с кредитами служит источником финансирования производства;
	19) вероятность банковских рисков (в том числе риска невозврата кредита);

Продолжение таблицы 3

Общэкономические	20) спрос и предложение на кредитный ресурс (денежный товар);
	21) стабильность экономической ситуации и денежного обращения в стране (чем выше темп инфляции, тем дороже плата за кредит);
	22) уровень инфляции;
	23) экономический цикл (экономический подъем или кризис).

Классификация способов управления процентной ставкой

С целью совершенствования методологии кредитования предложена классификация способов управления процентной ставкой по критерию направленности политики банка на:

- устойчивое развитие,
- расширение рыночного сегмента своей деятельности,
- увеличение клиентской базы,
- диверсификацию продуктового ряда,
- следование государственным приоритетам.

Классификация отличается тем, что учитывает стратегические ориентиры банка при формировании процентной политики, что позволяет при ее использовании сформировать процентную ставку с минимальным процентным риском (таблица 4).

Таблица 4 – Способы управления процентной ставкой

Группа способов	Способ управления
В рамках сложившейся практики и устойчивой тенденции развития (динамики)	1) прогнозирование ставок;
	2) управление маржой;
	3) исследование тенденций изменения ставок в зависимости от факторов среды;
В рамках диверсификации рыночных сегментов	4) планирование стоимости активов и пассивов с учетом возможного процентного риска;
	5) сбалансирование распределения ресурсов между прибыльными сегментами рынка;
В рамках диверсификации продуктов	6) увеличение доли высокодоходных банковских продуктов;
	7) изменение ставок с учетом рентабельности и востребованности услуг банка для переориентации на наиболее перспективные направления деятельности банка;
В рамках диверсификации клиентов	8) построение гибкой системы ставок по различным группам клиентов в зависимости от особенностей их деятельности и финансового состояния;
	9) установление ставок на основе взаимовыгодности сделки для банка и клиента (группы клиентов);
В рамках государственных приоритетов	10) прогнозирование возможных потерь при снижении конкурентоспособности ставки;
	11) установление рациональной ставки с учетом получения эффекта от реализации государственных и республиканских целевых программ

Комплекс мер по управлению процентным риском

Предложен комплекс мер по управлению процентным риском, который представлен мерами (таблица 5), интегрирующими индивидуальную практику при обслуживании отдельных клиентов в стратегию банка по расширению и стабилизации деятельности с минимальным риском. Указанные меры направлены не только на диагностику возможных проблем, но и на утверждение конкретных требований к качеству кредитного портфеля. Предложенный комплекс мер по управлению процентным риском приближает качество кредитного портфеля банка к оптимальному через рассмотрение процентного риска с системных позиций и его минимизацию за счет применения указанных мер.

Таблица 5 – Комплекс мер по управлению процентным риском

Вид стратегии	Мера
Маркетинговая стратегия (расширение деятельности)	1) рост чистого процентного дохода по постоянным клиентам
	2) снижение издержек по случайным клиентам
	3) диверсификация кредитного портфеля
	4) ограничение рисков, подбирая и комбинируя обязательства с различными сроками погашения, используя финансовое конструирование (расширение кредита, фиксация цен, страхование цен)
Стратегия устойчивости функционирования (стабилизация деятельности)	5) выделение нескольких основных видов бизнеса, которые будут приносить чистый процентный доход, и дополнительных источников с меньшим чистым процентным доходом, но позволяющих сбалансировать процесс получения финансового результата
	6) дюрация портфеля
	7) рациональное использование ресурсов, их сбалансирование и распределение между различными секторами финансового рынка
	8) корректировка целевых установок под текущее состояние с учетом влияющих факторов для соответствия системы показателей эталонным параметрам.

Оценка влияния кредитного риска на условия кредитования

Величина созданного резерва по активам, подверженным кредитному риску, уменьшает прибыль банка, поскольку идет в расходы и уменьшает доходность (ставку) кредитов для банка, но не для кредитополучателя. Банки, перекладывая процентные риски на кредитополучателя, увеличивают процентную ставку по кредитам, например, в случае возникновения просроченной кредитной задолженности.

Однако следует учесть, что, создавая резерв, банк уменьшает прибыль и уплачивает каждый месяц меньше налогов в бюджет, что реально увеличивает доходность (ставку) активов банка. Кроме того, суммы созданных резервов, идущие в расходы, очень редко реально отвлекаются на погашение безнадежной задолженности, а налоги подлежат уплате ежемесячно. Поэтому нецелесообразно перекладывать кредитные риски на кредитополучателя.

В связи с этим предлагается отменить практику изменения размера договорной процентной ставки в зависимости от величины созданного резерва по активам, подверженным кредитному риску, например, при возникновении просроченной кредитной задолженности, недостаточности ее обеспечения или ухудшения финансового положения кредитополучателя. В качестве санкций не запрещается применять штрафы и пени.

Причем в случае наличия проблемной задолженности банкам необходимо установить шкалу пени, предусматривающую сокращение ставки пени при повышении эффективности использования кредита (получении большей прибыли) и улучшении финансового состояния кредитополучателя. При этом банк недополучит часть доходов, одновременно избегая расходов по созданию резервов на активы, подверженные кредитному риску.

Вопреки общему мнению о наличии кредитных рисков, Кауфман И.И. считает, что кредит сам по себе сокращает риски, поскольку кредит направлен на рост производительности и предприимчивости: «Риск не находится ни в какой необходимой связи с размером предприимчивости. Так как он обратно пропорционален производительности, то он обратно пропорционален и объему предприимчивости. Следовательно, все те условия, которые расширяют объем предприимчивости, стесняют и сферу риска. Строго рассуждая, следовало бы поэтому и кредит считать скорее силою, противодействующей риску, чем ему способствующей (споспешествующей)» [2, с. 200].

Кауфман И.И. также пишет, что риск потери времени, вызываемый отсутствием возможности использовать кредит, хуже риска потери капитала, так как приводит к потере не только капитала, но и сил, предприимчивости: «*Риск временем* стоит риска капиталом. Потому что потеря времени есть безвозвратная потеря тех сил, которые могли бы себе найти полезное применение в течение данного времени. Кредит и важен для текущей предприимчивости тем, что он спасает ее время от риска быть потерянным» [2, с. 25].

Поэтому с целью сохранения самовозрастающей стоимости кредита и минимизации банком риска ухудшения финансового положения кредитополучателя необходимо предусмотреть в договоре условия, при наступлении которых пеня может быть увеличена за неэффективное использование кредита (нарушение сроков, нерациональность и неэффективность вложений, затруднения реализацией продукции, отсутствие прибыли).

Методика дифференциации условий кредитования как способ управления кредитным портфелем банка

Особенность кредитного ресурса состоит в том, что он не является собственностью банка, поэтому в вопросах его направления и перераспределения банк выступает посредником, что обуславливает условия движения кредитного ресурса.

Так, кредитополучатель, являясь звеном в цепочке экономических отношений, может претендовать на более приемлемые условия кредитования банка-посредника (низкую ставку, большой срок кредитования), если станет элементом замкнутой системы кругооборота средств, предполагающей более быстрое накопление банком дешевого кредитного ресурса. Например, предприятие, постоянно размещающее деньги на текущем счете в банке и являющегося поставщиком ресурса, может получить возможность индивидуальных условий кредитования. Поэтому целесообразно оптимизацию кредитного портфеля банка проводить на основе рационализации (дифференциации) условий кредитования для различных групп кредитополучателей. С этой целью предложена методика дифференциации условий кредитования.

Она представлена разработкой системы критериев дифференциации условий кредитования (ставок) для различных категорий кредитополучателей, при прочих равных условиях имеющих более длительные доверительные отношения с банком.

Методика отличается системностью критериев. Критерии дифференциации условий кредитования классифицированы по признакам целесообразности дифференциации (таблица 6), в интересах реализации которой банк устанавливает те или иные условия для конкретного кредитополучателя.

Признаки целесообразности дифференциации условий кредитования представляют собой основные начала, от которых отталкивается банк при формировании кредитного портфеля: риск, доходность, расходы по привлечению кредитного ресурса и ликвидность.

Таблица 6 – Критерии дифференциации условий кредитования в разрезе признаков целесообразности дифференциации

Признак целесообразности дифференциации условий кредитования	Критерий дифференциации условий кредитования
Риск (надежность кредитополучателя)	1) неснижаемый остаток средств на текущем счете
	2) средний срок размещения средств на текущем счете
	3) длительность отношений с банком
	4) размер ранее предоставленных льгот (льготность условий по сравнению с выдачей кредитов на общих основаниях) на единицу полученных от клиента прибылей за весь период сотрудничества
Предполагаемая доходность кредита	5) качество (эффективность) проекта (по государственной программе, прибыльность проекта)
	6) категория кредита (объем, ставка, срок, период начисления процентов, период взимания процентов, форма и способ предоставления и погашения (карт-счета или др. счет, с конвертацией или без), выплата долга в начале срока или в конце (рента обычная или срочная), период отсрочки оплаты)
Формы привлечения ресурса и его стоимость (расходы банка)	7) категория источника кредитного ресурса (централизованный; собственный; иностранные кредитные линии; связанные с проектом; иностранный ресурс, не связанный с проектом)
Ликвидность банка	8) состояние структуры кредитного портфеля, то есть интерес (необходимость) банка в размещении ресурса в указанный момент на нужный срок, в нужном объеме, в нужной валюте.

Согласно предложенной методике наличие того или иного критерия формирует условия предоставления кредита конкретному кредитополучателю. При этом кредитополучателей целесообразно разделить по группам в зависимости от их статуса, например, срока сотрудничества с банком (таблица 7).

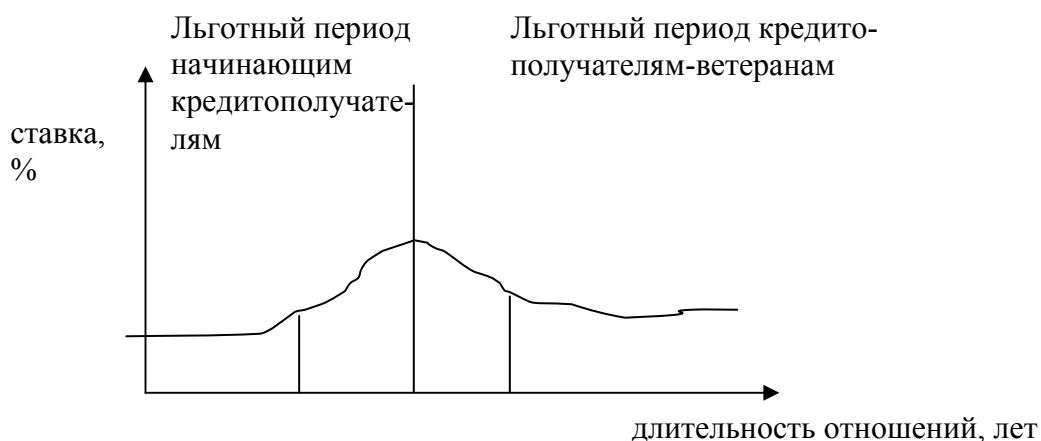
Таблица 7 – Дифференцированные условия кредитования для различных кредитополучателей

Кредитополучатель	Условие кредитования (ставка, %)	Признак 1				Признак 2		Признак 3	Признак 4
		критерий 1	критерий 2	критерий 3	критерий 4	критерий 5	критерий 6	критерий 7	критерий 8
1. Новый клиент	ставка	критерий 1	критерий 2	критерий 3	критерий 4	критерий 5	критерий 6	критерий 7	критерий 8

Продолжение таблицы 7

2. Со средним сроком обслуживания	ставка	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий
3. Давно сотрудничающий	ставка	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий	критерий

Методика позволяет за счет дифференциации условий кредитования предусматривать резервы объема кредитования для новых клиентов и их проектов по привлекательным условиям (лучше рыночных), предоставляя льготный период начинающим, а также давно сотрудничающим кредитополучателям (рисунок 2). Для первых пониженная ставка допустима, поскольку в последующем с увеличением объема кредитования они возместят банку все ранее недополученные процентные доходы. А вторые характеризуются низким уровнем риска, который можно не закладывать в процентную ставку.

Рисунок 2 – Зависимость ставки кредита от длительности отношений банка с кредитополучателем

Примечание – Источник: собственная разработка

Вид кривой на рисунке 2. обусловлен аналогией с выводом российских ученых, выявивших образную зависимость использования кредита и возраста кредитополучателя, полученную на основании опроса 34 тыс. респондентов в 70 городах России [3, с. 152].

Предложенная система гибкого регулирования условиями кредитования позволяет обеспечить наиболее полный охват клиентской базы за счет установления условий кредитования, соответствующих категории кредитополучателя.

Таким образом, исследование показало, что целесообразно применять систему гибкого регулирования условиями кредитования для своевременного и адекватного реагирования на изменения целей кредитования и экономической среды, включающей:

1) классификацию условий кредитования по информационным блокам, конкретизирующим набор основных и дополнительных условий кредитования таким образом, чтобы сохранить интересы банка не в ущерб другим участникам кредитного процесса;

2) установление критериев изменения процентных ставок по кредитам как способ регулирования процентной политики банка, систематизация которых обес-

печивает своевременное реагирование на внутренние и внешние изменения, сопутствующие кредитному процессу;

3) классификацию способов управления процентной ставкой, учитывающую перечисленные стратегические ориентиры банка при формировании процентной политики, что позволяет при ее использовании сформировать процентную ставку с минимальным процентным риском;

4) комплекс мер по управлению процентным риском, представленный мерами, направленными не только на диагностику возможных проблем, но и на утверждение конкретных требований к качеству кредитного портфеля;

5) оценку влияния кредитного риска на условия кредитования, в частности на ставку кредита, основанную на рассмотрении созданного резерва по активам, подверженным кредитному риску, и недоплаченных в связи с этим налогов;

6) методику дифференциации условий кредитования для различных групп кредитополучателей на основе предварительной оценки риска и доходности кредита, ликвидности банка и формы привлечения кредитного ресурса, обеспечивающую наиболее полный охват клиентской базы и удовлетворяющую ее интересам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кредитная политика ОАО «АСБ Беларусбанк» на 2008 год : утв. Правлением ОАО «АСБ Беларусбанк» 22.11.07. – Минск : Анис, 2008. – 11 с.

2. Кауфман, И.И. Кредит, банки и денежное обращение / И.И. Кауфман. – СПб. : Общедоступ. тип. и лит. А.Е. Ландау и К⁰, 1873. – 928 с.

3. Солодников, В.В. Математические модели экономики России / В.В. Солодников, Д.Г. Цыбикова // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79, № 2. – С. 150–160.

Gruzinskaya Y. V. System of Flexible Regulation by Conditions of Crediting

Conditions of crediting as reference points with which help the order plans proportions of the economic connections necessary for a finding of border of system of crediting, determined are determined by functions of the credit therefore the control of process of crediting is provided. Consideration of conditions of crediting in a complex with conditions of managing and conditions of accumulation of the credit resource, forming result of crediting is resulted.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 24.05.2010

УДК 658.5

М.В. Варакулина

ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье обосновывается актуальность построения системы показателей оценки эффективности системы управления персоналом на предприятиях системы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в современных условиях. При формировании системы показателей оценки автор исходит из общепринятой классификации факторов влияния с учетом специфики функционирования системы управления персоналом применительно к предприятиям жилищно-коммунальной сферы. В работе выделяются внешние и внутренние, а также прямые и косвенные факторы влияния. С учетом выявленных факторов предлагается система показателей, в основе которой лежит методология ИСО. Отталкиваясь от трех основных показателей, автор проводит их последовательное дезагрегирование. Предложенная система показателей оценена по основным критериям, в результате чего автор приходит к выводу о ее пригодности для целей оценки системы управления персоналом.

Введение

Реформирование жилищно-коммунальной сферы выступает одной из наиболее важных государственных программ. При этом на современном этапе обращает на себя внимание кадровая проблема: отсутствие функциональной специализации, прежде всего в аппарате управления. Нехватка специалистов в сфере маркетинга, менеджмента качества, персональное перераспределение данных функций приводит к тому, что реализуются они крайне фрагментарно, без существования какой – либо системы.

Построение эффективной модели системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ целесообразно осуществлять, отталкиваясь от основных факторов влияния. Проблематика управления персоналом на предприятии сферы жилищно-коммунального хозяйства обусловлена наличием факторов, которые могут классифицироваться по различным критериям. Классификация факторов представляет собой распределение их по группам в зависимости от общих признаков. Она позволяет глубже разобраться в причинах изменения исследуемых явлений, точнее оценить место и роль каждого фактора в формировании величины результативных показателей [1].

Проблематике управления персоналом на предприятиях уделяется значительное внимание как отечественными (Н.П. Беляцкий, С.Е. Велеско, О.А. Высоцкий и др.), так и зарубежными авторами (А.Я. Кибанов, Дж.В. Ньюстром, Дж. Стредвик и др.). Однако рассмотрению системы управления персоналом применительно к предприятиям ЖКХ, по мнению автора данной статьи, уделяется недостаточно внимания. Одновременно бесспорным является тот факт, что система ЖКХ обладает определенными специфическими чертами, которые затрудняют использование традиционных подходов к управлению ею. Данный вывод в равной степени касается всех основных подсистем системы управления, в том числе и подсистемы управления персоналом.

Целью статьи выступает формирование системы показателей оценки эффективности функционирования системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ в Республике Беларусь.

Система факторов влияния

Среда функционирования системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ представлена, с одной стороны, внутренней средой, состоящей из персонала

(руководителей, специалистов и рабочих-исполнителей). С другой стороны, среда функционирования включает внешнюю среду, состоящую из коммерческой среды (банки, средства массовой информации, страховые компании, учреждения образования и т.д.), некоммерческой среды (профсоюзы, центры занятости, союзы и ассоциации), органов государственного управления и управляющих организаций (например, областные управления ЖКХ), которые выделены в отдельный блок, поскольку осуществляют непосредственное руководство деятельностью данных предприятий.

Представленные составляющие среды системы управления персоналом определяют факторы, которые в той или иной степени влияют на систему управления персоналом предприятия. Таким образом, можно выделить факторы внутренней среды предприятия, факторы, определяемые коммерческими организациями, факторы, определяемые некоммерческими организациями, факторы государственного регулирования; факторы, определяемые управляющими организациями.

Если исходить из рассмотрения системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ с позиций системного подхода, то, учитывая составляющие среды системы управления персоналом на предприятии, можно все факторы разделить на две группы: внешние и внутренние.

Внешние факторы представлены такими составляющими, как коммерческие и некоммерческие организации, государственное регулирование, факторы управляющих организаций.

Внутренние факторы можно условно разделить на две группы: прямые и косвенные. К факторам косвенного влияния относятся основные элементы (подсистемы) системы управления предприятием исходя из методологии ИСО (политика, маркетинг, реализация, закупки, качество, производство, финансы). К факторам прямого воздействия относятся, персонал, процессы управления персоналом на предприятии и методы управления персоналом, применяемые на предприятии (таблица 1).

Таблица 1 – Факторы системы управления персоналом организаций ЖКХ

Внешние факторы	Внутренние факторы	
	Прямые	Косвенные
1. Факторы, определяемые коммерческими организациями 2. Факторы, определяемые некоммерческими организациями 3. Факторы, определяемые системой государственного регулирования деятельности организации ЖКХ	1. Персонал 2. Процессы управления персоналом 3. Методы управления персоналом	1. Подсистема управления политикой организации 2. Подсистема управления маркетингом 3. Подсистема управления реализацией 4. Подсистема управления закупками 5. Подсистема управления качеством 6. Подсистема управления производством 7. Подсистема управления финансами

Система показателей оценки

Основной задачей анализа факторов влияния на какой-либо процесс, как правило, выступает установление возможности управления этими факторами для повышения эффективности реализации процесса. Анализ факторов влияния на систему управления персоналом предприятия не является исключением. Основная задача здесь – определить главные факторы, диапазон их значений с тем, чтобы выработать тактику поддержания данных значений на оптимальном уровне. С точки зрения возможности управления для предприятий системы ЖКХ целесообразно концентрировать внимание на факторах внутренней среды системы управления персоналом.

Одновременно практика хозяйствования показывает, что состояние предприятия на 1/3 определяется внешними и на 2/3 внутренними факторами [2].

Однако по отношению к самой системе управления персоналом на предприятии рассмотренные выше косвенные факторы выступают как внешние. Следовательно, можно предположить, что наибольшее внимание при анализе и моделировании системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ должно быть уделено факторам прямого влияния.

Факторы прямого влияния могут быть описаны через систему основных, дополнительных, вспомогательных и уточняющих показателей.

В соответствии с методологией международных стандартов качества ИСО можно выделить три основных показателя оценки эффективности системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ: персонал предприятия ЖКХ, уровень эффективности использования методов управления персоналом и уровень эффективности реализации процессов управления персоналом.

Отечественная теория и практика на современном этапе позволяет формировать систему оценочных показателей эффективности функционирования системы управления персоналом. Стоит также отметить, что система бухгалтерской, кадровой, финансовой отчетности на большинстве предприятий, в том числе и организаций системы ЖКХ, предоставляет практически всю необходимую информацию для расчета различных количественных показателей, в том числе и в сфере управления персоналом.

Автором работы был проведен анализ существующих оценочных показателей в сфере управления персоналом и предложен вариант их использования для целей оценки системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ в соответствии с методологией ИСО.

Далее в таблицах 2–4 предлагается развернутая характеристика системы показателей по каждому направлению оценки, а также значения рассматриваемых показателей для предприятия ЖКХ.

Таблица 2 – Система показателей, описывающих основной показатель «персонал предприятия ЖКХ»

Дополнительные показатели	Вспомогательные показатели	Среднее значение по предприятиям ЖКХ, %
1	2	3
1. Комплексная оценка эффективности руководства	1. Комплексная оценка по качественному критерию 2. Комплексная оценка по количественному критерию 3. Комплексная оценка результатов труда	87,3 95,2 64,1

Продолжение таблицы 2

2. Комплексная оценка эффективности специалистов	1. Комплексная оценка по качественному критерию	86,4
	2. Комплексная оценка по количественному критерию	94,2
	3. Комплексная оценка результатов труда	64,1
3. Комплексная оценка рабочих предприятия	1. Комплексная оценка по качественному критерию	78,2
	2. Комплексная оценка по количественному критерию	86,7
	3. Комплексная оценка результатов труда	65,9
4. Оценка деятельности неформальных групп	Уровень конфликтности	65,3
5. Оценка деятельности формальных групп	1. Оценка результатов труда подразделения	63,9
	2. Уровень конфликтности	59,8
6. Комплексная оценка коллектива	1. Коэффициент соответствия работников профилю работы предприятия	77,2
	2. Интегральный коэффициент использования рабочего времени	89,2
	3. Коэффициент текучести	25,8
	4. Уровень конфликтности	65,3
	5. Результаты труда коллектива предприятия	64,1

Показатель «Персонал предприятия ЖКХ» может быть описан с помощью системы из шести дополнительных показателей, каждый из которых описывается системой вспомогательных показателей. В свою очередь вспомогательные показатели описываются с помощью системы уточняющих показателей. Основное назначение данного параметра оценки – дать развернутую и объективную характеристику персонала предприятия ЖКХ.

Комплексная оценка эффективности руководства предприятия может проводиться в разрезе трех составляющих (вспомогательные показатели): комплексная оценка по качественному критерию, комплексная оценка по количественному критерию и комплексная оценка результатов труда.

Комплексная оценка по качественному критерию (ККК) предполагает определение способности работников аппарата управления выполнять управленческие функции, в том числе в условиях неопределенности, сопротивления, нехватки ресурсного обеспечения. Данный показатель описывается с помощью следующих уточняющих параметров: уровень образования (в %), стаж работы на руководящих должностях (в %), коэффициент роста уровня образования (в %).

Оценка по количественному критерию (ККО) – вид оценки, характеризующий степень соответствия численности занятых на руководящих должностях требованиям специфики деятельности организации системы ЖКХ. В качестве уточняющих параметров здесь могут выступать: индекс численности (в %), индекс изменения руководящего состава (в %), коэффициент постоянства (в %).

Комплексная оценка результатов труда – дает характеристику эффективности и интенсивности деятельности руководителей. Данный показатель описывается с помощью уточняющих параметров. Однако при выстраивании системы показателей, оценивающих управленческий труд, целесообразно учитывать следующие его особенности: а) труд носит умственный характер; б) основным предметом труда выступает информация; в) труд является объективно необходимым; г) свое отражение находит в выполнении заданий испол-

нителем; д) может быть оценен не через количество обработанных документов, а через установления их вклада в конечный результат деятельности организации.

Автором статьи в качестве основных критериев оценки результатов труда руководителей предлагаются такие показатели, как уровень коэффициента рентабельности персонала организации (в %), уровень производительности труда (в %), уровень брака (в %), коэффициент ритмичности производства.

Параметр Комплексная оценка эффективности специалистов, как и предыдущий, может быть оценен с помощью системы оценок (по качественному критерию, по количественному критерию и по результатам труда). Расчет основных показателей может быть проведен аналогичным образом, поскольку специфика управленческого труда, в определенной степени присуща и труду специалистов. Многие авторы даже относят труд специалистов к категории управленческого труда.

Параметр Комплексная оценка рабочих предприятия также может быть описан с помощью трех вспомогательных показателей, рассмотренных выше, однако данные показатели будут описаны иными уточняющими параметрами.

Комплексная оценка по качественному критерию может быть проведена при помощи таких показателей, как коэффициент соответствия (в %), уровень коэффициента среднего тарифного разряда (в %), коэффициент повышения уровня образования рабочих (в %), стаж работы по специальности (в %).

Комплексная оценка по количественному критерию осуществляется на основе таких показателей, как индекс рабочей силы (в %), коэффициент постоянства (в %) и индекс кадрового состава (в %).

Комплексная оценка результатов труда рабочих организаций ЖКХ может быть проведена с помощью системы показателей включающей коэффициент выполнения норм выработки (в %) и коэффициент выполнения норм времени (в %).

Параметр «Оценка деятельности формальных групп» (структурные подразделения предприятия) описывается с помощью двух дополнительных показателей: оценка результатов труда подразделения предприятия и коэффициент конфликтности.

Параметр «Результаты труда подразделения» может быть описан с помощью таких показателей, как рентабельность персонала, коэффициент выполнения норм времени, коэффициент выполнения норм выработки в разрезе структурных подразделений предприятия. Цель данной оценки – выявить наиболее слабые структурные подразделения организации.

Шестой параметр «Комплексная оценка коллектива предприятия» описывается с помощью 5 вспомогательных показателей: коэффициент соответствия работников профилю работы организации, интегральный коэффициент использования рабочего времени, коэффициент текучести, уровень конфликтности и результаты труда коллектива организации.

Таблица 3 – Система показателей, описывающих основной показатель «Уровень эффективности использования методов управления персоналом предприятия ЖКХ»

Дополнительные показатели	Вспомогательные показатели	Среднее значение по предприятиям ЖКХ, %
1	2	3
1. Уровень реализации административных методов управления персоналом	1. Уровень производственной дисциплины	86,1
	2. Уровень технологической дисциплины	
	3. Уровень трудовой дисциплины	78,2
	4. Комплексная оценка подбора и расстановки кадров на предприятии	81,5
		69,7

Продолжение таблицы 3

1	2	3
2. Уровень реализации социально-экономических методов управления персоналом	1. Эффективность использования фонда заработной платы	76,5
	2. Эффективность системы нормирования труда на предприятии	78,3
	3. Эффективность системы планирования персонала на предприятии	85,4
3. Уровень реализации социально-психологических методов управления персоналом	1. Повышение квалификации работников	63,2
	2. Улучшение условий труда и укрепление здоровья работников	68,4
	3. Улучшение социально-культурных и жилищно-бытовых условий	54,1
	4. Социальная защищенность членов трудового коллектива	72,8

По аналогии с предыдущим второй основной показатель описывается системой дополнительных, вспомогательных и уточняющих показателей. Основное назначение параметра оценки – оценить эффективность использования методов управления персоналом на предприятии ЖКХ.

Уровень реализации административных методов управления персоналом – первый параметр оценки. Значение использования данных методов состоит прежде всего в том, что они представляют собой набор инструментов, воздействие которых можно достаточно точно спрогнозировать. В первую очередь, они затрагивают вопросы дисциплины (производственной, технологической, трудовой), а также систему подбора и расстановки кадров на предприятии ЖКХ.

Уровень реализации социально-экономических методов управления персоналом может быть охарактеризован через эффективность использования фонда заработной платы, а также эффективность систем планирования и нормирования труда на предприятии ЖКХ.

Уровень реализации социально-психологических методов управления персоналом в организации системы ЖКХ может быть оценен через систему следующих параметров:

Повышение квалификации работников целесообразно оценивать с помощью показателей коэффициенты роста уровня образования работников, уровня выполнения плана по повышению образования работников организации.

Улучшение условий труда и укрепление здоровья работников может быть оценено через расчет коэффициента обеспеченности рабочих санитарно-бытовыми помещениями, уровня санитарно-гигиенических условий труда, уровень частоты травматизма в расчете на 100 человек, процент работников, имеющих профессиональные заболевания, процент общей заболеваемости работников, процент работников, поправивших свое здоровье в санаториях, профилакториях и т.д. в сравнении с планом (базовым периодом), синтетический показатель технического уровня рабочих мест, удельный вес рабочих мест с вредными и особо вредными условиями труда, удельный вес рабочих мест с тяжелым ручным трудом, удельный вес рабочих мест с монотонным трудом.

Таблица 4 – Система показателей, описывающих основной показатель «Уровень эффективности реализации процессов управления персоналом на предприятии ЖКХ»

Дополнительные показатели	Вспомогательные показатели	Среднее значение по предприятиям ЖКХ, %
1	2	3
1. Уровень реализации процесса формирования персонала	1. Затраты на формирование персонала	1
	2. Длительность процесса формирования персонала	2
	3. Качество формирования персонала	62,2
2. Уровень реализации процесса развития персонала	1. Затраты на развитие персонала	1
	2. Длительность развития персонала	1
	3. Качество развития персонала	62,2
3. Уровень реализации процесса оценки персонала	1. Затраты на оценку персонала	2
	2. Длительность оценки персонала	30
	3. Качество оценки персонала	56,5
4. Уровень реализации процесса ресурсного обеспечения персонала	1. Затраты на ресурсное обеспечение персонала	75
	2. Длительность ресурсного обеспечения персонала	80
	3. Качество ресурсного обеспечения персонала	68
5. Уровень реализации процесса использования персонала	1. Затраты на использование персонала	21
	2. Длительность использования персонала	85
	3. Качество использования персонала	64

Третий основной показатель, характеризующий комплекс факторов системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ – «Уровень эффективности реализации процессов управления персоналом на предприятии ЖКХ». При оценке процессов управления персоналом на предприятии необходимо использовать методологию ИСО, в соответствии с которой можно определить требования к процессам управления персоналом:

- 1) затраты на реализацию процесса;
- 2) длительность процесса;
- 3) показатели качества процесса.

Можно выделить следующие специальные функции управления персоналом на предприятии ЖКХ: формирование персонала предприятия, развитие персонала на предприятии, оценка персонала на предприятии, ресурсное обеспечение персонала предприятия, использование персонала на предприятии.

Таким образом, можно выделять соответствующие процессы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ, которые должны реализовываться на трех уровнях (стратегическом, тактическом и оперативном):

- 1) процесс формирования персонала (включает подпроцессы набора, отбора, адаптации персонала);
- 2) процесс развития персонала (включает подпроцессы повышения квалификации, переподготовки, обучения, развития карьеры);

3) процесс оценки персонала (включает стартовую оценку, периодическую и текущую оценку персонала);

4) процесс ресурсного обеспечения персонала (включает подпроцессы технического, материального, финансового, информационного, методического и иного обеспечения деятельности сотрудников);

5) процесс использования персонала (включает подпроцессы создания оптимальных и безопасных условий труда, кадрового перемещения, высвобождения).

Все эти процессы и подпроцессы могут рассматриваться как факторы прямого влияния на систему управления персоналом на предприятии ЖКХ. Таким образом, можно выстроить систему показателей, описывающих третий основной фактор влияния на систему управления персоналом.

Таким образом, на основании проведенного анализа были определены наиболее слабые составляющие системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ. Например, можно выделить три наиболее слабых по уровню развития направления в работе с персоналом на предприятиях системы ЖКХ. Первое из предлагаемых направлений – подсистема формирования персонала на предприятиях ЖКХ. Второе направление, которое также нуждается в совершенствовании развитие персонала. В частности, как показывает практика, большинство предприятий, в том числе и предприятия ЖКХ, сталкиваются с проблемой поиска организаций, которые предлагали бы обучающие программы, полностью адаптированные к специфике их производственно-хозяйственной деятельности. Третье направление – оценка персонала – также недостаточно эффективно развито.

Оценка соответствия системы показателей

Предлагаемая система показателей представляет собой информационную базу для принятия решений в сфере управления персоналом на предприятии. Она выступает основой построения модели системы управления персоналом на предприятии и позволяет отслеживать эффективность процессов трансформации системы. Однако, как любая информация, данная система должна быть оценена по целому ряду критериев, таких как комплексность, релевантность, надежность, экономичность.

По критерию *комплексности* система показателей может быть оценена положительно. Предлагаемая система показателей позволяет оценить все составляющие системы управления персоналом на предприятии. Оценка по данной системе показателей является достаточно полной, показатели тесно взаимосвязаны между собой и приведены к общим единицам измерения, что обуславливает единообразие интерпретации получаемых результатов.

По критерию *релевантности* система показателей также может быть оценена положительно. Все представленные в системе показатели относятся непосредственно к системе управления персоналом, отсутствует необоснованное увеличение количества показателей, дублирование показателей, а также отсутствуют показатели, не имеющие отношения к системе управления персоналом на предприятии системы ЖКХ.

По критерию *надежности* система показателей может быть оценена высоко, поскольку система выстраивалась в основном с использованием количественных показателей, сведено к минимуму использование экспертных суждений, что повышает достоверность показателей.

По критерию *экономичности* система показателей также может быть оценена высоко. Несмотря на достаточно большое количество показателей, в практике их применения с использованием современных информационных технологий может быть достигнуто существенное снижение трудозатрат на расчет данных показателей. Однако простота расчета во многом зависит от эффективности мониторинга на предприятии ЖКХ.

Заклучение

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы и заключения:

1) На современном этапе теория и практика выработала разнообразные подходы к классификации факторов влияния на хозяйственную деятельность субъектов хозяйствования.

2) Специфика среды функционирования системы управления персоналом в системе менеджмента жилищно-коммунального предприятия позволяет выделять внутренние и внешние факторы. Одновременно доминирующее значение системы внутренних факторов предопределяет необходимость их более детального рассмотрения с возможным дальнейшим введением их в модель системы управления персоналом на предприятии.

3) Анализ факторов влияния на систему управления персоналом на предприятии системы ЖКХ, а также необходимость учитывать требования методологии ИСО позволяют выделить три основных фактора, воздействующих на систему управления персоналом на предприятии ЖКХ: персонал предприятия, методы управления персоналом, применяемые на предприятии, и процессы управления персоналом, реализуемые на предприятии.

4) Детальное рассмотрение основных факторов влияния позволяет построить систему показателей, характеризующих процесс управления персоналом на предприятии ЖКХ. Предлагаемая система показателей основана на использовании основных, дополнительных, вспомогательных и уточняющих показателей. Она была предварительно оценена по основным критериям: комплексность, релевантность, надежность, экономичность. В результате было установлено, что система является адекватной установленным требованиям и может быть использована в практике хозяйственной деятельности предприятий – субъектов ЖКХ.

5) Предлагаемая система показателей выступает объективной основой методики оценки системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ, позволяющей адаптировать методологию международных стандартов качества ИСО к практике хозяйственной деятельности предприятий ЖКХ в условиях реорганизации экономических отношений в системе жилищно-коммунального хозяйства страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г.В. Савицкая. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : ООО «Новое знание», 2000. – 688 с.
2. Догиль, Л.Ф. Предпринимательство и малый бизнес : учеб. пособие / Л.Ф. Догиль, Б.Д. Семенов. – Минск : Вышэйшая школа, 1997. – 266 с.

Varaculina M.V. Parameters of an Estimation of Effectiveness of a System of Personnel Management at the Enterprises of the Housing and Communal Services in the Republic of Belarus

In this article the importance of construction of system of parameters of an estimation of effectiveness of the system of the personnel management at the enterprises in the system of the Housing and Communal Services in modern conditions is proved. Making a system of parameters of estimation, the author uses the standard classification of the factors of influence in accordance with specificity of functioning of the system of personnel management with reference to the enterprises in Housing and Communal sphere. External and internal, and also direct and indirect factors of influence are marked in the work. According to the revealed factors it is offered the systems of parameters, in the basis of which the methodology ISO Lies. Making a start from three basic parameters, the author carries out their consistent disaggregation. The offered system of parameters is appreciated by the basic criteria, therefore the author comes to a conclusion about its suitability for the purposes of an estimation of a system of personnel management.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.09.2010

УДК 343

С.М. Храмов

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ И ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье проводится криминологический анализ зарегистрированной и латентной преступности в Республике Беларусь. С использованием статистических данных и результатов научных исследований определяется уровень фактической преступности на 100 000 населения, который сравнивается с показателями преступности в ряде зарубежных государств. Прослеживается динамика преступности в стране с 1961 г. по 2009 год. Отмечается наметившаяся с 2008 года тенденция снижения зарегистрированной преступности в Республике Беларусь.

Введение

Анализ криминогенной ситуации в стране показывает, что преступность в современных условиях претерпевает существенные изменения. Остается высоким количество тяжких и особо тяжких преступлений. Не ослабевает противодействие криминальной среды интересам государства, которое относит преступность к основным факторам, создающим угрозу безопасности Республики Беларусь. Органам внутренних дел удается контролировать криминогенную ситуацию в стране и посредством принимаемых оперативно-следственных и профилактических мер влиять на ее динамику.

Коэффициент преступности в Республике Беларусь

По официальным данным МВД, в 2009 году коэффициент (уровень) преступности в Республике Беларусь на 100000 населения несколько снизился и составил 1 577 [1, с. 1] (в 2008 г. – 1 636 [2, с. 2]).

Уровень преступности был рассчитан по следующей формуле :

$$Y = \frac{P * 100\ 000}{N},$$

где Y – уровень преступности; P – число зарегистрированных преступлений; N – численность населения.

Снижение официально зарегистрированного уровня преступности составило 3,7% при естественной убыли населения 2%. Даже с учетом отрицательного демографического показателя положительная динамика в борьбе с преступностью налицо.

Коэффициент преступности – величина не постоянная. Она изменяется год от года и зависит от многих факторов. Например, в период с 1992 г. по 2001 г. максимальный коэффициент преступности на 100 тыс. населения в Республике Беларусь составлял 1357 (в 2000 году), минимальный – 938 (в 1992 году). Как видно, за прошедшее время он заметно возрос.

Вместе с тем коэффициент зарегистрированной преступности в Республики Беларусь по сравнению с другими странами не достиг критической отметки. Например, в Швеции еще в 1950 году на 100 000 населения регистрировалось 2 771 преступлений, а в 1990 г. – 14 266 [3, с. 109]. Этот показатель превышает уровень белорусской преступности 2008 г. в 8,7 раза!

Полученные с помощью элементарных арифметических вычислений данные позволяют сравнивать интенсивность преступности в разных административно-территориальных единицах с различной численностью населения, а также в разные периоды времени в одном и том же районе, области с учетом изменения численности населения.

Несмотря на то, что в 2009 году в Республике Беларусь процент установления подозреваемых по уголовным делам несколько увеличился по сравнению с 2008 годом (с 41,4% до 45,7%), количество нераскрытых преступлений все еще внушительно. При этом всегда следует иметь в виду существующее явление латентной, или скрытой, преступности, борьба с которой должна носить комплексный характер.

На сегодняшний день проблема борьбы с латентной преступностью усугубляется не только пробельностью нормативно-правового регулирования отношений, складывающихся в данной сфере, но и вполне объяснимым психологическим неприятием данной темы многими работниками правоохранительных органов. Во многом это связано с высокой загруженностью сотрудников, особенно подразделений предварительного расследования. При этом во главу угла справедливо ставится задача оперативного и качественного реагирования на поступившие заявления и сообщения о преступлениях. Это касается заявлений и сообщений, которые зарегистрированы и по которым сотрудники обязаны проводить исчерпывающую работу, направленную на изобличение виновных лиц, привлечение их к уголовной ответственности, защиту прав и законных интересов потерпевших, определение и устранение совокупности причин и условий, способствующих совершению преступлений. На выявление же вала латентных преступлений при нынешнем штате и нагрузке на сотрудников милиции в большинстве случаев не хватает возможностей в широком смысле этого слова. А ведь без фиксации фактического уровня преступности нет оснований рассчитывать на увеличение штатов, материально-технического снабжения и др. Общество крайне заинтересовано в том, чтобы его правоохранительная система была в состоянии эффективно противостоять любым преступным проявлениям. Следовательно, деятельность правоохранительных органов может быть существенным образом оптимизирована только при условии оказания им практической и методической помощи в решении проблемы латентной преступности. При этом в качестве отправного пункта изучения латентной преступности следует использовать официальную уголовную статистику. Безусловно, она объективно имеет несколько ограниченный характер, поскольку отражает результаты борьбы правоохранительных органов исключительно с зарегистрированной преступностью. Однако именно статистические данные о состоянии преступности при взвешенном подходе могут помочь исследователям выявить «динамику преступности в стране достаточно полно» [4, с. 41]. Во многом это объясняется системным, криминологически обусловленным подходом к формированию баз данных правоохранительных органов.

Официальная уголовная статистика характеризует не только сами преступления, но и лиц, их совершивших. Так, преступления учитываются в статистике по видам, субъектам преступлений и т.д. Например, в 2009 году в Республике Беларусь, согласно статистическим данным, было совершено 565 убийств (ст. 139–141, 362 УК) и установлено 548 лиц, их совершивших (97% от общего количества) [1, с. 3]. Процент раскрываемости убийств относительно показателей предыдущего года вырос на 0,1%.

Уголовная статистика обладает высокой степенью репрезентативности. Она охватывает 100% территории Республики Беларусь, что сводит среднее теоретическое отклонение к минимальному показателю (в отличие, например, от США, где регистрацией преступлений охватывается всего около 87,5% территории штатов). Поэтому в подавляющем большинстве криминологических исследований обоснованно используются официальные статистические данные о состоянии зарегистрированной преступности за определенный период времени. Такой подход позволяет создать достаточно пропор-

циональное представление об уровне преступности, реально существующей в обществе, ее динамике и тенденциях. Как справедливо заметил в этой связи С.Е. Вицин, «преступность подчиняется определенным статистическим закономерностям, которые могут быть найдены и выражены в количественных показателях и использованы для ее исследования» [5, с. 24]. Именно официальная статистика служит таким количественным показателем, в котором могут быть найдены интересующие нас статистические закономерности. Она позволяет произвести точную оценку состояния регистрируемой преступности.

Следует отметить, что в нашей стране единая система государственного статистического наблюдения за состоянием правопорядка стала функционировать с 01.01.2007 года, когда вступил в силу Закон Республики Беларусь № 94-З «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» [6]. Этот Закон был принят Палатой представителей 02.12.2005 года, одобрен Советом Республики 21.12.2005 года и подписан Главой государства 09.01.2006 года. Закон Республики Беларусь «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» позволяет принимать на основе статистической информации о правонарушениях научно обоснованные решения по совершенствованию правоохранительной деятельности в области борьбы с преступностью, в том числе с латентной ее частью.

По данным МВД, в 2008 году в Республике Беларусь зарегистрировано 158 506 преступлений, что на 21 921 (или 12,1%) преступление меньше, чем за аналогичный период прошлого года [1, с. 3]. Для сравнения: в 1995 году в Беларуси было совершено 131 800 преступлений, в 2002 году – 133 000, а в 2003 году, когда были ужесточены требования к учетно-регистрационной дисциплине, их было зафиксировано уже более 151 000, в 2004 – 166 100, в 2005 году – 195 361 (максимальный уровень преступности в стране за все годы ведения статистического учета). Как видно из приведенных статистических данных, уровень регистрируемых преступлений на протяжении десятилетия – с 1995 г. по 2005 г. – постоянно повышался.

Такая же тенденция была свойственна для Беларуси и в советское время. Если в период с 1961 г. по 1970 г. среднегодовой уровень зарегистрированной преступности составлял 27563 фактов, то в последующие десятилетия – 36 400 (1971–1980 гг.) и 55 613 (1981–1990 гг.) [7, с. 17].

С 1989 г. по 2000 г. количество зарегистрированных преступлений удвоилось. Так, если в 1989 году всего в республике было зарегистрировано 66 499 преступлений, то этот же показатель в 2000 году возрос до 135 540 преступлений [8].

В настоящий период времени наблюдается обратная тенденция. Так, в 2008 году снижение уровня зарегистрированной преступности зафиксировано во всех без исключения областях нашей страны. Например, в Могилевской области преступность снизилась на 20,3%. Вместе с тем остается сложной криминогенная обстановка в городе Минске, Минской и Гомельской областях, где показатели зарегистрированных преступлений наиболее значительны. В этих же трех регионах самые высокие уровневые показатели по количеству преступлений на 100 000 населения (1 922, 1 832 и 1 746 соответственно).

По ряду позиций в 2009 году все же был зафиксирован рост криминальной активности. Так, на 30,9% увеличилось количество зарегистрированных преступлений в сфере высоких технологий (всего 2 113 фактов). Увеличилось также общее количество выявленных противоправных деяний в сфере наркоконтроля и противодействия торговле людьми (на 10,6%). Все еще высоким остаются количественные показатели уголовно наказуемого по ст. 317-1 УК управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения. К различным видам уголовной ответственности за совершение этого преступления, посягающего на безопасность движения, в 2009 году

привлечены 4 755 водителей. При этом около 50% всех дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом происходит именно по вине водителей, находившихся в состоянии алкогольного опьянения.

В связи со сложной обстановкой, складывающейся в сфере обеспечения дорожной безопасности, целесообразно внести некоторые уточнения в Правила учета дорожно-транспортных происшествий (далее – Правила), введенные в действие Приказом МВД Республики Беларусь от 18.05.1996 года № 104.

Во-первых, в связи с тем, что в настоящее время медицинские услуги оказываются пострадавшим при ДТП профильными учреждениями различных форм собственности, в Правилах целесообразно заменить слова «медицинские учреждения» словами «медицинские организации».

Во-вторых, конкретизировать п. 5.2. Правил в части уточнения понятия «немедленно», поскольку от этого напрямую зависит раскрытие преступлений в сфере безопасности движения. Предлагается следующая редакция:

«5.2. Медицинские организации обязаны немедленно, в срок, не превышающий тридцати минут, сообщить в органы внутренних дел о лицах:

- обратившихся за помощью по поводу телесных повреждений, полученных ими в результате ДТП или характерных для ДТП;
- скончавшихся от ранений, полученных в ДТП, в течение тридцати суток после происшествия при наличии причинно-следственной связи между наступлением смерти и дорожно-транспортным происшествием;
- о доставленных погибших с мест ДТП».

Всего в 2009 году органам внутренних было зарегистрировано на 8 795 преступлений меньше, чем в 2008 году. Вопреки сложившемуся мнению, это не свидетельствует о стабилизации криминогенной ситуации, поскольку статистические данные не учитывают и не могут учитывать латентных преступлений.

Следует отметить, что уже более шести лет регистрация преступлений осуществлялась в условиях повышенного внимания к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины, законности и обоснованности принимаемых процессуальных решений. В результате статистические данные зарегистрированной преступности приблизились к показателям преступности фактической. Над этим только работают наши коллеги в Российской Федерации и в Украине. Имеется даже мнение о том, что в настоящее время в ОВД Республики Беларусь регистрируется абсолютно все. Следовательно, показатели преступности не занижаются, поскольку соответствуют числу заявлений и сообщений о совершенных преступлениях. Подавляющее большинство сотрудников, которые добросовестно исполняют свой служебный долг и не принимают участия в образовании искусственно-латентных преступлений, вполне искренни в своих убеждениях о тотальной регистрации всех без исключения общественноопасных деяний.

Как и прежде, значительную часть зарегистрированных преступлений составляют кражи, на долю которых в 2009 году пришлось 54,3% (в 2008 г. – 55,1%). На 10,1% уменьшилось число грабежей (ст. 206 УК), на 2,8% – разбоев (ст. 207 УК), на 4,6% – угонов автотранспорта (ст. 214 УК), на 32,8% – фактов хулиганства (ст. 339 УК).

Характеризуя динамику отдельных видов преступлений, зарегистрированных в 2009 году, следует отметить, что число убийств (с покушениями) по сравнению с 2008 годом уменьшилось на 13,9%. Результатом профилактического воздействия со стороны правоохранительных органов является то, что этот показатель год от года снижается (в 2008 году было зафиксировано снижение на 18,5% фактов по сравнению с 2007 годом).

Рассматриваемая категория преступлений относится к низколлатентным. Вместе с тем объективная характеристика рассматриваемого вида преступлений может

быть дана только с учетом имеющихся данных о неустановленных лицах, непопавших трупах, связанных с криминальным насилием, а также о числе без вести пропавших. Только в Гомельской области по состоянию на 19.09.2009 г. без вести пропавшими числились 519 граждан, в том числе 16 несовершеннолетних [9, с. 2]. А всего в Республике Беларусь с 1991 года пропало без вести 2 289 человек. В то же время за восемь месяцев 2008 года было найдено 718 человек.

К сожалению, часть лиц, числящихся пропавшими без вести, на самом деле оказываются жертвами криминального насилия. Так, несколько месяцев числились пропавшими без вести граждане, которые в 2009 году следовали транзитом через Республику Беларусь и останавливались в ночное время на оборудованных стоянках по пути следования для отдыха на трассе Гомель – Витебск, а также на участке автодороги Гомель – Могилев. Фактические обстоятельства пропажи оказались таковы: пропавшие стали жертвами разбойных нападений, которые совершали трое жителей Гомельской области с июля по сентябрь 2009 года. Нападения из корыстных побуждений с целью завладения имуществом, в том числе автомобилями, совершались на территории Быховского и Могилевского районов. После маскировки разбойного нападения преступники убивали своих жертв, а трупы закапывали в лесном массиве вблизи места совершения преступлений. В результате с заявлением о преступлении первоначально обращаться было некому. Серию особо тяжких замаскированных преступлений удалось раскрыть благодаря оперативности и умело скоординированным действиям работников прокуратуры Могилевской области и сотрудников УВД Могилевского облисполкома. Подозреваемые были задержаны. В процессе проведенного обыска по месту их жительства изъято похищенное имущество и автомобили, которые доставлялись и укрывались там после совершенных преступлений. По всем фактам преступлений, которые ранее были латентными, прокуратурой Могилевской области возбуждены уголовные дела, предварительное следствие по которым проводилось работниками следственного отдела областной прокуратуры [10].

Случаи, когда лицо, считавшееся пропавшим без вести, оказывается жертвой насилия, встречаются нередко. Вот еще один пример: с ноября 2008 года числилась пропавшей без вести жительница Жлобина 1957 года рождения. С заявлением в милицию об исчезновении матери обратилась ее дочь. Однако в ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий сотрудникам правоохранительных органов не удавалось установить местонахождение женщины. Статистические данные о без вести пропавших так и продолжали бы содержать сведения об этой женщине, если бы местная жительница не обнаружила в принадлежащем ей нежилом доме включенный в сеть холодильник, обмотанный скотчем, а в нем хозяйственную сумку с трупом разыскиваемой женщины. В процессе производства следственных действий прокуратурой Жлобинского района установлено, что к гибели женщины причастен ее сын 1984 года рождения, который задержан.

Кроме того, в криминологическом аспекте к данной категории преступлений (убийствам) следует отнести и факты умышленного причинения тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 147 УК Республики Беларусь). В 2009 году было зафиксировано 220 таких фактов (в 2008 году – 268), установлено 97,7% подозреваемых лиц. Практически все дела данной категории, возбужденные органами предварительного следствия в 2009 году, направлены в суд (218 уголовных дел).

Необходимо отметить снижение уровня преступности еще по некоторым направлениям. Так, в 2009 году, в сравнении с 2008 годом, на 10,7% уменьшилось количество изнасилований (215 преступлений), на 9,1% – вымогательств (153 преступления),

на 2,6% – мошенничества (3 851 преступление). Самый высокий процент раскрываемости составил по делам, возбужденным по фактам вымогательства имущества – 99,3%.

Сравнительные показатели латентной преступности

Проведенные автором самостоятельные исследования позволяют сопоставить различные сведения о зарегистрированной и незарегистрированной преступности. Если исходить из полученных данных, то можно предположить, что в 2009 году в Республике Беларусь уровень фактической преступности, включающей зарегистрированную и латентную ее части, на 100 000 населения составил около пяти с половиной тысяч. Этот показатель почти в три с половиной раза превышает официальный. Полученные данные в основном соответствуют проводившимся ранее многолетним исследованиям криминологов.

Кстати, приведенный уровень фактической преступности для общемировой практики не является критическим. Во многих развитых странах, например, в Австрии, Германии, Дании, Канаде, Финляндии, Франции, Швеции, даже официальный уровень регистрируемой ежегодно преступности выше предполагаемого уровня фактической преступности в нашей стране.

В целом имеются основания предполагать, что в 2009 году показатели латентной преступности в Республике Беларусь возросли приблизительно на 5,5–6% по отношению к официально зарегистрированной, что является тревожной тенденцией. Это дает основание сделать еще одно предположение: рост латентной преступности в 2009 году оказался прямо пропорциональным снижению уровня зарегистрированной преступности.

Данное предположение основано на логическом умозаключении. Каких-либо точных математических и статистических подтверждений выдвинутой гипотезе нет. Возможно поэтому действующие работники правоохранительных органов, с которыми автор обсуждал проблематику латентной преступности, высказали сомнение в верности данного утверждения. Думается, что их точка зрения может оказаться верной только при практически полном совпадении цифровых показателей фактически совершенных и официально учтенных преступлений, что на сегодняшний день маловероятно.

Рост латентной преступности в обществе происходит на фоне создавшегося в последнее время некомплекта личного состава ОВД, что особенно тревожно. Ситуация по состоянию на 1 июня 2009 года сложилась следующая: некомплект участковых инспекторов милиции вырос и составил в целом по стране 9%, в Минской области – 11%, в Минске – 20%, некомплект в подразделениях по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями – почти 11%, в подразделениях патрульно-постовой службы – 19%. Такое положение только усугубляет состояние дел в условиях количественного роста латентной преступности, а потому недопустимо.

Проведенный сравнительный анализ зарегистрированной и латентной преступности в Республике Беларусь подтверждает верность выдвинутой рабочей гипотезы о том, что меры, направленные на предупреждение и нейтрализацию скрытой преступности, по-прежнему недостаточно эффективны.

Долгое время принято было считать, что снижение уровня официальной преступности – положительный показатель деятельности правоохранительных органов. Представляется, что это не совсем так, поскольку уровень латентной преступности в такой ситуации наоборот повышается. Поэтому и рост регистрируемой преступности не должен влечь за собой кардинальных кадровых перестановок, а расцениваться, как минимум, нейтрально. Более того, рост официально зарегистрированной преступности – убедительное подтверждение активизации деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия уголовно-наказуемым деяниям. Результаты работы правоохранительных органов могут оцениваться по привычным параметрам только по мере

уменьшения количества латентных преступлений и сближения показателей фактической и зарегистрированной преступности.

Рост латентной преступности обусловлен рядом факторов, которые практически совпадают с аналогичными факторами преступности в общепринятом понимании этого слова. Наиболее опасными при этом являются преступления против личности.

Из проведенного анализа видно, что латентная преступность, как и вся преступность в целом, подвержена динамичным изменениям. Это необходимо учитывать при планировании борьбы с преступностью как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельных районов и областей. Задача правоохранительных органов состоит в том, чтобы динамика изменения преступности была положительной. Речь идет не только о зарегистрированной, но и о латентной преступности.

Говоря о преступности, следует иметь в виду, что «некоторые ее виды более латентны (особо высоколатентные и высоколатентные преступления), другие – менее» [11, с. 38]. Это зависит как от особенностей конкретных видов преступности, так и от позиции государства и поведения населения, не всегда ставящего правоохранительные органы в известность о совершенных преступлениях. Так, наименее латентны особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь человека. Ежегодно в Республике Беларусь регистрируется около 1 тысячи убийств.

Более всего латентны кражи, преимущественно в незначительном размере. Высока латентность преступлений в семейно-бытовой сфере. По данным МВД, примерно в 50% случаев потерпевшие вообще не обращаются с заявлениями в милицию.

Факторы роста латентной преступности

За счет чего происходит рост скрытой преступности? Прежде всего за счет особо высоколатентных и высоколатентных преступлений. По данным исследований, проведенных научно-исследовательской группой НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации под руководством С.М. Иншакова, «к особо высоколатентным относятся, в частности, такие преступления, как дача и получение взяток, уклонение от уплаты налогов с организаций, уклонение от прохождения воинской службы, незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества, и др. Высоколатентными являются следующие преступления: умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, торговля людьми, использование рабского труда, оскорбление, кража, мошенничество, вымогательство, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, и др.» [12, с. 43].

К высоколатентным относятся также экологические, компьютерные и экономические преступления. Между тем последние представляют реальную угрозу экономической и иной безопасности. Основная причина высокой латентности экономических преступлений – отсутствие потерпевших и других лиц, заинтересованных в их выявлении. В этом случае прямой и косвенный ущерб терпит государство. Интересы граждан затрагиваются прямо или косвенно.

Подробнее следует остановиться и на экологических преступлениях. Если проанализировать данные официальной уголовной статистики и сопоставить их со сведениями, полученными в процессе использования социологических методов измерения латентной преступности, то можно прийти к неутешительному результату. В сжатом виде вывод может быть сформулирован следующим образом: количество возбуждаемых правоохранительными органами уголовных дел за совершение преступлений, посягающих на экологическую безопасность и природную среду, явно не соответствует числу фактически совершаемых преступлений в данной сфере. Специальных исследований по этому поводу в Республике Беларусь в последнее время не проводилось. По-

этому в сложившейся ситуации допустимо сослаться на данные исследований, проведенных в 90-е годы XX века А.Я. Сухаревым. В своей работе «Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия» ученый пишет: «Губительной для страны, и прежде всего для здоровья населения, становится экологическая преступность, борьба с которой практически затухает, если учесть ее латентность в 97–98%» [13, с. 22]. По другим экспертным данным «в среднем за загрязнение окружающей природной среды к уголовной ответственности... привлекается примерно один из 150 нарушителей, а к административной – один из 15» [14, с. 29].

В настоящее время единый государственный банк данных о правонарушениях (информационно-техническая система, включающая в себя совокупность сведений о правонарушениях) находится в ведении МВД Республики Беларусь. Представляется, что это не способствует выявлению органами МВД латентных преступлений, тем более с неустановленными подозреваемыми.

Можно ли сбалансировать систему учета, раскрытия и расследования преступлений? Некоторые авторы предлагают возложить функции по формированию и ведению государственного банка данных о правонарушениях, включающих как преступления, так и административные правонарушения, на Министерство юстиции. Р.М. Акутаев, например, так обосновывает свою позицию: «Нам представляется, что одним из наиболее оптимальных вариантов решения данной проблемы могла бы быть передача функции осуществления единого государственного статистического учета преступлений в ведение органов Министерства юстиции, где бы аккумулировались все сведения об установленных (выявленных) преступлениях независимо от ведомственной разобщенности правоохранительных органов» [15, с. 196].

В Республике Беларусь данное ведомство не имеет соподчиненности с МВД. В связи с этим у Министерства юстиции действительно полностью отсутствует какая-либо заинтересованность в искажении данных о состоянии преступности либо манипулировании ими. Тем более исторически впервые функция по учету преступлений была возложена именно на Министерство юстиции. Произошло это еще в 1803 году в бывшей Российской империи, в состав которой входила в то время часть современной территории Беларуси. Поступавшие из белорусских территорий сведения систематизировались в Министерстве юстиции и прилагались к ежегодному «Всепогоднейшему отчету министра юстиции». В 1834–1868 гг. отчеты министра юстиции публиковались вместе с криминальной статистикой. По завершении судебной реформы 1864 года материалы о преступности с 1884 г. по 1913 г. ежегодно публиковались отдельно от отчета министра в «Сводах статистических сведений Министерства юстиции».

В качестве контраргумента видится обоснованная позиция кандидата юридических наук В.В. Лосева, который считает, что предложение о передаче функции регистрации преступлений из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции Республики Беларусь является не совсем обоснованным, а на практике трудно реализуемым (прежде всего с точки зрения кадровой и материально-технической обеспеченности соответствующих структурных подразделений). Соккрытие преступлений происходит не на уровне информационно-аналитических подразделений МВД, где обобщается поступающая для регистрации информация (причем не только из органов внутренних дел, но и из других правоохранительных органов). Соккрытие преступлений от учета и тем самым образование латентности происходит при приеме и регистрации заявлений о преступлениях, в ходе их рассмотрения, вследствие принятия незаконных процессуальных решений об отказе в возбуждении или прекращении уголовных дел, то есть в других подразделениях органов внутренних дел и иных правоохранительных органах. В такой ситуации нет принципиальной разницы, какое ведомство технически будет осуществлять статистический учет преступлений на основании поступающих первич-

ных данных. Кроме того следует помнить, что МВД осуществляет учет не только преступлений, но и административных правонарушений, а количество последних в десятки раз превышает количество преступлений.

Заключение

1. Данные официальной уголовной статистики не могут в полной мере отражать криминогенную ситуацию в обществе, так как в них не учтены сведения о латентной преступности.

2. Объективные количественные показатели о криминогенной ситуации могут быть получены только по результатам сравнительного анализа зарегистрированной и латентной преступности за определенный период времени.

3. Латентная преступность обладает специфической структурой и закономерностями своего развития. Все латентные преступления можно условно разделить на три основные группы: с наименьшим уровнем латентности, высоколатентные и особо высоколатентные.

4. Проведенное исследование даёт основания предположить, что показатель латентной преступности почти в три с половиной раза превышает официальный.

5. В прикладном аспекте данные, полученные в результате криминологического анализа зарегистрированной и латентной преступности, могут быть использованы для оптимизации правоохранительной деятельности в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отдельные показатели о регистрации и предварительном расследовании преступлений по направлениям деятельности ОВД на территории Республики Беларусь за период с 01.01.2009 по 30.12.2009 в сравнении с 12 месяцами 2008 г. / Центр. информ.-аналит. упр. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – 8 с.

2. Отдельные показатели о состоянии криминальной обстановки на территории Республики Беларусь за 12 месяцев 2008 года / Центр. информ.-аналит. упр. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – 8 с.

3. Басецкий, И.И. Преступность: опыт координации противодействия : моногр. / И.И. Басецкий, И. В. Капелько, Ю.Л. Сиваков. – М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск, 2001. – 827 с.

4. Ли, Д.А. Преступность в России. Системный анализ / Д.А. Ли. – М. : Гелва, 1997. – 192 с.

5. Вицин, С.Е. Моделирование в криминологии : учеб. пособие / С.Е. Вицин. – М. : НИиРИО ВШ МВД СССР, 1973. – 104 с.

6. О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 9 января 2006 г., № 94-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

7. Бажанов, О. Состояние преступности в Республике Беларусь и проблемы совершенствования уголовной политики / О. Бажанов // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 6. – С. 15–20.

8. Сведения о зарегистрированных преступлениях в Республике Беларусь за 1961–2008 гг. / Центр. информ.-аналит. упр. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь, 2009.

9. Пресс-релиз: отдел информации и общественных связей УВД Гомельского облисполкома, 2009. – Гомель, 2009. – 3 с.

10. Полищук, В. Информация о задержании подозреваемых в совершении убийств граждан на трассе Санкт-Петербург–Одесса в Могилевской области / В. Полищук [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.newsru.com/crime/15sep2009/robshot4highwaybel.html>. – Дата доступа : 15.09.2009.

11. Дикун, И.П. Криминология : учеб. пособие для студентов специальности «Правоведение» / И.П. Дикун. – Минск : ФУСТ БГУ, 2004. – 199 с.

12. Иншаков, С.М. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 : науч. издание / С.М. Иншаков [и др.]; под ред. С.М. Иншакова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2007. – 351 с.

13. Сухарев, А.Я. Феномен российской преступности в переходный период : тенденции, пути и средства противодействия / А.Я. Сухарев. – М. : Норма-М, 1996. – 319 с.

14. Акулинина, Е.А. Латентная преступность в Российской Федерации / Е.А. Акулинина, Е.Г. Тарло. – М. : МАКС-Пресс, 2003. – 31 с.

15. Акутаев, Р.М. Криминологический анализ латентной преступности : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Р.М. Акутаев. – СПб., 1999. – 358 с.

Chramov S.M. Criminological analysis of registered and latent criminality in the Republic of Belarus

The article gives a criminological analysis of registered and latent criminality in the Republic of Belarus. With the use of statistics and research is determined by the actual level of crime per 100 000 population, which compares with rates of crime in several foreign countries. The track record of crime in the country from 1961 to 2009. The emerging is noted since 2008 the trend decrease in reported crime in the Republic of Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.05.2010

УДК 34.630: 502.4 (075.8)

Г.И. Зайчук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам права лесопользования. Сформулировано юридически значимое определение лесов, как компонента окружающей среды: природного объекта и природного ресурса. Определен состав лесного фонда, как объекта правового регулирования и обосновано его отграничение от других и самостоятельных объектов экологического права: земель, вод, дикорастущих растений и животного мира. Проведена классификация древесно-кустарниковой растительности в зависимости от хозяйственной и иной ценности основных лесных пород. Предложено совершенствование видов, форм и титулов права лесопользования. Отмечено, что к лесным пользованиям оправданно относить только эксплуатацию древесной и кустарниковой растительности. Рекомендовано восстановление лесных сервитутов. Обоснованно дополнение основных начала лесного законодательства принципом устойчивого использования лесов и рецептирование классификации видов лесопользования на основные, второстепенные и побочные лесные пользования.

Введение

Лес является естественным национальным богатством. Сейчас лесами занято более трети территории республики (свыше 9 млн. га), и объем их постоянно увеличивается. В лесах наряду с хвойными породами деревьев: сосной, елью, лиственницей, кедром и другими – произрастают лиственные породы: береза, клен, осина, черная и серая ольха, тополь, – среди которых выделяются ценные твердолиственные породы деревьев: бук, граб, дуб, ясень. Однако несмотря на обилие лесов и возрастающий спрос на деловую древесину лесное хозяйство республики из-за нерационального лесопользования является убыточным. Повышению эффективности лесопользования правовыми средствами и посвящено настоящее исследование.

Понятие, определение и функции лесов

Лес представляет собой неотъемлемый компонент окружающей среды. Его принадлежность к живой природе определяет специфику выполняемых лесом экономической, экологической и иных функций. В экономическом отношении лес является естественной самовоспроизводящейся кладовой ценнейшего сырья для деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, химической, фармацевтической и иных отраслей промышленности. С экологической точки зрения он объединяет в одно целое древесно-кустарниковые насаждения, растительный и животный мир и выполняет средо- и климатообразующие задачи. Лес аккумулирует солнечную энергию, удерживает влагу, обеспечивает водный баланс суши, поглощая углекислый газ и вырабатывая кислород, стабилизирует газовый состав атмосферы.

Проблемам лесопользования, охраны, защиты и воспроизводства лесов посвящен ряд работ как зарубежных, так и отечественных ученых-юристов [1–3; 6]. Однако в них однозначно так и не был решен вопрос о понятии и классификации объекта экологического права леса, способах, формах и видах лесопользования.

Статьей 1 Лесного кодекса Республики Беларусь от 14 июля 2000 г. № 420-З (в дальнейшем – ЛК) сформулирована дефиниция лесов путем перечисления элементов, входящих в их состав, и выполняемых ими функций. Согласно определению, к лесам отнесена совокупность естественной и искусственно созданной древесно-кустарниковой растительности (насаждений), почвенного покрова, животных и микроорганизмов, образующих лесной биоценоз, и используемая в хозяйственных, рекреационных, оздоровительных, санитарно-гигиенических, научно-исследовательских и других целях. Кроме того, в указанной новелле закреплено, что лесные ресурсы –

это запасы древесины, других компонентов и продуктов жизнедеятельности леса в сочетании со средообразующими, водоохранными, защитными, санитарно-гигиеническими, рекреационными и иными функциями леса.

Помимо изложенного, ст. 4 ЛК установлено, что лесной фонд образуют леса и покрытые ими земли, а также лесные земли, не покрытые лесом, и нелесные земли.

Таким образом, в состав лесов напрямую с древесной и кустарниковой растительностью оказались включенными дикорастущие растения и дикие животные, а леса совместно с землями образовали единый объект правового регулирования – лесной фонд. Это вызвало поляризацию мнений юристов-экологов по поводу трактовки понятий «лес» и «лесной фонд».

Некоторые в своих теоретических работах дают ему сходное со сформулированным в законодательстве определение [2, с. 12], другие предлагают исключить из состава понятия «лес» земли и животный мир [3, с. 23–25], третьи придерживаются позиции, что лесом являются только большие скопления древесной и кустарниковой растительности без дикорастущих растений [4, с. 7–20].

Анализ вышеприведенных определений и позиций дает основание предположить, что лесным законодательством сформулировано, во-первых, не юридическое, а биологическое понятие леса, во-вторых, совокупность древесно-кустарниковой растительности и земель, на которых она произрастает или которые предназначены для выращивания леса, а также дикорастущих растений и диких животных необоснованно обособлены в единый объект правового регулирования – лесной фонд, и при этом не учитывается наметившаяся тенденция к дифференцированному подходу при регулировании земель, дикорастущих растений, диких животных и лесов, выделению соответствующих отраслей законодательства в самостоятельные отрасли права, что обусловлено наличием своеобразного объекта регулируемых ими отношений и специфическим характером самих отношений [5, с. 170].

Тем не менее использование и охрана других природных ресурсов, за исключением древесно-кустарниковой растительности, регламентируются, иным, нелесным законодательством, и объектами лесных отношений и лесом не являются. Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды», в качестве самостоятельных объектов охраны указаны земля (включая почвы), леса, растительный и животный мир. Более того, земельные, флористические и фаунистические отношения, а следовательно, и правовые режимы использования и охраны земель, дикорастущих растений и диких животных, регламентируются специальным законодательством: Кодексом Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3, Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире», Законом Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире».

Наличие разрешения (лицензии) на право пользования древесно-кустарниковыми насаждениями не предоставляет автоматически права пользования землями, дикорастущими растениями и дикими животными, и, наоборот, разрешение на пользование землями, объектами растительного и животного мира не дает права пользования лесной древесно-кустарниковой растительностью. Кроме того, меры по охране, защите и воспроизводству лесов не совпадают с деятельностью в области охраны земель, охраны, защиты и воспроизводства диких растений и животных.

Отнесение части земель, растительного и животного мира к лесам необоснованно разрывает целостность этих компонентов природной среды как объектов правового регулирования, что порождает противоречия между лесным, земельным законодательством и законодательством о растительном и животном мире и создает трудности в применении этого законодательства.

Абсурдным является включение в состав лесов объектов животного мира в силу того, что они являются подвижным и самостоятельным объектом правового регулирования. В противном случае получаются какие-то метаморфозы. Пока дикое животное находится на территории лесного фонда, оно является лесом, а как только пересекает его границы, превращается в поле, город.

Как справедливо отмечает доцент И.С. Шахрай, регулирование охраны и использования дикорастущих растений не может ограничиться лишь рамками лесного законодательства [6, с. 19]. Это наглядно видно на примере постановления Совета Министров Республики Беларусь от 20 февраля 2008 г. № 226 «Об утверждении перечня наркосодержащих растений и природного наркосодержащего сырья», которым (со ссылкой на ст. 42 ЛК) установлен запрет на сбор и заготовку дикорастущих растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества. Закономерно возникает вопрос: а что за пределами территории лесов их собирать можно? Поэтому такой запрет должен быть распространен вне зависимости от места произрастания растений, его можно достичь путем признания всех дикорастущих растений единым природным объектом.

В юридической литературе отмечается, что леса и земля представляют собой природные объекты, правовое регулирование пользования которыми имеет различный характер [9, с. 92], и то, что леса, кроме земель лесного фонда, могут произрастать также на землях иных категорий (на землях водного фонда, транспорта, населенных пунктов, природоохранного, оздоровительного, рекреационного назначения, промышленности, обороны, связи, энергетики) [10, с. 207]. Следовательно, территория, занимаемая лесами, значительно шире земель лесного фонда.

Основные виды объектов экологического права характеризуются устойчивыми естественными признаками [7, с. 20], однородными свойствами [8, с. 92], выполняемыми ими одинаковыми функциями и, следовательно, возникающими в области их охраны и использования однородными правоотношениями.

Таковыми объектами, обладающими однородными, устойчивыми признаками, являются леса, земли, растительный и животный мир.

Земли для лесов являются средой произрастания. Леса в свою очередь выступают для дикорастущих растений и диких животных в качестве мест произрастания и мест обитания. Однако между ними существует не юридическая, за исключением земель, а биологическая связь. Охрана земель, дикорастущих растений и диких животных в ходе использования лесной древесно-кустарниковой растительности может быть обеспечена путем закрепления в лесном законодательстве требований по их сохранению, а не посредством включения их в состав лесного фонда. Наоборот, в земельном законодательстве, законодательстве о растительном и животном мире должны содержаться требования по охране лесов.

Как объект природы леса – это крупные, большие древесные сообщества с соединенными кронами деревьев [11, с. 13]. Представляется, что нет никакой необходимости относить леса к природным комплексам путем включения в их состав, помимо древесно-кустарниковой растительности, иных компонентов природной среды (земель, растительного и животного мира), так как они в отличие от особо охраняемых природных территорий, не наделены особым режимом охраны и использования, заключающемся в полном или частичном изъятии их из хозяйственного оборота, и характеризуются однородностью.

Таким образом, леса, земли, растительный и животный мир принадлежат к различным объектами правового регулирования разных отраслей права – лесного, земельного, флористического, фаунистического – и не составляют в юридическом понимании единого целого.

Как указал профессор Н.И. Краснов, биологические, экологические и другие естественно-научные характеристики природных объектов и соответствующие им понятия не могут быть автоматически восприняты юриспруденцией для применения в законодательстве [12, с. 37–46].

С учетом приведенных доводов биологической и юридической зависимости лесов от земель, которая, во-первых, является естественной средой произрастания для лесов, во-вторых, границы лесного фонда можно установить путем отграничения земель, на которых произрастают леса, от других категорий и видов категорий земель, а также того, что основная масса лесов произрастает на землях лесного фонда, землях населенных пунктов и землях природоохранного назначения, оправданно дать следующее юридически-значимое определение: *лес* – это большие скопления древесно-кустарниковой растительности произрастающей на землях лесного фонда, землях, занятых городскими лесами, землях природоохранного назначения и других землях, в отношении которых установлен специфический режим использования, охраны и защиты. Лесной фонд образуют все леса, произрастающие на территории Республики Беларусь.

Классификация древесно-кустарниковой растительности

В соответствии с экономическим, экологическим и социальным значением лесного фонда, его местонахождением и выполняемыми им функциями производится его деление по группам лесов и подразделение лесов первой группы по категориям защищенности. В первую группу объединены леса, так как основным целевым назначением их является выполнение экологических, охранных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных, рекреационных и иных функций. Их хозяйственная эксплуатация запрещена либо существенно ограничена.

Предназначение лесов второй группы несколько иное. В первую очередь, они выполняют экономическую функцию. Поэтому в указанной группе лесов осуществляются все виды лесных пользований: промышленная заготовка древесины, а также второстепенной и побочной лесной продукции.

В зависимости от группы и категории защищенности лесов устанавливается порядок ведения лесного хозяйства и пользования участками лесного фонда, а также процедура изъятия земель лесного фонда для государственных нужд.

На нормативном уровне классификация древесно-кустарниковой растительности, образующей лесной фонд, в отличие от других природных ресурсов по основному целевому назначению не проведена. Однако из общего смысла лесного законодательства следует, что лесной фонд по целям пользования можно подразделить на следующие категории: особо охраняемые растения; древесно-кустарниковая растительность основных лесных пород, имеющая промысловое значение; плодовые виды древесно-кустарниковой растительности; малоценные виды древесно-кустарниковой растительности.

К особо охраняемым растениям принадлежат редкие и исчезающие виды древесно-кустарниковой растительности, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь: дуб скальный, пихта белая, береза карликовая, ива черничная, слива колючая (терн), дрок германский и иные.

Древесно-кустарниковая растительность основных лесных пород представлена наиболее ценными видами деревьев и кустарников, которыми республика обладает в достаточном количестве. Они представляют большую хозяйственную ценность. Их заготовка осуществляется посредством проведения рубок главного пользования. Это твердолиственные породы: (дуб, граб, ясень, клен, береза); хвойные породы (сосна, ель, пихта) и мягколиственные породы (липа, ольха, осина, тополь, ива) и ряд других пород.

Плодовыми видами деревьев являются дикие яблоня и груша, рябина, калина, а плодовыми кустарниками – шиповник, боярышник, малина, ежевика, лещина и другие,

используемые в качестве пищевых лесных ресурсов. В эту категорию оправданно включить березу и клен, используемые для заготовки древесных соков.

К малоценным видам относится молодая поросль мягколиственных пород деревьев, а также древесно-кустарниковая растительность, не представляющая промышленной ценности. Указанные насаждения изымаются при проведении рубок И древесины используется на дрова.

Законодательством (ст. 5 ЛК), в зависимости от места произрастания, способа образования (естественный или искусственный) и целей выращивания, проведено разграничение между древесно-кустарниковой растительностью, относящейся к лесному фонду, являющемуся объектом лесного права, и иными насаждениями, хотя и имеющими древесную структуру, но не относящимися к лесам.

В самых общих чертах это единичные деревья, их группы, а также иная древесно-кустарниковая растительность (насаждения), расположенная в виде полезачитных полос на землях сельскохозяйственного назначения и находящаяся в пределах полос отвода железных и автомобильных дорог, иных транспортных и коммуникационных линий и каналов, на землях оздоровительных учреждений, населенных пунктов и земельных участков, предоставленных гражданам.

Анализ иных нормативных правовых актов, («Инструкция о порядке учета объектов растительного мира, расположенных на землях отдельных категорий, и обращения с ними», утв. постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 28 декабря 2006 г. № 79; «Инструкция о порядке государственного учета объектов растительного мира, расположенных на землях населенных пунктов, и обращении с ними», утв. постановлением Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь от 29 декабря 2004 г. № 40; Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды»; «Гигиенические требования к организации санитарно-защитных зон предприятий, сооружений и иных объектов, являющихся объектами воздействия на здоровье человека и окружающую среду», утв. постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 30 июня 2009 г. № 77) дает основание предположить, что указанный перечень является примерным и нуждается в уточнении. Представляется, что его оправданно дополнить единичными деревьями, их группами, а также иной древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями), произрастающей: на территории промышленных объектов, учреждений, организаций и кладбищ; в санитарно-защитных зонах, создаваемых вокруг предприятий, сооружений и иных объектов, в том числе аэродромов, ядерных установок или пунктов хранения ядерных материалов или радиоактивных отходов; на землях сельскохозяйственного назначения (сады, ягодники и т.п.), ветровальным и буреломными деревьями дикорастущими растениями (сосудистыми, мохообразными, водорослями, лишайниками и грибами).

Однако искусственно выращенные леса, принадлежат не к имуществу, а входят в состав лесного фонда. Объясняется это тем, что они хотя и имеют антропогенное происхождение, но впоследствии образовали экологические связи с другими природными объектами и стали выполнять функции, свойственные природному объекту – компоненту окружающей среды.

Право лесопользования: принципы, способы, сроки, формы, титулы и виды лесных пользований

Под правом лесопользования (лесным пользованием) понимается установленный лесным законодательством порядок эксплуатации лесных ресурсов и извлечение полезных свойств леса в конкретных целях (ст.1 ЛК). Анализ лесного законодательства позволяет выделить принципы, способы, сроки, формы, титулы и виды лесных пользований.

Статьей 35 ЛК установлены основные принципы лесопользования, к которым относятся:

1) обеспечение непрерывного, неистощительного и рационального использования лесов для удовлетворения потребностей отраслей экономики, юридических и физических лиц в лесных ресурсах;

2) сохранение и усиление средообразующих, водоохраных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и иных функций лесов в целях охраны здоровья граждан и улучшения состояния окружающей среды;

3) обеспечение условий для воспроизводства лесов;

4) платности лесопользования (за исключением случаев, оговоренных в ЛК);

5) соблюдение научно обоснованных норм лесопользования, исключающих пере-руб расчетной лесосеки;

6) соблюдения целостности землепользования.

На основании требований, изложенных в «Национальной стратегии и плане действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия Республики Беларусь», утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 июня 1997 г. № 789, с учетом опыта законодательства об охране и использовании животного мира указанные основные начала лесопользования оправданно дополнить принципом устойчивого лесопользования: «Устойчивое использование лесов – пользование лесами таким образом и такими темпами, применение которых не приводит в долгосрочной перспективе к истощению биологического разнообразия древесно-кустарниковой растительности, тем самым позволяя сохранить их способность удовлетворять экономические, экологические, эстетические и иные потребности нынешнего и будущих поколений».

Лес принадлежит к живым биологическим ресурсам. Поэтому большое влияние на его состояние оказывают приемы и методы, применяемые при его использовании. Однако они в законодательстве не закреплены. Думается, что лесопользование может осуществляться двумя *способами*: с изъятием лесной продукции из лесов и без изъятия. Под изъятием здесь следует понимать сбор, заготовку (рубка, спиливание, срезание) и выкапывание древесной, кустарниковой растительности, их частей и плодов.

Все леса, произрастающие на территории Республики Беларусь, находятся в исключительной государственной собственности. Поэтому государство-собственник пользуется лесами опосредованно, передавая их для эксплуатации за плату либо бесплатно физическим и юридическим лицам для достижения экономического либо социального эффекта.

Лесопользование может быть постоянным (бессрочным) и временным (с определением срока пользования). Оно может осуществляться с предоставлением и без предоставления участков лесного фонда.

В качестве титулов лесопользования указаны следующие: постоянное пользование, временное пользование, аренда, безвозмездное пользование и концессия.

На праве постоянного пользования участки лесного фонда предоставляются для образования особо охраняемых природных территорий и юридическим лицам, ведущим лесное хозяйство. Во временное пользование – для заготовки древесины, живицы и второстепенных лесных ресурсов, осуществления побочных лесных пользований.

В аренду участки леса могут передаваться для производства одного или нескольких видов лесопользования, в том числе заготовки древесины, живицы, второстепенных лесных ресурсов, побочного лесопользования, ведения охотничьего хозяйства, удовлетворения культурно-оздоровительных, туристических, иных рекреационных и спортивных потребностей. В безвозмездное пользование участки лесного фонда предоставляются для заготовки второстепенных лесных ресурсов, осуществления побочного лесопользования либо лесопользования в научно-исследовательских и учебно-опытных целях без права ведения лесного хозяйства, а также для ведения охотничьего хозяйства. Перечень лесов, порядок и сроки предоставления их в концессию определяются законодательством об инвестиционной деятельности. Однако отсутствие специального нормативного правового акта, регламентирующего инвестиционную деятельность в области освоения лесов, включая их концессию, не позволяет заключать такие договора.

Следует отметить, что постоянное и временное лесопользование являются формами пользования природными ресурсами. Титулами лесопользования они стали после принятия 1917–1918 гг. декретов «О земле» и «О социализации земель», которыми отменялось право частной собственности на землю и другие природные ресурсы, включая леса. Земли, леса, иные природные ресурсы исключались из гражданского оборота. Природные ресурсы стали предоставляться в административном порядке только в постоянное либо временное пользование. Однако после возвращения природных ресурсов в гражданский оборот, установления возможности заключения договора аренды, безвозмездного пользования и концессии лесов отпала необходимость в наличии титула временного лесопользования.

С целью минимизации элементов коррупции, недобросовестной конкуренции и монополизма в области использования лесов такие договора должны заключаться путем проведения аукционов. Включение в их содержание определенных требований позволит исключить лицензирование лесопользования.

Кроме того, лесопользованием оправданно считать только такое пользование, главным объектом которого выступает лес. В случае, когда главным объектом пользования являются дикорастущие растения, дикие животные, лес используется ограниченно, как среда их произрастания либо обитания. А ограниченное пользование чужим природным ресурсом в интересах своего природного ресурса, когда иным образом воспользоваться им невозможно, подпадает под признаки сервитута.

Помимо изложенного, необходимо отметить, что участки лесного фонда могут предоставляться в аренду для заготовки древесины с целью ее потребления. Однако объектом аренды может быть только непотребляемое имущество. Им в этом случае является не лес, а право лесопользования. Например, в России этот вопрос, согласно главы 7 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ, решен путем учреждения договора купли-продажи лесных насаждений.

Таким образом, повышение эффективности лесопользования требует рецепции лесных сервитутов для пользования иными природными ресурсами и закрепления в качестве предмета договора аренды не участка лесного фонда, а права лесопользования в границах определенного участка лесного фонда. Причем лесные сервитуты оправданно подразделить на публичные и частные. Для этого в ст. 42 ЛК необходимо отметить граждане на праве общего пользования имеют право свободно находится на территории лесов и бесплатно собирать для удовлетворения собственных нужд дикорастущие, плоды, орехи другие пищевые лесные ресурсы, лекарственное и техническое сырье, участвовать в оздоровительных, туристических иных рекреационных и спортивных мероприятиях (публичный сервитут), и дополнить ЛК статьей о частных сервитутах. Частные сервитуты могут устанавливаться для пользования нелесными природными ресурсами, ведения сельского хозяйства, геологического изучения недр и добычи полезных

ископаемых, строительства, эксплуатации линий электропередачи, связи, дорог, трубопроводов и других линейных объектов и в иных случаях.

Статьей 36 ЛК установлены следующие виды лесопользования:

- 1) заготовка древесины;
- 2) заготовка живицы;
- 3) заготовка второстепенных лесных ресурсов (пней, корней, бересты, новогодних елок, еловой серки и др.);
- 4) побочное лесопользование (заготовка древесных соков, заготовка и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пищевых лесных ресурсов, лекарственных растений и технического сырья, сбор мха, лесной подстилки и опавших листьев, размещение ульев и пасек, сенокосение, пастьба скота и другие виды);
- 5) а также пользование участками лесного фонда для нужд охотничьего хозяйства; в научно-исследовательских и учебно-опытных целях, в культурно-оздоровительных, туристических, иных рекреационных и (или) спортивных целях.

Однако с учетом того, что, во-первых, лесом являются большие скопления древесно-кустарниковой растительности, во-вторых, что Законом «Об охране окружающей среды», другими нормативными актами проведено разграничение между лесом и нелесной дикорастущей растительностью, и, в-третьих, что в республике принят и действует Закон «О растительном мире», к лесопользованию должно принадлежать только пользование древесно-кустарниковыми насаждениями (их частями) и плодами последних. Пользование же растительностью, не имеющей древесной структуры (сосудистыми и мохообразными растениями, водорослями, лишайниками и грибами) оправданно отнести к пользованию растительным миром, так как дикорастущие растения составляют самостоятельный объект правового регулирования.

Кроме того, необходимо восстановить, известную с дореволюционных времен и ставшую традиционной классификацию видов лесных пользований, объединив заготовку древесины и живицы в один вид под названием «Основные лесные пользования». Без них нелогично выглядит наличие в ЛК второстепенного и побочного лесопользования.

К лесопользователям и лицам, осуществляющим хозяйственную и иную деятельность, оказывающую вредное воздействие на состояние лесов, за нарушение требований лесного законодательства, причинение ущерба лесным ресурсам может быть применена специальная ответственность путем принудительного прекращения права лесопользования либо запрещения на осуществление этой деятельности, которые имеют все основные признаки, свойственные юридической ответственности. Поэтому в ЛК оправданно закрепить специальную (лесо-правовую) ответственность. По аналогии с законодательством о животном мире указать, что к деятельности, связанной с использованием лесов относится ведение лесного хозяйства, так как эксплуатация лесных ресурсов напрямую не связана с лесоразведением.

Заключение

Таким образом, для преодоления пробелов и коллизий в области правового регулирования процессов лесопользования с целью повышения его эффективности правовыми средствами предлагается:

- 1) сформулировать новое, юридически обоснованное определение лесов;
- 2) дать иное определение земель лесного фонда;
- 3) закрепить более полный перечень древесной и кустарниковой растительности, не относящейся к лесному фонду;
- 4) дополнить основные начала лесопользования принципом устойчивого использования лесов;

- 5) восстановить присущую предыдущей редакции ЛК классификацию видов лесных пользований на основные, второстепенные и побочные, исключив из состава последних пользование дикорастущими растениями;
- 6) классифицировать лесную древесно-кустарниковую растительность по аналогии с другими природными ресурсами по целям пользования;
- 7) исключить из состава объектов лесных отношений земли, дикорастущие растения и диких животных, так как они являются объектами земельного флористического и фаунистического, а не лесного права;
- 8) закрепить в ЛК способы пользования лесами, в том числе способы изъятия из лесов древесной и кустарниковой растительности;
- 9) ввести публичные и частные лесные сервитуты;
- 10) заменить титул временного пользования лесами титулом аренды лесов, так как он в большей степени отвечает современным рыночным отношениям, и установить, что титулами лесопользования могут быть следующие: постоянное пользование лесами, лесной сервитут, аренда, концессия и безвозмездное пользование лесами;
- 11) принять специальный нормативный правовой акт, регламентирующий инвестиционную деятельность в области освоения лесов, включая их концессию;
- 12) закрепить в ЛК специальную (лесо-правовую) ответственность;
- 13) отнести ведение лесного хозяйства к деятельности, связанной с использованием лесов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каверин, А.М. Законодательство о лесах / А.М. Каверин [и др.] – М. : Юрид. лит. 1979. – 112 с.; Бронина, А.Б. Работникам леса. Правовые вопросы / А.Б. Бронина, О.И. Крассов. – М. : Юрид. лит. 1990. – 384 с.; Ермолинский, П.М. Проблемы борьбы с лесонарушениями / П.М. Ермолинский. – Минск : Тесей, 2005. – 280 с.; Крассов, О.И. Правовой режим земель государственного лесного фонда / О.И. Крассов. – М. : Наука, 1985. – 223 с.
2. Ермолинский, П.М. Лесное право Республики Беларусь / П.М. Ермолинский. – Минск : Тесей, 2007. – 248 с.
3. Крассов, О.И. Право лесопользования в СССР / О.И. Крассов. – М. : Наука, 1990. – 238 с.
4. Искоян, А.Б. Правовое регулирование охраны и использования растительного мира (нелесной растительности) / А.Б. Искоян. – Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1987. – 132 с.
5. Аксененок, Г.А. Земельные правоотношения / Г.А. Аксененок. – М. : Госюр-издат, 1958. – 424 с.
6. Шахрай, И.С. Право специального лесопользования / И.С. Шахрай. – Минск : Бел. наука, 2006. – 214 с.
7. Лаевская, Е.В. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июля 2002 года / Е.В. Лаевская, В.Е. Лизгаро, Т.И. Макарова; науч. ред. Е.В. Лаевская, Т.И. Макарова. – Минск : Тонпик, 2005. – 272 с.
8. Ерофеев, Б.В. Экологическое право: учебник для вузов / Б.В. Ерофеев. – М.: Юриспруденция, 1999. – 444 с.
9. Шингель, Н.А. Правовой режим земель в Республике Беларусь: курс лекций / Н.А. Шингель. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 135 с.
10. Экологическое право : пособие / С.А. Балашенко [и др.]; под ред. С.А. Балашенко, Т.И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск : Выс. шк., 2009. – 318 с.

11. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды» / Боголюбов С.А., [и др.] – М. : ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – 382 с.

12. Краснов, Н.И. Новое советское лесное законодательство / Н.И. Краснов // Советское государство и право. – 1998. – № 7. – С. 37–46.

Zaichuk G.I. On Some Aspects of Forest Using

The legally significant definition of forests as a component of the environment is formulated. It is proved the separation of wood fund from other and independent objects of the ecological right: the grounds, waters, wild-growing plants and fauna. The classification of wood-shrubby vegetation in dependence from economic and other value of the basic wood species is made. The perfection of the types, kinds and titles of the right of forest management (exploitation) and the restoration of wood easements is offered. The guarantees and ways of the protection of the rights of forest-managers (users) are specified.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.09.2010

УДК 342

С.А. Цюга**НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК СУБЪЕКТЫ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В статье анализируются имеющиеся в науке конституционного права теоретические взгляды как советских, российских ученых, так и белорусских современных конституционалистов о правосубъектности наций и национальных общностей как субъектов конституционно-правовых отношений, а также нормы законодательства Республики Беларусь, закрепляющие правовой статус указанных субъектов. Автором делается вывод о том, что к субъектам конституционно-правовых отношений в Республике Беларусь нация не относится, а является субъектом международных правоотношений. Рассматриваются национальные общности в качестве субъекта конституционно-правовых отношений. В статье содержится предложение о законодательном закреплении нормы-дефиниции «национальная общность».

Введение

В науке конституционного права нет единства в определении круга субъектов конституционно-правовых отношений, которые характеризуются большим разнообразием. Нацию как субъект конституционно-правовых отношений выделяют не все исследователи.

Как субъект конституционно-правовых (государственно-правовых) отношений нация в этническом смысле рассматривалась в период существования СССР. Нация понималась как общность, олицетворяющая титульную национальность союзной республики.

В соответствии с конституционной доктриной Союза ССР советские союзные республики наделялись правом выхода из СССР, что рассматривалось как право конкретной нации (армян, белорусов, грузин, украинцев и т.д.) на самоопределение.

В связи с распадом СССР и приобретением Республикой Беларусь суверенитета, нация в этническом смысле уже не может рассматриваться в качестве субъекта конституционно-правовых отношений в Беларуси. Так ли это?

Цель данной статьи – проанализировать имеющиеся теоретические взгляды ученых-конституционалистов о правосубъектности наций и национальных общностей как субъектов конституционно-правовых отношений, а также нормы законодательства Республики Беларусь, закрепляющие правовой статус указанных субъектов.

Нации как субъекты конституционно-правовых отношений

Вопрос о правосубъектности нации сложный (порой даже спорный) и давно обсуждается в юридической науке.

Впервые позитивно о правосубъектности наций заговорил С.Ф. Кечекьян, отмечавший их в области государственно-правовых отношений в качестве особого субъекта права – права на самоопределение [1, с. 127].

А.В. Мицкевич полагает, что в области международного права нация, несомненно, является субъектом права наций на самоопределение [2, с. 42]. Он также признает нацию субъектом государственно-правовых отношений, однако исключает ее из сферы действия права и относит к области политики, что, на наш взгляд, не совсем верно.

Научный руководитель – А.Г. Василевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета

Нация как субъект государственно-правовых отношений была выделена Б.В. Щетининым. Свою позицию он определяет довольно стандартно: «Нация – носитель суверенитета, и иначе как через государственно-правовые отношения реализовать его она не может» [3, с. 52].

Большинство же советских ученых-государствоведов (М.Г. Кириченко, С.С. Кравчук, А.И. Лепешкин, В.С. Основин, В.А. Ржевский, Я.Н. Уманский, И.Е. Фарбер) не относят советские нации к числу субъектов государственно-правовых отношений. А.И. Лепешкин даже поясняет свою отрицательную позицию и отмечает, что «нация как субъект социалистических правоотношений представлена в виде национально-государственных и автономно-административных образований» [4, с. 36].

Нельзя согласиться с позицией таких ученых, как И.Е. Фарбер и В.А. Ржевский, которые считают, что «нации — это социальные общности, огромные массы людей приобретают и осуществляют свои права только через соответствующие организации (государства и т.д.)» [5, с. 59]. Полагаем, что нации могут осуществлять свои права и самостоятельно, например, право пользования родным языком, культурными традициями, и для этого им не нужны какие-либо государственные органы или организации.

Позитивной и аргументированной для советского периода, на наш взгляд, является точка зрения, высказанная государствоведом В.Ф. Котоком. В одной из своих работ он подчеркивает, что «государственное право регулирует, прежде всего, общественные отношения, которые выражают суверенитет советского народа и советских наций» [6, с. 48]. Он считает, что субъектами конституционного права являются непосредственно нации наряду с национальными республиками и национально-государственными образованиями. В.Ф. Коток, полагает, что некоторые стороны суверенности наций могут проявляться не только в национальной государственности, но и в развитии национальных общественных организаций. Он убежден, что образованию национальной государственности в любой форме всегда предшествует право наций на самоопределение, и в своей работе отмечает, что «в момент, когда данное государство признает за определенной нацией это право, именно нация выступает непосредственно в качестве субъекта конституционно-правовых отношений. В дальнейшем, после создания собственной государственности, нация получает возможность представлять свои интересы и через органы государства, но до этого момента у нее нет иной возможности, как действовать непосредственно или через свои национальные общественные организации» [6, с. 48]. И действительно, именно по инициативе наций нередко возникали новые национально-государственные образования и республики.

Заслуживает внимания точка зрения О.Е. Кутафина. Он в своей работе развивает позицию, которую высказал ранее В.Ф. Коток, и отмечает, что правосубъектность наций давно уже признана отечественными специалистами в области международного права и таким же субъектом нация выступает и в конституционно-правовых отношениях, причем не только складывающихся в процессе формирования национальных государств и национально-государственных образований. Он отмечает, что в Конституции Российской Федерации говорится не только о самоопределении народов (ст. 5), но и о праве народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68), о праве коренных малочисленных народов Российской Федерации (ст. 69) и т.д. [7, с. 320]. Данная точка зрения автора представляется довольно обоснованной и подкрепленной ссылками на действующее российское законодательство.

Б.Н. Габричидзе и А.Г. Чернявский полагают, что «политически организованные нации (так же как и многонациональный народ Российской Федерации) – это особенные субъекты, вступающие исключительно в конституционно-правовые отношения» [8, с. 93]. Однако, по их мнению, не каждую нацию можно отнести к субъектам данных правоотношений. Речь может идти только о тех нациях, которые имеют в составе Рос-

сии свои политико-территориальные образования, под которыми авторы понимают субъекты Российской Федерации. В их числе они называют республики в составе Российской Федерации, автономные и административно-территориальные образования. Эти субъекты конституционно-правовых отношений, отмечают авторы, вступают непосредственно только в узкий круг правоотношений, определенный учредительным актом (конституцией, уставом) субъекта Российской Федерации [8, с. 94].

Проведенный ретроспективный анализ точек зрения ученых позволяет сделать вывод о том, что те исследователи, которые или не выделяют нации в качестве субъекта конституционно-правовых отношений, или отрицают понятие национального суверенитета, видимо, боятся за стабильность государства, так как провозглашение суверенитета каждой нацией, проживающей на территории соответствующего государства, может создавать угрозу его целостности. Нам это представляется неверным, так как считаем, что право наций на самоопределение не идет в разрез с принципом территориальной целостности государства. Здесь можно согласиться с В. Ступишиным и отметить, что «национальное самоопределение нисколько не противоречит принципу территориальной целостности, поскольку оно есть принцип межгосударственных отношений (что отражено в Хельсинском акте и других международных документах), в то время как право на самоопределение присуще не государству, а народу, стремящемуся стать нацией, т.е. государством, и реализуется не в межгосударственных отношениях, а в процессе внутреннего развития многонационального государства. Чем демократичнее государство, тем менее болезненно происходит эта реализация, так как только демократия способна не только поощрять естественные процессы самоопределения личностей и народов, но и не препятствовать таким процессам» [9, с. 107].

Таким образом, обобщив мнения советских и российских авторов, отметим, что нации, имеющие свои политико-территориальные образования, являются субъектами конституционно-правовых отношений в Российской Федерации и осуществляют свои права, как правило, через государство или создаваемые ими общественные объединения и могут также выступать непосредственными носителями правомочий.

Являются ли нации субъектами конституционно-правовых отношений в Республике Беларусь? Белорусская нация являлась субъектом конституционно-правовых отношений до тех пор, пока БССР входила в состав СССР. В настоящий момент, когда Республика Беларусь является суверенной страной, она реализует свои интересы посредством государства как на международной арене (в международно-правовых отношениях), так и внутри страны (в конституционно-правовых отношениях).

Белорусские конституционалисты, такие как Д.М. Демичев, К.Н. Кунцевич, А.И. Курак, А.А. Подупейко, А.И. Сухаркова, С.П. Чигринов и др., среди субъектов конституционно-правовых отношений нации не выделяют. Видимо, такая их позиция обусловлена унитарной формой государственного устройства Республики Беларусь, а также отсутствием в государстве острых национальных конфликтов, имеющих место в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Проанализируем конституционно-правовые нормы по данному вопросу (необходимо заметить, что в них термин «нация» не употребляется). Исходя из анализа Конституции Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что нация не признается участником конституционно-правовых отношений, так как нация и народ по сути, выступают как синонимы. Действительно, в таком унитарном государстве, как Республика Беларусь, нет необходимости в признании нации в качестве субъекта конституционно-правового отношения. В противном случае мы должны признать существование в нем национальных автономий, признать, например, существование нации полешуков, западников, восточников и т.п. По всей видимости, в этом нет необходимости.

В нашем праве нация может признаваться только в качестве субъекта международного права и, соответственно в качестве субъекта международных правоотношений.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что выделение нации в качестве субъекта конституционно-правовых отношений будет зависеть от формы государственного устройства. Так, в государствах с федеративной формой нация будет являться самостоятельным участником конституционно-правовых отношений, а в унитарных, как правило, нет.

Национальные общности как субъекты конституционно-правовых отношений

Национальные общности в системе субъектов конституционно-правовых отношений выделяются учеными довольно редко. Среди тех, кто все же их называет в качестве самостоятельных участников конституционно-правовых отношений, можно назвать В.Е. Чиркина [10, с. 12].

Термин «национальная общность» встречается в социологической литературе. Так, в своей работе «К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России» А.И. Липкин отмечает, что «национальная общность – это, прежде всего, культурная общность. В основе определения этого понятия лежат индивидуализированный тип светского бессловного образованного городского общества, объединяющегося высокой светской национальной культурой, национальной историей и идеей народа (последние три составляют соответствующее культурное «национальное ядро»). Такая национальная общность близка тому, что в литературе называют гражданской нацией» [11, с. 114].

В юридической литературе данному вопросу внимание должным образом не уделялось, что может стать предметом для дальнейших научных исследований. Рассмотрим конституционно-правовые нормы, где используется термин «национальная общность». Так, статья 15 Конституции Республики Беларусь говорит о том, что государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь. Однако нормы-дефиниции, раскрывающей данное понятие, в законодательстве не встречается. Предлагаем восполнить этот пробел и законодательно закрепить термин «национальная общность»: «Национальная общность – это совокупность людей, объединенных на основе сходства своего происхождения, языка, культуры или традиций и проживающих на территории иного национального государства».

По данным переписи 1999 года, доля белорусов в общей численности населения составила 81,2%, русских – 11,4%, поляков – 3,9%, украинцев – 2,4%, евреев – 0,3%, других национальностей – 0,8% [12, с. 61]. Из приведенных выше данных видно, что национальные общности составляют в Республике Беларусь меньше 20% от общего числа населения. Это позволяет говорить о том, что они представляют собой национальные меньшинства.

В Республике Беларусь действует Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» [13]. Настоящий Закон основывается на Конституции Республики Беларусь, принципах международного права в области прав человека и национальных меньшинств и направлен на создание условий для их свободного развития, а также на защиту прав и законных интересов лиц, относящихся к национальным меньшинствам.

Как известно, национальные меньшинства составляют лица, постоянно проживающие на территории Республики Беларусь и имеющие гражданство Республики Беларусь, которые по своему происхождению, языку, культуре или традициям отличаются от основного населения республики.

Согласно ст. 6 вышеуказанного Закона, государство гарантирует гражданам Республики Беларусь, относящим себя к национальным меньшинствам, равные политиче-

ские, экономические и социальные права и свободы, осуществляемые в установленном законодательством Республики Беларусь порядке [13].

К.Ю. Гетман в статье «Права национальных меньшинств в Республике Беларусь и их реализация» анализирует белорусское законодательство и раскрывает содержание прав граждан, относящих себя к национальным меньшинствам [14]. На основе данной статьи можно сделать вывод о том, что национальные меньшинства являются непосредственными участниками конституционно-правовых отношений, реализующими свои права в Беларуси.

Законодательство Республики Беларусь о языках преследует цель урегулирования отношений в области развития и употребления белорусского, русского и других языков, которыми пользуются горожане республики в государственной, социально-экономической и культурной жизни, охраны конституционных прав граждан в этой сфере, воспитания уважительного отношения к национальному достоинству человека, его культуре и языку, дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества народов (ст. 1 Закона «О языках»). Республика Беларусь проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики (ч. 3 ст. 2 Закона «О языках») [15].

Характеризуя ситуацию, связанную с положением национальных меньшинств в Беларуси, необходимо отметить ее стабильность и уникальность, что выражается в отсутствии серьезных столкновений и конфликтов на этнической и конфессиональной основе. Республика Беларусь является общим домом для проживающих на ее территории представителей более чем 130 национальностей. Такое положение объясняется проводимой государством национальной политикой, менталитетом граждан страны, историческими традициями мирного межэтнического взаимодействия, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси.

Отсутствие межнациональной и межконфессиональной напряженности в белорусском обществе, которые могли бы привести к межэтническим и межрелигиозным конфликтам, в отличие от некоторых республик бывшего СССР, неоднократно отмечалось международными организациями и независимыми экспертами.

В Республике Беларусь действуют законы, в которых четко определены права, механизмы их реализации, а также различные способы участия граждан, относящихся к национальным меньшинствам, в принятии решений, затрагивающих их законные права и интересы (например, Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах», Закон «Об образовании в Республике Беларусь», Закон «О языках в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь «О культуре в Республике Беларусь».

В Республике Беларусь созданы органы государственного управления по делам религий и национальностей. Имеются национальные общественные объединения, действующие на территории Республики Беларусь.

Подводя итог, можно отметить, что национальные общности являются субъектами конституционно-правовых отношений в Республике Беларусь и осуществляют свои права как самостоятельно, так и посредством государственных органов и созданных национальных общественных объединений.

Заключение

Исходя из анализа конституционно-правовых норм и специальной литературы, можно сделать следующие выводы:

1. Выделение нации в качестве субъекта конституционно-правовых отношений зависит от формы государственного устройства. Так, в государствах с федеративной

формой нация будет являться самостоятельным участником конституционно-правовых отношений, а в унитарных, как правило, нет.

2. Белорусская нация организована в государство, где более 80 % населения составляют белорусы. В конституционно-правовых отношениях национальные интересы реализуются государством, а так как на территории Республики Беларусь нет других наций, имеющих свои политико-территориальные образования, следовательно, к субъектам конституционно-правовых отношений в Республике Беларусь нация не относится. Она является субъектом международных правоотношений.

3. Национальные общности, проживающие в Республике Беларусь (и составляющие по сути национальные меньшинства), можно рассматривать в качестве самостоятельных субъектов конституционно-правовых отношений, осуществляющих свои права как самостоятельно, так и посредством государственных органов и созданных ими национальных общественных объединений.

Термин «национальная общность» употребляется в конституционно-правовых нормах, однако нигде не раскрывается. Предлагаем этому норму-дефиницию законодательно закрепить в виде такой формулировки: «Национальная общность – это совокупность людей, объединенных на основе сходства своего происхождения, языка, культуры или традиций и проживающих на территории иного национального государства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 124 с.
2. Мицкевич, А.В. Субъекты советского права / А.В. Мицкевич. – М. : Право и закон, 1962. – 152 с.
3. Щетинин, Б.В. Проблемы теории советского государственного права / Б.В. Щетинин. – М. : Госсоюзиздат, 1970. – 321 с.
4. Лепешкин, А.И. Курс советского государственного права / А.И. Лепешкин. – М. : Юридическая литература, 1958. – 324 с.
5. Фарбер, И.Е. Вопросы советского конституционного права / И.Е. Фарбер, В.А. Ржевский. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1967. – 453 с.
6. Коток, В.Ф. О предмете советского государственного права. // Вопросы советского государственного права / В.Ф. Коток. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 345 с.
7. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М. : Юристь, 2001. – 444 с.
8. Габричидзе, Б.Н. Конституционное право России : учеб. для вузов / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – М. : Изд-во – торговая корпорация «Дашков и К», 2004. – 1124 с.
9. Ступишин, В.А. Самоопределение народов: традиции и действующее право / В.А. Ступишин // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 107–112.
10. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – М. : Юристь, 1997. – 568 с.
11. Липкин, А.И. К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России / А.И. Липкин // Полис – (Политические исследования). – 2008. – № 6. – С. 113–130.
12. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2004 (Стат. Сб.) – Минск : Минстат Республики Беларусь, 2004. – 611 с.
13. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 11 ноября 1992 г. № 1926–ХІІ : с изм. и доп. : текст по состоянию на 7 мая 2007 г. № 216-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3 000 [Электронный ресурс] / ООО

«ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2010. – Дата доступа : 14.09.2010.

14. Гетман, К.Ю. Права национальных меньшинств в Республике Беларусь и их реализация / К.Ю. Гетман // Вестник Конституционного суда Респ. Беларусь. – 2003. – № 2. – С. 50–57.

15. О языках Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 26 января 1990 г., № 3094 –ХІІ : с изм. и доп. : текст по состоянию на 10 мая 2007 г, № 218-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3 000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2010. – Дата доступа : 14.09.2010.

Tsjuga S.A. Nations and National Communities as Subjects of Constitutional Juridical Relations

The article deals with the problem of legal personality of nations and national communities. The author analyzes the points of view of Soviet, Russian and Belorussian scientists in the field of Law of the Constitution as well as constitutional norms on the given problem and comes to the conclusion that the nation in the Republic of Belarus has nothing to do with the subjects of constitutional juridical relations but is a subject of international juridical ones. It is offered to fix the definition «national community» as a norm legislatively.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 24.09.2010

УДК 342.9

Т.А. Червякова

МЕСТО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируются основные точки зрения относительно правовой природы и сущности лицензирования, существующие в отечественной и российской юридической литературе. На основе инструментального подхода к исследованию проблем правового регулирования предложено рассматривать лицензирование в качестве правового средства, при помощи которого может быть реализовано право на осуществление предусмотренных законодательством видов деятельности (отдельных хозяйственных операций).

Введение

По вопросу о сущности лицензирования в юридической литературе высказываются различные мнения. Так, Ж.А. Ионова определяет его как способ государственного регулирования предпринимательской деятельности, который заключается в установлении правового режима осуществления ее отдельных видов только при наличии специальных разрешений (лицензий), выдаваемых уполномоченными органами публичной власти при выполнении заранее определенных требований и условий [1, с. 17]. Т.З. Шалаева рассматривает лицензирование в качестве одного из административно-правовых методов воздействия на предпринимательскую деятельность наряду с государственной регистрацией и ликвидацией субъектов предпринимательства, а также государственным контролем. В соответствии с указанной концепцией ею было сформулировано следующее определение: «Лицензирование как административно-правовой метод воздействия на предпринимательскую деятельность представляет собой односторонне властное государственное воздействие на деятельность субъектов предпринимательства по установлению уполномоченными органами исполнительной власти прямой обязанности субъектам предпринимательства получить специальное разрешение (лицензию) на занятие видами деятельности, способными нанести вред интересам государства, природной среде, угрожать здоровью граждан» [2, с. 15]. С.А. Тарасов предлагает под лицензированием предпринимательской деятельности понимать способ воздействия государства на хозяйствующих субъектов, который предполагает первоначальное признание за определенными субъектами права на осуществление отдельных предусмотренных законом видов деятельности, выражающееся в выдаче особого разрешения (лицензии), и последующий контроль со стороны уполномоченных органов государственного управления за фактическим осуществлением деятельности в строгом соответствии с лицензионными требованиями и условиями, включающий в себя, в том числе, и возможность прекращения этой деятельности [3, с. 15–16].

О. Олейник утверждает, что лицензирование является правовым режимом начала и осуществления отдельных признанных законодательством видов предпринимательской деятельности, предполагающим государственное подтверждение и определение пределов права на ведение хозяйственной деятельности, государственный контроль за осуществляемой деятельностью и возможность прекращения деятельности по особым основаниям органами государства [4, с. 17].

По мнению О.С. Троценко, лицензирование представляет собой деятельность лицензирующих органов, выраженную в санкционированном, официальном признании за определенными субъектами права на занятие отдельными видами предпринимательской деятельности, а также на заключение договоров на осуществление таких видов деятельности. Лицензирование направлено на недопущение причинения ущерба пра-

вам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов Российской Федерации, заключается в предоставлении разрешений, переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензий, приостановлении и возобновлении действия лицензий, аннулировании лицензий и контроле лицензирующих органов за соблюдением хозяйствующими субъектами при осуществлении лицензируемых видов деятельности лицензионных требований и условий [5, с. 5]. О.А. Мазур определяет его как деятельность лицензирующих органов, связанную с выдачей лицензий, их дубликатов, внесением изменений и (или) дополнений в лицензии, приостановлением, возобновлением, продлением срока действия лицензий, прекращением их действия, контролем за соблюдением лицензиатами при осуществлении лицензируемых видов деятельности соответствующих лицензионных требований и условий, формированием, ведением реестров лицензий и предоставлением соответствующей информации из реестров лицензий государственным органам, юридическим и физическим лицам на основании запросов [6, с. 307].

Т.В. Куликова исходит из того, что лицензирование является формой реализации исполнительной власти, опосредующей осуществление правового предварительного и текущего контроля за соблюдением лицензионных требований и условий, а также учета лицензируемых объектов путем вынесения лицензирующим органом административно-правовых актов в рамках нормативно-урегулированной процедуры [7, с. 8].

И.В. Ершова и Т.М. Иванова утверждают, что лицензирование представляет собой особый вид государственного контроля, направленного на обеспечение защиты прав, законных интересов, нравственности и здоровья граждан, обеспечение обороны страны и безопасности государства [8, с. 40].

Изложенное выше свидетельствует о многоаспектности понятия «лицензирование». Для установления правовой сущности данной категории представляется необходимым определить его место в механизме правового регулирования¹.

Правовое регулирование является одной из форм воздействия права на общественные отношения. Его отличительной чертой является наличие собственного специфического механизма, который наиболее общим образом можно представить как систему взаимодействующих правовых средств, при помощи которых обеспечивается регулирующее воздействие права на общественные отношения. В качестве одного из них необходимо рассматривать лицензирование.

Теория правовых средств возникла в конце XX века в рамках аналитической юриспруденции и является одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего развития юридической науки. Её суть заключается в инструментальном подходе к исследованию различных правовых явлений. В настоящее время формирование целостной концепции правовых средств находится на начальном этапе и происходит в условиях практически полного отсутствия разработок со стороны представителей отраслевых юридических наук.

Б.И. Пугинский, занимавшийся исследованием гражданско-правовых средств, полагает, что они представляют собой особые юридические образования, которые предназначены для организации и регулирования отношений, возникающих при осуществлении хозяйственной деятельности [9, с. 17]. Он выделяет следующие характерные черты указанных средств: возможность многократного применения, правовой характер, обеспеченность государственным принуждением – и отмечает, что в отличие от норм права, требующих от исполнителей точного следования содержащимся в них ус-

---

¹ Механизм правового регулирования может определяться как процесс и как институциональное образование. В настоящей статье используется второй аспект данного явления.

тановлениям, правовые средства «... предполагают определенную свободу усмотрения, некоторый диапазон юридического поведения субъектов» [9, с. 18].

И.С. Хохловой правовые средства видятся в качестве элементов способа правового регулирования. Под ними она понимает специфические юридические инструменты, при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, осуществляется само действие права и достижение поставленных правовых целей [10, с. 17].

С.С. Алексеев полагает, что при изучении вопроса о правовых средствах необходимо акцентировать внимание не на обособлении их как фрагментов правовой действительности в особое подразделение, а на их функциональном предназначении. Он отмечает: «Правовые средства не образуют каких-то особых, принципиально отличных от традиционных, зафиксированных догмой права, в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности. Это весь арсенал, весь спектр правовых феноменов различных уровней с той лишь особенностью, что они вычлениваются и рассматриваются не с позиций одних лишь нужд юридической практики и в этом отношении в виде объективированных фрагментов правовой действительности, а с позиций их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты правового регулирования, решения экономических и иных социальных задач» [11, с. 349]. К правовым средствам С.С. Алексеев относит такие юридические установления и формы, действие которых выражает, реализует возможности права, его силу и приводит к наступлению реального, фактического социально-экономического правового результата, дает нужный эффект в социальной жизни. Названный учёный предлагает определять правовые средства как объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу [11, с. 349–350].

А.В. Малько считает, что подход к исследованию правовых средств как к субстанциональному феномену является односторонним, поскольку игнорирует фактическую правомерную деятельность субъектов права. Проявление важнейшей функции правовых средств – достижение ими целей правового регулирования – он видит в обеспечении беспрепятственного движения интересов субъектов к благам, в гарантиях их законного и справедливого удовлетворения. По мнению указанного автора, правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [12, с. 69]. А.В. Малько обращает внимание на синтетический характер данных средств, поскольку они призваны связывать идеальное (цель) с реальным (результатом), и отмечает, что «... правовые средства, выступая специфическим посредником, с неизбежностью включают как фрагменты идеального (средства-установления – субъективные права, обязанности, льготы, запреты, поощрения, наказания и т.д.), так и фрагменты реального (средства-деяния, направленные на использование инструментов – прежде всего акты реализации прав и обязанностей)» [12, с. 70]. Аналогичную позицию занимает К.В. Шундилов, который определяет юридические средства как взятую в единстве совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей [13, с. 6].

В.А. Сапун называет правовыми средствами институционные образования (установления, формы) правовой действительности, использование которых в специальной правовой деятельности приводит к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе [14, с. 10]. Указанный автор рассматривает правовые средства как звенья целостности права в его инструмен-

тальном понимании. Отдельно взятое такое средство является единичным фрагментом правовой субстанции, а во взаимодействии они образуют комплексы – юридические механизмы, действующие совместно на тех или иных участках правового регулирования. В плоскости нормативного материала они обособляются в особых правовых институтах, субинститутах, комплексных правовых образованиях, для которых характерен свой «набор» правовых средств как своеобразный и специфический инструментарий, а в процессе реализации права они образуют механизм реализации права, который на отдельных участках правового регулирования, в различных правовых режимах и типах правового регулирования также требует использования определённых разновидностей правовых средств [15, с. 21].

Резюмируя изложенное выше, можно выделить характерные признаки правовых средств: они предусмотрены нормами права, имеют функциональное назначение, обеспечивают достижение поставленных целей и решение необходимых задач, их использование влечет за собой определенные юридически значимые последствия и обеспечивается государством.

Лицензированию как правовому средству присущ ряд особенностей. Во-первых, оно является средством разрешительного регулирования. Во-вторых, по уровню решаемых в правовом регулировании задач данное правовое средство может быть определено как специальное, поскольку предназначено для решения только отдельной задачи – допуск к условно дозволенной деятельности. В-третьих, это регулятивное правовое средство, устанавливающее порядок реализации права, удовлетворения правомерных потребностей и интересов субъектов права. В-четвёртых, использование данного средства требует соблюдения определенной процедуры.

Среди его функций следует выделить регулятивную, легитимирующую, контрольную и фискальную. Посредством введения лицензирования государство устанавливает определенный вариант поведения, предоставляя лицу позитивные субъективные права и возлагая на него позитивные юридические обязанности, и тем самым упорядочивает общественные отношения. Наличие лицензии подтверждает законность (легитимность) права субъекта на осуществление указанной в ней деятельности. Принятию решения о предоставлении заявителю лицензионных правомочий предшествует проверка и (или) экспертиза его соответствия установленным требованиям и условиям, тем самым при помощи лицензирования осуществляется контроль за допуском соискателей в те сферы, где для обеспечения баланса публичных и частных интересов необходимо соблюдение определенных параметров (уровень квалификации, материальная база и т.д.). Также взимаемая за выдачу лицензий пошлина является одним из источников государственных доходов.

В Республике Беларусь лицензируются не только отдельные виды деятельности (предпринимательской и профессиональной), но и некоторые хозяйственные операции. Представляется, что правовая природа правомочий лицензиата в этих случаях различна. Отличительной чертой правоспособности как возможности иметь любые признанные законом права и принимать на себя обязанности является абстрактный характер, а субъективного права как принадлежащего определенному субъекту наличного, существующего права – конкретный характер. Как и правоспособность, правомочия, предоставляемые лицензией на вид деятельности, носят абстрактный характер, поскольку они не позволяют определить тот круг конкретных правоотношений, участником которых может выступить лицензиат, а также объем и содержание его прав и обязанностей. Законодательством установлено, что соискателями лицензий являются юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица, осуществляющие адвокатскую или частную нотариальную деятельность. В соответствии с п. 1 ст. 45 Гражданского кодекса Республики Беларусь юридическое лицо может иметь гражданские пра-

ва, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, а также предмету деятельности, если он указан в учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Объем правоспособности, определяемый в соответствии с вышеуказанной нормой, носит идеальный характер. Фактически он сужается путем исключения или блокирования отдельных сегментов. К числу таких сегментов относятся те, условием доступа к которым является наличие лицензии. К предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила, регулирующие деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями [16, ст. 22]. Однако в отличие от юридических лиц объем правоспособности индивидуальных предпринимателей определяется только целями предпринимательской деятельности, которыми являются получение прибыли или личного дохода, поскольку в соответствии с Положением о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. [17], указание видов деятельности в свидетельстве о государственной регистрации индивидуального предпринимателя не требуется. Специальная правоспособность адвокатов и частных нотариусов обусловлена особенностями тех функций, которые возложены на них законодательством, а также публичным характером их деятельности. Следовательно, лицензия на определенный вид деятельности легитимирует правоспособность лица в соответствующей сфере и предоставляет ему возможность вступать в различные правоотношения в связи с осуществлением этой деятельности, приобретать права и нести связанные с ней обязанности.

Лицензирование отдельных хозяйственных операций применяется во внешней торговле. Перечень товаров, экспорт и (или) импорт которых лицензируется, утвержден решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 19 [18]. Правомочия, предоставляемые такой лицензией, носят конкретный характер. В ней указывается не только лицензиат, но и покупатель (продавец), сведения о контракте, в рамках которого осуществляется внешнеторговая операция, стране происхождения и назначения (отправки) товара, а также его описание, стоимость и количество [19, Приложения № 3 и № 4]. Таким образом, лицензия на экспорт или импорт предоставляет лицу субъективное право на перемещение через таможенную границу указанного в ней товара в процессе исполнения конкретной сделки.

Заключение

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Лицензирование представляет собой правовое средство, при помощи которого реализуется право на осуществление предусмотренных законодательством видов деятельности (отдельных хозяйственных операций) путем принятия органом государственного управления по ходатайству заинтересованного лица индивидуального правоприменительного акта, легитимирующего правоспособность заявителя в соответствующей сфере или предоставляющего ему субъективное право на совершение определенных действий, а также последующего контроля за соблюдением этим лицом установленных требований и условий.

2. Лицензированию как правовому средству присущ ряд особенностей: оно является средством разрешительного регулирования; по уровню решаемых в правовом регулировании задач данное средство может быть определено как специальное; это регулятивное правовое средство; его использование требует соблюдения определенной процедуры.

3. Лицензирование выполняет регулятивную, легитимирующую, контрольную и фискальную функции.

Лицензия на определенный вид деятельности легитимирует правоспособность лица в соответствующей сфере и предоставляет ему возможность вступать в различные правоотношения в связи с осуществлением этой деятельности, приобретать права и нести связанные с ней обязанности, а лицензия на экспорт или импорт предоставляет лицу субъективное право на перемещение через таможенную границу указанного в ней товара в процессе исполнения конкретной сделки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ионова, Ж.А. Правовые проблемы государственной регистрации и лицензирования предпринимательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Ж.А. Ионова; Ин-т государства и права РАН. – М., 1997. – 29 с.
2. Шалаева, Т.З. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.З. Шалаева; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 19 с.
3. Тарасов, С.А. Лицензирование как метод государственной разрешительной политики в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.А. Тарасов; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2001. – 21 с.
4. Олейник, О. Правовые основы лицензирования хозяйственной деятельности / О. Олейник // Закон. – 1994. – № 6. – С. 15–18.
5. Троценко, О.С. Проблемы лицензирования предпринимательской деятельности (гражданско-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.С. Троценко; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.
6. Мазур, О.А. К вопросу о совершенствовании законодательства в сфере лицензирования / О.А. Мазур // Правовое государство : теория, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 2–3 нояб. 2006 г. / редкол. : В.И. Кочурко (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2006. – 492 с.
7. Куликова, Т.В. Лицензирование как форма реализации исполнительной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.В. Куликова; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2007. – 26 с.
8. Ершова, И.В. Предпринимательское право : учебное пособие / И.В. Ершова, Т.М. Иванова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юриспруденция, 2000. – 416 с.
9. Пугинский, Б.И. Правовые средства обеспечения эффективности производства / Б.И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1980. – 144 с.
10. Хохлова, И.С. Способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.С. Хохлова; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2009. – 30 с.
11. Алексеев, С.С. Право : азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
12. Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А.В. Малько // Журнал рос. права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
13. Шундилов, К.В. Цели и средства и праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / К.В. Шундилов; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1999. – 24 с.
14. Сапун, В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права / В.А. Сапун // Проблемы реализации права : межвуз. сб. науч. тр. / Свердловск. юрид. ин-т ; редкол.: А.Ф. Черданцев [и др.]. – Свердловск, 1990. – С. 9–20.
15. Сапун, В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.А. Сапун; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2002. – 49 с.

16. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

17. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 01.03.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

18. О едином нетарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации : решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества, 27 нояб. 2009 г., № 19 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

19. О правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами : соглашение Правительства Респ. Беларусь, Правительства Респ. Казахстан и Правительства Рос. Федерации, 9 июня 2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Chervyakova T.A. Place of Licensing in the Mechanism of Legal Regulation

In article are analyzed the points of view about the legal nature and essence the licensing, which exist in the belarus and russian legal literature. On the basis of the approach of tool to research of problems of legal regulation author defines licensing as legal means, which allows to realise of the right to realisation of some kinds of activity (economic operations).

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.08.2010

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Аляксейчыкава Н.М. – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Куляшова

Борсук Н.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Варакуліна М.У. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Вуглік І.Р. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры культуралогіі Інстытута сучасных ведаў імя А.М. Шырокава, вучоны сакратар Савета інстытута

Галімава Н.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, дэкан гістарычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гарматны В.П. – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Гранік І.М. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі, кіравання і фінансаў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Грузінская А.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры банкаўскай справы Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Зайчук Г.І. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Лаўрэнка Л.В. – выкладчык кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Марозька К.У. – аспірант кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Паўшок А.У. – аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Савіч А.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Тафасёў Г.І. – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры рэгіянальнай гісторыі Чувашскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.Я. Якаўлева

Седзель А.Я. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Храмаў С.М. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Цімафееў Р.У. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава

Цюга С.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чарвякова Т.А. – асістэнт кафедры дзяржаўна-прававых дысцыплін Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Чарнавалаў А.В. – доктар эканамічных навук, прафесар кафедры теарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, прафесар кафедры маркетынга і менеджмента Інстытута кіравання і адміністрацыі Акадэміі Падляскай (г. Седльцэ, Рэспубліка Польшча)

Юдзіна І.І. – спецыяліст па вучэбна-метадычнай працы Чувашскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.Я. Якаўлева

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, К.А. Зуева*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 29.11.2010. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 19,30. Уч.-изд. л. 16,40.
Тираж 100 экз. Заказ № 737.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.